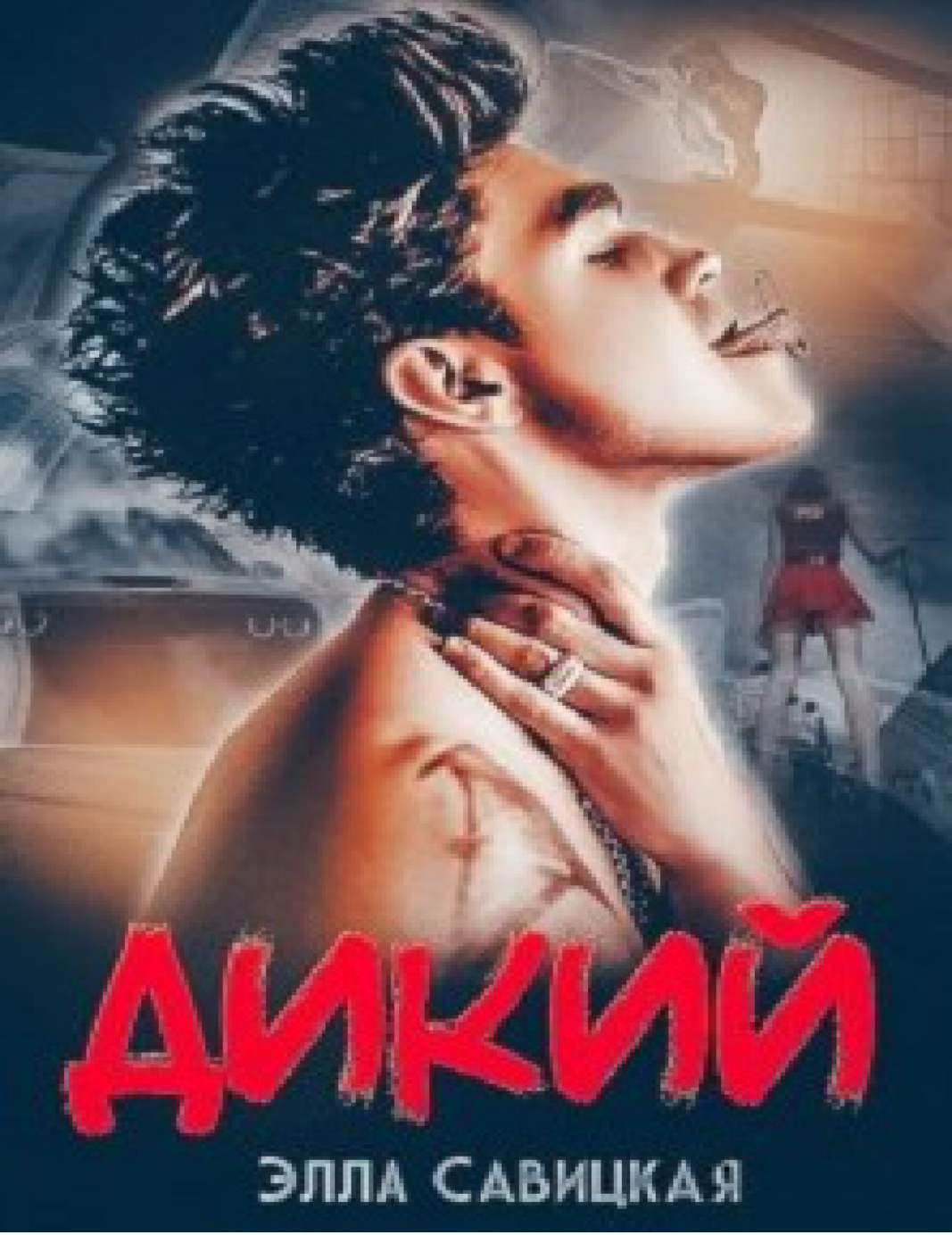
ДИКИЙ
ЭЛЛА САВИЦКАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он — неуправляемый и жестокий мажор. А я выросла в детдоме. Он хочет меня. А я его презираю. Нам придется жить под одной крышей… Кошмар для меня только начинается, потому что противостоять ему очень сложно…Но я постараюсь! История Кеши, героя из романа "(не) зачет для мажора". Книгу можно читать отдельно. Горячо. Эмоционально. Откровенные постельные сцены. ХЭ. В тексте есть: очень откровенно, сложные отношения, наглый герой

- Дикий
- Глава
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31

- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Эпилог
- Бонус

Дикий
Элла Савицкая

Глава

— Эт че за херня? — киваю в сторону придурков, рассевшихся на наших местах.

Рыжий прослеживает мой взгляд и недовольно кривит рожу.

— Это Жека Кулак со своими шавками. Они уже месяц как здесь тусуются.

— И? В чем проблема подвинуть?

— Я пытался, Мот. Мы с пацанами ему объясняли. Не доходит.

Неподалеку газует мотоцикл, и врубаются на полную катушку колонки, из которых несется хреначить в барабанные перепонки рок.

Подкуриваю сигарету, тяну шею в стороны, разминая мышцы. Как много поменялось за полгода, что меня не было. Похоже, все успели сильно расслабиться. Но ничего. Это легко поправимо.

Поднимаюсь по нескольким ступенькам вверх и подхожу к идиотам, усадившим свои задницы на самые козырные места скамеек, откуда отлично видно весь трек. На НАШИ места.

Свищу им, привлекая внимание.

Самый борзый, откинувшись на спинку, лениво поворачивает ко мне рожу.

— Че надо?

Скалюсь и встаю прямо перед ним.

— Встал и пересел!

В ответ мне летит желчный ржач.

— Попутал парень? Здесь сижу я и мои друзья!

— А еще полгода назад здесь сидел я.

Теперь начинаю ржать я. Громко и продолжительно, так что лицо хмыря вытягивается.

— Ну, так это было полгода назад. Свали!

— Ты че?

Вытаскиваю сигарету изо рта и с характерным шипением тушу её о его повисшую на спинке скамейки ладонь.

Мудак отдергивает руку, а я его в этот момент хватаю за затылок и бью коленом в рожу. От неожиданности он не успевает сгруппироваться. Мычит и хватается за нос, а его дружки подрываются с мест. Нагибаюсь, слыша свист летящего над головой кулака, и впечатываю свой в печень дрища. Бросаю взгляд вправо и вижу, как Рыжий расправляется еще с двумя. Проснулся, блядь.

Приседаю на колени перед тем, кому, судя по количеству крови на его роже, сломал нос, и усмехаюсь.

— Свали! — возвращаю ему его же слова.

Встаю и, схватив его за шкирку, подталкиваю к ступеням. Сам заваливаюсь на свое место и закидываю ноги на скамейку впереди. Дом, милый дом. Оказывается, я успел соскучиться.

Рыжий удовлетворенно падает рядом. Подкуривает сигарету и, подобно мне, упирает ноги в скамью.

— И че? Так сложно было без меня все решить? — хмыкаю не без издевки и кошусь на трек.

Справа падает Юлька, телка, чье имя я запомнил только благодаря её сиськам четвертого размера. Вчера устроила мне знатную встречу. После приезда я еще так сказать прохожу акклиматизацию, а хороший секс и друзья мне в этом помогают. Не то, чтобы за границей я не трахался, но их долбанные “Ес, ес, фак ми” порядком подза*бали.

— Мооот, — тянет хриплым прокуренным голосом блондинка, укладывая ладонь с длинными ногтями мне на член поверх джинс, — а ты сегодня приедешь?

— Не знаю. Я еще не решил как собираюсь провести вечер.

Умелые пальцы расстегивают мне ширинку и забираются в трусы. Её даже не стесняет, что рядом Рыжий отпаливает все движения и скорее всего уже в красках представляет, как сам трахает ее во всех позах. Я в принципе друг хороший, всегда делюсь с близкими тем, кого имею. Почти всегда. Настей не делился, хотя сучка именно этого и заслуживала.

Пока Юля работает над моим вялым членом, я подкуриваю сигарету и осматриваю трек. Кое-что за время моего отсутствия изменилось. Парни расширили границы трассы, добавили пару новых поворотов и притащили новую аппаратуру для афтепати.

Теперь музыка звучит без репения и подхлестывает адреналин.

— На треке новые правила отмашки, — Рыжий орет мне в ухо, так как перед заездом музыку сделали еще громче.

Я вопросительно выгибаю бровь.

— Щас увидишь. Тебе понравится! — с неприкрытым восторгом вещает Саня, кивком головы указывая на старт трека.

Перевожу глаза вниз и замечаю девчонку, направляющуюся к середине дороги. Брюнетка в обтягивающем топе, коротких шортах, открывающих половину подтянутой задницы, сексуально покачивающейся на каждом шагу. На ногах красные ботфорты выше колена. Кивает участникам гонки и становится прямо напротив них. Навскидку ей лет девятнадцать. Стройная талия, плоский живот и да, неплохие сиськи.

Юлька начинает облизывать мое ухо, нависая справа. Откидываю ее руку и отталкиваю от себя локтем.

— Иди погуляй! — я в конце концов гонку пришел посмотреть, а подрочить мне можно в любой другой момент.

Под обиженный выдох блондинки застегиваю ширинку и опираюсь локтями на расставленные колени. Обоих гонщиков я хорошо знаю. Пацаны давно тренируются и показывают отличные результаты. На них хорошие бабки можно поднять, что я иногда и делаю.

Возвращаю взгляд на брюнетку. Обжигающий летний ветер треплет длинные волосы. Она широко улыбается, демонстрируя два ряда ровных белых зубов. На запястьях кожаные перчатки, обрезанные на пальцах. Музыка резко сменяется. Девчонка расставляет ноги, медленно поднимает руки, левой оттягивает ворот топа, а правой резко дергает замок вниз. Топик расстегивается, и гонщики срываются с места, как только ее сиськи, спрятанные в кружевной красный лифчик, оказываются на свободе. Нихера себе, шоу!

Рыжий довольно свистит, публика подхватывает его восторг, пока брюнетка утопает в вихре поднятого ветра. Я впиваюсь взглядом в эту волшебную картину. Медленно обвожу глазами небольшую грудь и чувствую, как у меня встает. От стараний Юльки толку не было, зато сейчас член налился и больно уперся в джинсы. На лице девчонки в эту секунду столько кайфа, словно она сделала затяжку марихуаны. И я даже понимаю почему. Бешеный адреналин оттого, что мимо тебя несутся на всей скорости. В любую секунду каждый из них может потерять управление и размазать грид-герл по асфальту. Туда спускаются только самые безбашенные. И в этом нескрываемом удовольствии на ее лице я узнаю себя. Пухлые губы растягиваются в упоительной улыбке, прикрытые глаза демонстрируют, как она впитывает этот кураж в себя. У меня руки начинают зудеть от желания разделить его на двоих.

Ухмыляюсь, откидываясь обратно на деревянную спинку. Когда мотоциклы сворачивают на повороте, девчонка застегивает обратно топ и быстро сходит с дороги, чтобы дальше гонщики могли проехать беспрепятственно.

— Ну как тебе? — с горящими глазами интересуется Саня. Его взгляд не отпускает брюнетку весь путь, пока она идет к своему месту внизу.

— В разы лучше флажка, — констатирую факт и потираю напряженный член.

— Я же говорил, ты заценишь. Я от Маринки тащусь!

— Марина, значит. Давно на треке? — сверлю ее затылок глазами, пока она что-то обсуждает с другой грид-герл, которую я хорошо помню.

— Нет, третий раз. Она крутая!

— Чем же?

— Всем. У меня встает каждый раз, стоит ей выйти на дорогу.

Да, похоже, по реакции публики тут парад членов сейчас начнется в ее честь.

— Ну так трахни ее. Как будто не знаешь, что любая грид-герл парой фраз или купюр легко превращается в шлюху.

— Ага, щас! Думаешь, я не пытался? Точнее не я один. Она отшивает всех, кто переступает определенные границы.

— Цену набивает, — поясняю и так понятные вещи. У всех баб есть цена, только одним достаточно пары купюр, а другие закидывают удочку на рыбу пожирнее.

— Не знаю, брат. Сам попробуй, увидишь, — хмыкает со знанием дела рыжий.

Пф, проблему нашел. Если она готова нескольким десяткам парней сиськи на обозрение выставить, то ни о каких других преградах речи идти даже не может.

— Легко.

Словно почувствовав, что мы ее обсуждаем, брюнетка разворачивается и встречается со мной взглядами. Меня простреливает мгновенно. Под кожей растекается первобытное желание сделать ее своей и стекает прямо в область паха. Непокорность в зеленых глазах рождает желание подчинить себе.

Хочу! Эти губы, по которым спешно пробегает языком, сиськи небольшие и то, что может продемонстрировать мне под шортами. Уверен, там тоже все четенько.

Рыжий, как полный придурок, машет ей рукой и едва не скулит от счастья, получив в ответ мимолетную улыбку. Пронзительные глаза отрываются от меня, а потом ее внимание привлекают подошедшие парни. Один из них целует любительницу щекотать себе нервы в щеку, а второй обнимает подружку.

— Все еще уверен, что это будет легко?

Ухмыляюсь в хищном оскале. Люблю охотиться на послушную добычу. А если она будет непослушной, то так даже интереснее. В любом случае исход всегда один — все пойманные трофеи оказываются на коленях перед моим членом.

Глава 2

ТРИ НЕДЕЛИ НАЗАД

Марина

— Марииин, что мне делать? — слезы абсолютного страха катятся по щекам моей недавней знакомой.

Лана — темноволосая девчонка, которой еще даже нет восемнадцати, рыдает уронив голову на барную стойку, благо ту я совсем недавно протерла после того, как один из клиентов щедро разлил на нее дядюшку Дэниелса.

— Во-первых, успокойся! — требую я. Всегда считала, что бесполезное нытье ни к чему не приведет. — Во-вторых, из твоих всхлипов я поняла только, что ты разбила чей-то дорогущий мотоцикл.

Лана всхлипывает и, как беспомощный котенок, поднимает на меня зареванные глаза.

— Девушка, я дождусь своего пива? — по-хамски зовет меня парень в потертой подмышками косухе.

— Дождешься, если потерпишь, видишь у девчонки горе! А с тобой ничего не случится. Это допей сначала, — рявкаю я, то и дело поглядывая на часы в ожидании окончания смены.

Как достали это пьяные рожи. Интересно, у них вообще дно имеется? Иногда мне кажется, что клиенты бара «Мэдс» могут заливать в себя алкоголь безмерными порциями.

— В общем, помнишь, я рассказывала о Дэне? — пару раз всхлипнув, девчонка пытается связать слова в полноценный рассказ. — Он учил меня кататься на мотоцикле. А сегодня я попросилась у него на трек. Он сначала сопротивлялся, но в итоге пустил с тем условием, чтобы я не снимала шлем. Слушай, не будь букой, ну налей мне выпить! — нос на ее лице морщится, словно она опять собирается разразиться в истерике, и я соглашаюсь. В конце концов ей скоро восемнадцать, а от стакана мохито еще никто не умирал.

— Рассказывай давай! — насыпаю в стакан горсть льда, листья мяты, заливаю все это дело ромом и чуть большей долей спрайта, пока она продолжает.

— Короче говоря, я не вписалась в поворот и упала! — полные губы девчонки обхватывают трубочку и делают несколько жадных глотков коктейля, — поцарапала его сильно, погнула какую-то деталь, я не разбираюсь, но теперь Дэн требует с меня денег на ремонт, а их нет. Я ведь тебе тогда отдала последние.

Ее подбородок снова начинает дрожать. Лана в ужасе качает головой.

Да уж, дела. Эта девчонка порой напоминает мне наивного ленивца из мультика. Ей кажется, что мир вокруг прост, как пять копеек. Да что рассказывать, если она мне — на тот момент абсолютно незнакомому человеку, дала в долг несколько тысяч только потому, что я случайно проболталась о том, что мне нечем заплатить за квартиру и уже через несколько дней буду жить в подсобке бара. Собственно, с того дня наши ничего не значащие беседы приобрели более глубокие отношения. Девчонка захаживала почти каждый день, рассказывала о себе, а потом тянула в кино или в парк, а я и сама не поняла, как успела пропитаться к ней сестринскими чувствами. И это всего за каких-то три месяца. Наверное, все потому что таких знакомых у меня еще не было. С детства мое общение сводилось с узкому кругу, в котором если ты не выживал, то загибался в подвале или замерзал на морозе. А Лана… она словно солнце. Светлая, чистая и теплая. Рядом с ней и мне хочется согреться.

— Слушай, ну ничего страшного не случится, если ты расскажешь отцу или брату. Они ведь помогут в любом случае. Да, выхватишь, но денег-то дадут, — пожимаю я плечами, отправляя по барной стойке пиво нетерпеливому идиоту, уже машущему мне пустым стаканом.

— Нет, ты что! — до этого большие карие глаза девчонки приобретают размеры планеты Земля, стоит мне упомянуть ее семейку. — Отец если узнает, что я вообще училась ездить на мотоцикле, отправит меня в частный женский университет, а брат и вовсе убьет. Он же псих! Больной!

Лану распирает каждый раз, когда она рассказывает о своем братце. Я уже наслышана разных страшилок о том, как он поджег дом одного парня только потому, что тот увел его девчонку, а перед этим сломал ему руку.

— Лан, ну не будет же он тебе ломать конечности в конце концов! — пытаюсь воззвать к ее здравому уму, на что получаю отрицательное мотание головой.

— Марин, ты не понимаешь! Он возвращается скоро! Стоит только подумать об этом, меня в дрожь бросает. Ты ведь не знаешь его. Человека ужаснее не существует! Он ненавидит меня с детства! Матвей способен на что угодно. Если уж он любовницу отца спустил с лестницы, то и меня не постесняется.

По истерике в огромных глазах вижу, что знакомая не преувеличивает. Видимо братцу с детства многое позволяют, раз он возомнил себя царем мира. Я бы на месте этой подавленной девчонки давно ему устроила сладкую жизнь. Часы на стене показывают ровно двенадцать. Пора закругляться.

Разворачиваюсь и, взяв пульт в руки, выключаю плазму на

стене. Меня тут же награждают разочарованные мужские выкрики и требования включить обратно. Но мне плевать. Бар работает до двенадцати, и ждать, пока их пьяные морды напьются в хлам, я не собираюсь. У меня будильник на шесть утра.

— Расходимся! — выкрикиваю, забираясь ногами на барную стойку. — Эй, парень, и друга своего забери, или ты хочешь, чтобы я сама вытаскивала этого громилу из-за стола? — указываю пальцем на развалившегося байкера, уже давно перебравшего и не находящего в себе силы даже подняться.

— Куколка, пойдем с нами, мы умеем быть нежными, — подмигивает Казанова с потертыми подмышками, — тебе понравится!

— А я умею быть грубой, — отрезаю, кивнув им на дверь. — И вам это точно не понравится! Валите давайте!

По — началу я пыталась быть с ними вежливой, но таких бугаев если не возьмешь за яйца, они потом расслабятся и развалятся, как куры на жердочках. А завтра уставшие после трудового дня все они все равно возвращаются, а иногда даже с цветами или шоколадками. Идиоты.

Глава 3

Когда подтолкнув в спину последнего, я закрываю дверь изнутри и переворачиваю табличку со словом «закрыто», натыкаюсь на восхищенный взгляд Ланы.

— Слушай, мне бы так научиться. Их же тут человек десять было. Не страшно тебе?

— Нет, — веду плечами, забирая из-под стойки кофту и переобуваясь в уличные кроссовки, — они же еле стоят все. Думаешь, способны на что-то кроме того, что трепать языком?

Скептически заламываю бровь, а потом крикнув Марии, посудомойке, что ухожу, проверяю закрыла ли кассу, подхватываю Лану под локоть и замыкаю за собой дверь.

— Не знаю. Я бы так не смогла.

Это точно. Лана как милый домашний хомячок. Пушистая, может укусить, но не больно. Мы выходим на темную улицу, она по своему обыкновению вызывает такси.

— И где деньги будешь искать? — возвращаюсь к нерешенной проблеме, напоминая Лане о происшествии, от чего слезы снова собираются в ее глазах.

— Не знаю, — шепчет обреченно. — Дэн предложил мне отработать их, если не найду сумму. А именно бесплатно заменять одну из грид-герл на треке.

— А он в курсе кто твой брат?

— Да. Именно поэтому и предложил. Парни в контрах, и он знает, если я встану на трек в той шлюшской одежде, Матвею снесет крышу. И мой сумасшедший братец поубивает и их, и меня. Провались он пропадом этот Денис.

— И сколько работать нужно?

— Три месяца, — вздыхает, утыкаясь глазами в землю. Тонкие пальцы теребят поясок маленькой кожаной сумки, перекинутой через ее плечо.

— Как часто?

— Раз или два в неделю. Они иногда устраивают незапланированные гонки.

Прикинув, что в принципе могла бы ей помочь, особенно если учесть, что будь у девчонки деньги, отданные мне на жилье, она бы легко заплатила ими за ремонт и не было бы проблем, я решаюсь на единственный правильный вариант.

— Я отработаю за тебя!

Карие глаза удивленно взметаются на меня.

— Марин, ты серьезно сейчас? Потому что если шутишь, то ты — ужасный человек.

Я хмыкаю и треплю ее по голове, как ребенка.

— Конечно, серьезно. Что может быть страшного в том, чтобы помахать фонарем перед участниками гонок раз в неделю?

— Боже, спасибо тебе! Ты моя спасительница! — Лана наваливается на меня с объятиями и поцелуями. — Я обязана тебе по гроб жизни!

Я смеюсь и отлепляю ее от себя. Все эти телячьи нежности вгоняют меня в ступор.

Когда я приезжаю вместе с ней к тому самому Дэну, оказывается все не так просто. Они решили сменить кое-какие правила, и теперь выходя на трек, грид-герл обязана отдавать старт не фонариком или флажком, а расстегивать топ. И самое главное в этот момент быть без лифчика. Зачем? Ослу понятно, что таким образом они привлекают озабоченных придурков, делающих ставки, лишь бы иметь возможность беспрепятственно поглазеть на грудь девчонок.

Особо не раздумывая, я соглашаюсь, но решаю в итоге поступить по-своему. Хрен им, а не моя грудь. Дэн просто так от Ланы уже не отвалит. А судя по тому, как загорелись его глаза, стоило сказать, что отрабатывать вместо нее буду я, эта идея ему пришлась по душе.

Мне же стесняться нечего. Плюсов добавляет то, что после гонок на треке устраиваются вечеринки, где можно хорошо оторваться. А мне это просто необходимо.

Сегодня третий раз как я приезжаю на трек. Половина кобелей, с которыми успела познакомиться за прошлые вечера, летят навстречу капая слюнями, но мне они не интересны. Я ищу глазами того, о ком говорила Лана. Ее братец вернулся якобы из лечебницы, в которой проходил реабилитацию, хотя на самом деле его семейка отправила сыночка в закрытую клинику, где его и лечили, и давали пользоваться любыми другими мирскими благами, кроме алкоголя и наркотиков. Неплохо так лечиться, наверное.

Я нахожу его только тогда, когда чувствую неприятное жжение на затылке. Оборачиваюсь и встречаюсь с острыми как лезвие бритвы голубыми глазами. Его взгляд издевательский, надменный и… устрашающе дикий. Мне хватило всего доли секунды, чтобы понять, что имела в виду Лана. Даже само выражение лица говорит о том, что с таким связываться не стоит. Один внешний вид может сказать о человеке многое. Я научилась читать людей несколько лет назад, когда оказалась на улице. Иногда смотришь на приближающуюся личность и уже чувствуешь, что у него под кожей. У этого внутри был хаос, который он нес в люди и заражал им каждого, кто рискнет

оказаться в кругу его знакомств.

Вот только даже таких можно поставить на место. Работая в баре, приходится сталкиваться с разными психами, способными на многое в алкогольном опьянении. Так что экземплярчик конечно интересный, но не такой уж ужасный, как меня пугала Лана. Хотя для нее возможно он именно такой. Девчонка паука в углу боится, что уж говорить о братце бывшем наркомане.

— Ри, привет, — Сергей, один из гонщиков, подходит к нам с Лерой и целует меня в щеку.

— Привет, Сереж, сегодня принимаешь участие?

— Нет, я в следующем заезде. Хотели предложить вам остаться на афтепати. Хотим замутить немного выпивки, музыки, потанцевать. Прямо здесь, как смотрите на это??

Я утвердительно киваю головой, не согласовывая ответа с Лерой, знакомой грид-герл. Девчонка мне не подруга. Знаем друг друга всего ничего, поэтому думаю каждый сам вправе решать, чем хочет заняться остаток ночи.

— Я за.

— Я тоже.

— Тогда отлично. Я щас еще подтяну народ.

— Окей.

Киваю и прослеживаю глазами за тем, как парни поднимаются на самую верхнюю ступеньку, чтобы скорее всего, позвать Сашу и Матвея. Так, кажется, Лана говорила, его зовут.

Если Сашка с готовностью кивает, то второй сначала переводит глаза на меня и, кажется, интересуется чем-то, потому что все они вдруг смотрят в мою сторону. Сережа отвечает, и физиономия братца Ланы расплывается в довольной улыбке. А потом я читаю по его губам:

— Я буду.

Глава 4

Марина

Пока одни ребята отодвигают в стороны скамейки, мы с девчонками помогаем накрыть импровизированные столы. Накрыть — это конечно сильно сказано. Просто расставляем бутылки, заранее приготовленные в ящиках Сережей. Чего здесь только нет. Бренди, виски, даже водка с соком. Кажется, сегодня под утро отсюда будет паломничество на четвереньках в сторону города. Алкоголь не очень дорогой, но это и не удивительно. На такие сборища обычно не расщедриваются, а народу и этого хватит.

Наливаю себе в стакан бренди и делаю несколько глотков. Горло обжигает, и горячительная жидкость плавно стекает в желудок. Нужно держать себя в руках и не перебрать, потому что завтра попросили помочь в клинике.

— Иди-ка сюда, девочка! — раздается сзади довольно грубым тоном, а потом вдруг мой локоть обхватывают мужские пальцы и тащат в сторону.

Резко оборачиваюсь и вижу Дэна. Опять недоволен тем, что оставила лифчик. Он еще в первый раз, когда понял, что его требование осталось невыполненным, пытался запугать меня и угрожать. Выхватываю руку и останавливаюсь.

— Не надо тащить меня, как куклу!

Парень разворачивается и тычет мне в лицо пальцем. Не будь Лана должна этому паршивцу, я бы ему уже палец сломала. Терпеть не могу, когда машут перед лицом конечностями.

— Марина, что непонятного в том, что ты должна снимать лифчик и оставаться под топом голой?

— Я не собираюсь демонстрировать всем свои прелести, Дэн! Тебе не кажется, что ребятам и так вполне хватает сисек Леры?

— Нет, не кажется. Правила здесь устанавливаю я! И если я сказал без лифчика, значит без лифчика! Не собираешься выполнять это условие, значит, будем прощаться, и на это место я поставлю овцу Лану.

Вот же козел! Стаканчик начинает хрустеть в моей руке, потому что желание плеснуть ему в физиономию бренди становится невыносимым.

— У тебя последняя возможность исправиться.

Разворачивается и уходит, тут же сменяя угрожающую маску на лицемерную, когда в поле его зрения попадается Лера. Вообще не понимаю, как он может с ней спать после того, как она уже только при мне два раза удалялась с гонщиками в их машины.

Черт, вот и что теперь делать? Я думала, он поорет и махнет рукой, удовлетворяясь хотя бы тем, что я стараюсь менять лифчики. Кстати, дорогим бельем меня снабжает именно Лана. У меня за всю жизнь их было штук пять, а содержимым ее комода можно покрыть небольшую плантацию, защищая от дождя.

— Ри, — от неприятных мыслей меня отвлекает Саша.

Довольно приятный парень с рыжеватым оттенком волос и заразительной улыбкой. Он обратил на меня внимание с моего самого первого выхода на трек. Только я и понятия не имела, что этот симпатяга знаком с братцем Ланы.

Матвей

Музыка басит как оголтелая на весь район. Ничего не меняется. Зимой и летом одним цветом. Именно так живет трек. Только в сильный ливень и метель отменяются гонки, вся остальная погода не помеха.

Мы спускаемся вниз по ступеням, вливаясь в толпу. Даже не рассматриваю присутствующих. И так примерно знаю, кто любит затусить на афтепати. Хотя все же по физиономиям пробежаться надо будет. Может, кто новенький добавился за время моего отсутствия.

— Здарова, Кеш, ты когда вернулся? — какой-то чудило наваливается на меня прямо из толпы, пытаясь похлопать по спине, как будто мы знакомы сто лет. Я его даже не узнаю.

— На днях, — отвечаю, с улыбкой принимая это панибратство.

Такие как он всегда ищут к кому примкнуть. Сзади наваливаются еще двое, утапливая меня в щедрых приветствиях. Ха. То, что мое отсутствие заметят, это я знал, но чтобы его ждали — удивляет. Не верю ни одному их лицемерному рукопожатию. Но пусть стелятся. Кто ж я им такой, чтобы запрещать?

Мы проходим дальше к пластиковым столам с тусующимися около них телками. Шведский стол, мать их. Блондинки, брюнетки. С длинными угольно черными волосами и короткими стрижками под пацана. Одно время меня заводили именно такие.

— Привет, Мот, — Алина, бывшая моего брата, подходит и виснет на моем плече. Младший застукал нас, когда я трахал её в гостиной, нагнув прямо над столом. Полез на меня с кулаками, придурок. А мне всего лишь хотелось показать ему, что искать телку на треке не самый лучший вариант. Не оценил поступка. — Ты вернулся?

В пьяных глазах похоть и неудовлетворенное желание. Острый ноготь скользит по моему подбородку, по всей вероятности, желая добиться внимания. Пресноооо. Здесь я уже

все видел.

— Вернулся. Вспоминала меня?

— Конечно!

— А я тебя нет.

Констатирую с широкой улыбкой и сбрасываю с себя женскую руку.

Фыркнув, Алина возвращается к таким же, как и она сама, и тут я замечаю ту самую брюнетку, о ком говорил Рыжий. Она стоит в гордом одиночестве поодаль от остальных и, судя по выражению лица, чем-то озабочена. Делает глоток коричневой жидкости из прозрачного стакана. Обычно это виски или коньяк, но телки не пьют такого. Максимум на что их хватает — это на коктейли или водку с соком. Тогда что? Кола?

По довольной роже Сани вижу, что он тоже её замечает и, расталкивая народ, несется, как кобель к сучке. Кажется, его уже можно на поводок сажать и слюнявчик надеть не помешает.

— Кэш! — оборачиваюсь, замечая Примата.

— Здарова! — жму протянутую руку.

Примат — мой человек на боях без правил, в которых я принимаю самое активное участие, и раз он хочет внимания, значит, имеет что мне предложить.

— Ты как вообще? — подкуривает сигарету и внимательно осматривает меня с ног до головы. Прикидывает, в какой я форме после долгого отсутствия.

— Отлично. К месилову готов, — ухмыляюсь, впечатывая кулак в открытую ладонь.

На самом деле я дико соскучился по рингу. По запаху крови противника и боли по всему телу от ударов тех, кому удается меня перехватить. Адреналин давно копится в моих мышцах и требует извержения. Месяцы вдали от места, где я обычно выплескиваю негатив, не усмирили желание драться, а наоборот. Все то время, пока мне втирали о поисках самого себя и необходимости погрузиться в тот момент, когда я потерял связь с нормальным миром, получалось думать только об одном: о том, что когда вернусь, первым делом выйду на ринг и уничтожу каждого, кто захочет посоревноваться.

— Ну вот и ладненько. Я тогда наберу тебя на днях, есть у меня достойный парень на примете. Будет проездом в нашем городе, можно вас столкнуть. Рэджа помнишь?

Конечно, я помню его. До отъезда ему одному из немногих удалось меня завалить.

— Еще бы. Буду рад встретиться с ним снова.

— Вот и порешили. Тогда на связи.

— Давай.

Жмем еще раз руки, а сзади как раз раздается голос Рыжего.

— Мот!

Оборачиваюсь и удостаиваюсь внимания самой желанной брюнетки на этой пати. Пока мы смотрели гонку, пацаны все уши про нее прожужжали, сетуя на то, что дамочка кормит с руки сухарями, а нормально пожрать не дает.

— Знакомься, это Мот, — вещает Рыжий.

— Для своих Кэш, — тяну уголок губ вверх, без стеснения рассматривая породистую сучку.

А девочка охуенная. Вблизи она мне нравится еще больше. Немного раскосые зеленые глаза, пухлые губы, о которых я и сам думаю последние полтора часа, небольшой нос. Грудь уже успел заценить, но глаза сами валятся в призывное декольте. Интересно, у нее соски розовые или коричневые?

— А я слышала, что тебя называют Кеша.

— Кеша — это мой брат. А меня так называют те, кто не в курсе.

— А я Марина. Для своих Ри.

Забираю стакан из прохладных пальцев и делаю несколько глотков. Бренди. Чистый. Удивлен.

— Ри, а не уползешь ли ты на четвереньках после таких доз?

— Для тебя Марина, Матвей! — дерзит стерва, копируя мой взгляд и намеренно исследуя меня с ног до головы.

О как! Склоняюсь к её темноволосой головке и говорю на ухо:

— Думаю, после того, как я загоню в тебя свой член, ты согласишься даже на Р!

Отстраняюсь, выжидающе режа её взглядом. Плеснет в лицо бренди? Залепит пощечину? Развернется и свалит куда подальше? Но нет. Ри награждает меня сочувственным взглядом, подходит вплотную и прижимается ко мне всем телом. Трется о мой пах, покачавшись из стороны в сторону бедрами. Кровь приливает к стволу, накачивая его похотью, и я уже представляю, как чертова соблазнительница через какой-нибудь час заглотнет его поглубже.

— Не хочу тебя огорчать, Матвей, но судя по размеру содержимого твоих штанов, тебе придется звать меня Мариной Игоревной, ибо даже если бы ты загнал в меня ЭТО, боюсь, я бы ничего не почувствовала.

Зато чувствую я. Внушительную волну предвкушения, зародившегося внутри и ударяющего в голову. Прищуриваюсь, прикидывая как же вкусно будет ее трахать. Она, наверное, и кричит громко, когда кончает, и царапается как кошка. Люблю, когда мне противостоят. Таких гораздо приятнее ломать и нагинать, чем тех, кто делает это по собственной воле.

Ухмыляюсь и накручиваю темный локон на палец.

— О, ты не просто почувствуешь. Ты будешь молить меня остановиться, но я этого не сделаю.

— Марин, — к нам вдруг подходит парень из моего универа, прерывая обмен любезностями, и по-идиотски тянет лыбу, — здаров, ребят, — Марина воспользовавшись моментом, отходит от меня на расстояние вытянутой руки. Хрен жмет нам с Рыжим руки и обращает на нее внимание, — помнишь, я обещал тебя прокатить? Готова?

Ри оживает, начиная сиять, как новогодняя елка, и дарит ему ответную улыбку. Не такую как мне, а искреннюю и открытую.

— Еще бы. Я всегда готова.

— Тогда вон мой байк, — я прослеживаю за тем, как он указывает на красный дешевенький моцик, — ты иди, а я щас за шлемом сгоняю. У друга в машине бросил.

— Хорошо, — Ри одним глотком допивает бренди, слегка зажмурившись от крепости, и оборачивается за долькой лимона. Отправляет цитрус в рот и, чмокнув Сашу в щеку, бросает: — Пока, мальчики.

Я зависаю на ее заднице. Интересно, она специально ею виляет, или это ее обычная походка? Доходит до моцика, перебрасывает ногу, открывая нам с Рыжим вид на внутреннюю часть бедер. Бляяядь.

Оборачиваюсь и вижу парня, который, судя по всему, уже в красках видит развитие сегодняшнего вечера с этой стервой, потому что шкерится он так, будто ему гарем сам шейх подарил. Секунду поразмыслив, подхожу к нему, пару минут разговора по душам, и трусливая шкура уже вручает мне шлем и свою кожанку. Закрепляю ремешки под подбородком, накидываю куртку и быстро подхожу к байку.

Марина встряхивает волосами и, дождавшись пока я сяду, обхватывает меня за талию.

— Куда едем?

— Кататься!

Отвечаю и, заревев байком, стартую с места, пока девчонка не успела сообразить, что голос принадлежит не ожидаемому знакомому.

Глава 5

Матвей

Сначала мы рассекаем трек, а потом я выезжаю на трассу, намереваясь увести девчонку куда подальше. Её довольный визг вызывает у меня улыбку, а горячее тело, прижимающееся к спине, вынуждает отвлекаться от дороги. Так и хочется остановиться, пересадить её к себе на колени и впиться в губы, а потом заставить снова визжать, но на этот раз от того, как я буду насаживать желанные бедра на себя.

Вообще у меня редко бывает, чтобы хотел какую-то конкретную телку. Чаще всего хочу просто секса, а кто его будет давать особо не имеет значения. Главное, чтобы раскрепощенная и умела хорошо сосать. Ну и конечно с симпатичной мордашкой.

Ри подходит под все категории, а тот факт, что никому из парней еще не удалось ее завалить, делает эту особу для меня сладкой целью номер один.

Отъехав примерно километра на два от трека, я останавливаюсь, съезжая с дороги. Вижу боковым зрением, как Марина раскидывает руки в стороны и вскидывает голову к ночному небу.

— Это такой адреналин, — восхищается, рассматривая звезды, — я как будто летела над землей.

Снимаю шлем, готовясь подавлять ожидаемый бунт, и оборачиваюсь к ней лицом.

— Рад, что смог доставить удовольствие, Ри!

Девчонка резко опускает глаза, в которых в долю мгновения зарождается буря.

— Ты?

— Сюрприиииз!

Широко ухмыляюсь, наслаждаясь моментом. Зеленые глаза неверяще скользят по моему лицу.

— А где Юра?

— Понятия не имею. Главное, что я здесь. Со мной будет интереснее.

Марина, наконец осознав ситуацию, складывает руки на груди, вынуждая меня демонстративно облизаться. Топ слишком узкий. Предназначен именно для того, чтобы на телок глазели, глотая слюни. Что я не стесняясь и делаю.

— Разворачивайся, прогулка окончена! — требует, пальцем поднимая мой подбородок и заставляя оторваться от созерцания просящихся наружу сисек.

Надо же. Она еще и приказывать не боится. С каждой

минутой становится все интереснее.

Ставлю байк на подножки и встаю, чтобы иметь возможность оказаться к ней лицом. Ри вскидывает подбородок, пристально следя за каждым моим движением. Натянута так, словно готовится отбивать нападение.

Подкуриваю сигарету. Красный огонек вспыхивает в ночной глуши. Девичье лицо на мгновенье освещается небольшим пламенем от зажигалки и позволяет увидеть ее взгляд на себе. Интересно, о чем она думает? Судя по взгляду о чем-то нелицеприятном.

— Прогулка только начинается, — констатирую я, убирая зажигалку в карман, — ты откуда здесь взялась вообще? Не видел тебя раньше.

— А ты решил наконец познакомиться? — бунтарка фыркает, наблюдая за колечками дыма, что вылетают из моего рта. — Неужели тебя заинтересовало что-то помимо секса?

— Нет, — честно признаю я, — на самом деле мне плевать кто ты и откуда, интересуюсь больше для общего развития.

— Для общего развития почитай Харуки Мураками. “Норвежский лес” очень хвалят.

Губы вытягиваются в усмешку.

— Не люблю читать.

— А зря!

— Хотя, если хочешь знать мое мнение, сцен секса в книгу можно было вставить и побольше.

Даже в темноте я замечаю, как удивленно округляются глаза Марины. Да, мне есть чем удивить заигравшуюся скромницу помимо большого члена. Эту книгу и еще несколько из списка о поиске себя меня заставляли читать в клинике, а потом обсуждать и выносить для себя какие-то уроки. Только все это полная херня. Моя жизнь преподнесла мне урок, запомнившийся мне на всю оставшуюся жизнь.

Как подумаю про оплаченных отцом докторов, только делавших вид, что им есть дело до таких как я, так тошно становится. Учить меня они пытались. Психологи хреновы. Рассказывали о ценностях жизни и старались откопать в моей памяти момент, когда меня переломило. Как будто я сам не знаю, в какой именно миг выпал из реальности. Помню с точностью до миллисекунд, как это произошло. Момент перелома сознания и хруст костей то ли моих, то ли сестры ни разу не покидал памяти. Трясу головой, отгоняя воспоминания, и выкидываю сигарету.

— Но мы ведь не в книге, — говорю, ступая к девчонке вплотную, — в жизни можем трахаться гораздо чаще. Хоть на каждой странице.

Нагло кладу руки на тонкую талию и провожу языком по шее, пробуя на вкус. Не горькая. Брызгалками не пользуется. Кожа немного терпкая и прохладная после ночной гонки. Вкусная, однозначно.

Горячее тело мгновенно напрягается под моими ладонями.

— Расслабься, Риии, тебе понравится, — обещаю я, таща вниз замок на её топе. В паху разгорается похоть, а ладони покалываются в местах, где я соприкасаюсь с нежной кожей. Накрываю рукой небольшую грудь, чувствуя под пальцами твердый сосок, и уже собираюсь дернуть лифчик вниз, как зараза внезапно сильно бьет меня по руке и ведет плечом так, что цепляет мой подбородок, отчего челюсти звонко клацают, ударяясь друг о друга.

Перед глазами звезды рассыпаются от силы удара. Ни хера себе. Хватаю девку за горло и грубо стаскиваю с байка. Дикарка начинает вертеться, цепляя носками сапог землю, и вонзает мне в руку острые ногти. Вот дрянь.

— Угомонись, дура! — рычу я, сильнее сжимая тонкое горло.

— Пусти меня, ублюдок! — шипит фурия, еще сильнее вгоняя мне в кожу короткие, но острые ногти.

Вижу, как на запястье выступают капли крови. Меня начинает накрывать от возбуждения и желания нагнуть ее над байком и хорошенько трахнуть, не изощряясь на прелюдии. Еще никогда меня так не возбуждало противостояние. А то, как она борется за себя, скорее реально, чем наигранно, и вовсе затуманивает сознание.

А потом происходит то, чего я никак не ожидал от такой миниатюрной сучки. Она откуда-то вытаскивает нож и приставляет его к моему горлу. Холодное лезвие впивается в кожу, и судя по тому, что в этом месте начинает жечь, она ее распорола.

— Я клянусь, что у меня рука не дрогнет прирезать тебя, козел! — шипит, испепеляя меня глазами, в которых отчетливо читается готовность стоять за себя до конца.

В висках пульсирует с такой силой, что соображать становится сложно, но я разжимаю ладонь и отступаю. Провожу пальцами по собственной шее и размазываю выступившие капли крови. Дикарка смотрит на меня исподлобья держа нож наготове. Глупая. Глупая. Глупая.

— Ты считаешь, что я не смогу выбить из твоей крошечной ручки эту игрушку? — желчно ухмыляюсь. Нашла с кем соревноваться. С неоднократным победителем в боях без правил. Нагнуть ее сейчас для меня проще простого, вот только жгучая ненависть в глазах останавливает. Не потому что я боюсь какой-

то телки с ножом для разделывания фруктов, а потому что становится еще интереснее. А я люблю, когда мне ставят преграды. Тем занятнее их ломать.

— Попробуй! И узнаем, как ты выглядишь изнутри.

— Ох, ох, какие угрозы, — начинаю ржать, а потом намеренно близко прохожу мимо нее, цепляя плечом лезвие ножа, сажусь на байк, надеваю шлем и завожу мотор. — Если ты такая смелая, то дорогу домой легко найдешь, угадал?

Несколько раз газую на месте, а потом медленно объезжаю обезьянку с гранатой. Смятение на симпатичной мордашке умиляет.

— Ты что оставишь меня здесь одну? Посреди дороги ночью?

Киваю и, подмигнув на прощанье, срываюсь в сторону трека. До ближайшей заправки меньше километра, пусть пройдется ножками.

Глава 6

Марина

Урод. Скотина. Подонок чертов.

— Чтоб ты провалился, кретин! — ругаюсь вслух, сжав кулаки.

Водитель такси в очередной раз бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида, не преминув при этом зависнуть на моей груди. Озабоченный идиот. Закатываю глаза и утыкаюсь в ночную темноту.

Злость на брата Ланы таких масштабов, что ее можно было бы использовать вместо топлива для запуска ракеты в космос. Все же девчонка была права, он реально конченный. Мало того, что помешан на сексе, так еще и насколько нужно быть полным отморозком, чтобы оставить девушку одну посреди трассы. Мало ли что со мной там могло случиться. Но похоже его это мало волнует. Повезло, что машины на тот момент мимо не проезжали. Зато такси пришлось ждать добрых полчаса и теперь нужно выложить не отрывающему от меня липкого взгляда водителю почти все свои деньги за эту поездку.

И словно услышав мои слова, мужчина предлагает:

— Девушка, если у вас вдруг нет с собой наличных, можете расплатиться другим способом. Я не откажусь от…

— Обойдетесь. Деньги у меня есть, а на остальное не надейтесь.

Даже слышать не хочу о его грязных фантазиях. Кольцо на безымянном пальце противно режет глаза, поблескивая от уличных фонарей. Повезло же кому-то с таким муженьком.

Доехав до моего подъезда, расплачиваюсь и поднимаюсь на второй этаж. Дома стаскиваю с себя сапоги, которыми натерла жуткие мозоли, пока шла до заправки. Он — то за несколько минут доехал до трека и сейчас, наверное, весело проводит время, трахая какую-нибудь шлюху. Попадись он мне еще раз, уничтожу.

Принимаю холодный душ, потому что горячей воды в это время уже нет, надеваю пижаму и открываю холодильник с намерением перекусить. Желудок требует ужина, но бедолаге сегодня перепадет только стакан кефира и дешевая лапша. Зарплату обещали через несколько дней, а деньги на продукты пришлось отвалить за такси. Сжимаю зубы, стараясь успокоиться. Черт, даже пива нет.

Забив голод заваренной Ролтон, укладываюсь спать, плотно укутываясь в простыню. Привычка с детства. Когда в доме

малютки зимой не хватало отопления, мы все укутывались в одеяла, оставляя только носы, сбивались в комок и засыпали. Теперь даже летом, не смотря на удушающую жару, я плотно оборачиваю себя простыней и только так могу уснуть. Иногда воспитатели ложились рядом с теми, к кому по долгу не приходил сон, и поглаживали наши плечи. Такие моменты я особенно любила. Периодически даже претворялась что дрожу, лишь бы ко мне легла Дарья Владимировна, прижала к себе и утопила в такой необходимой каждому ребенку заботе. Я тогда вовсе дышать переставала, чтобы продлить этот момент, и лежала тихо-тихо, нюхая ее сладкие духи, казавшиеся самыми прекрасными на свете.

Это было так давно, что я уже и забыла какого это, когда о тебе заботятся. Пусть чужие люди, у которых есть собственные дети, но мы с ребятами это ценили. А когда выросли, подобным теплом нас перестали баловать, и мы научились греться сами. Некоторые согревались друг другом, и уже к выходу из детского дома родили малышню, которую потом в итоге там же и оставили. Я же не хотела подобного своему ребенку. Зачем? Подвергать его такой же жизни, как была у меня? Ну уж нет. Именно поэтому никого к себе не подпускала даже в алкогольном опьянении, ставшем моим источником тепла номер один. Раз уж не получалось согреваться иначе, я пила водку, которая никогда не подводила. Потом нас отпустили «на вольные хлеба». Без должного образования, навыков, умений. Идите куда хотите, и мы пошли. Прожив с ребятами год на съемной квартире, я поняла, что никуда не двигаюсь. Мы пили, пытались работать, но никто нигде не приживался, именно поэтому я съехала от них и решила попробовать найти себя самостоятельно. Пока что перспективка так себе, но я очень стараюсь.

А благодаря таким, как Матвей, хочется становиться сильнее. Эти богатые мажоры напоминают о том, что мой отец ведь был одним из них и когда-то очень давно оставил меня двухмесячную на пороге детского дома со свидетельством о рождении. Я пыталась его найти, но так и не смогла. Все данные о нем исчезли, как будто его и не существовало вовсе. А я так — найденыш из ниоткуда.

Вот такая нелегкая судьба у нашей Марины. Именно поэтому она не даст себя в обиду. Привыкла с детства защищаться самостоятельно. Сюрприиз, Матвей.

Глава 7

Матвей

Я просыпаюсь ближе к обеду. Летняя пора за окном позволяет спать сколько угодно. В сентябре обратно в универ, надо добить последний год обучения, который я просрал из-за козла Борзого. Мудак сдал меня бате, хотя отчасти я ему благодарен. Если бы не он, кто знает, где бы я сейчас был по милости сучки Насти. А в клинике меня хотя бы маломальски привели в чувства и напомнили о том, что если не откажусь от наркоты, могу закончить так же, как и сестра. Невольное воспоминание о Ксюше захлестывает привычной волной тоски, но я быстро отгоняю его.

Встаю, поправляя в трусах утренний стояк, принимаю душ и спускаюсь в столовую, откуда уже несет жареным беконом с яичницей. У некоторых уже обед, но Верочка знает мое расписание, поэтому готовит завтрак как раз к моему подходу.

— Утро доброе, — бодро здороваюсь, заваливаясь на кухню.

— Доброе утро, Матвей Дмитриевич, — женщина ставит на стол тарелку с яичницей, беконом, спаржей и помидорами.

— Доброе, — сдержанно отвечает Лана, запихиваясь своей гранолой с молоком и ковыряясь в телефоне.

Я усаживаюсь на свое место и выхватываю ее айфон.

— Эй, дай сюда, — возмущается младшая, но я уже роюсь в личных сестринских переписках.

— Кто такая Рина? — вопросительно изгибаю бровь, наткнувшись на довольно длинный диалог, где крайняя тема обсуждения какой-то Марк. Заношу руку с гаджетом назад, чтобы мелкая не дотянулась.

— Какая тебе разница? Дай сюда! — требовательные кулачки дубасят меня по плечам, но меня это скорее забавляет, чем злит. Толкаю ее на стул, чтобы не мельтешила перед лицом.

— Я спросил кто это?

Валя опускает передо мной стакан со свежевыжатым соком и предусмотрительно испаряется с кухни. Умная женщина, единственная кто сумел приспособиться к нашей семье и именно поэтому в течение пяти лет все еще благополучно получает свои кровно заработанные.

Лана психует и разводит руками в стороны.

— Подруга.

— У тебя появилась подруга? — искренне удивляюсь, так как друзей у сестры не было почти…. Никогда.

— Представь себе. За полгода твоего отсутствия много чего изменилось. И да, у меня наконец появилась подруга.

— И что же конкретно изменилось?

Не то, чтобы я не в курсе, просил Рыжего слегонца присмотреть за малолетней дурой, вечно попадающей в неприятности, но о подруге он мне ничего не говорил.

— Например то, что мне скоро восемнадцать, Матвей, и я не собираюсь перед тобой отчитываться о собственной жизни!

Я делаю резкий выпад вперед, хватаю сестрицу за волосы, игнорируя жалобный писк, и дергаю к своему лицу.

— Значит так, если ты забыла, Лана, всех своих друзей ты проводишь через меня. Парней, телок, всех! — цежу ей в зажмуренные глаза. — Если хочешь с кем-то общаться, приводишь ко мне, и я решаю, будешь ли ты с ними тусоваться или нет. Если ты забыла за шесть месяцев как правильно себя вести, то я напомню! Поняла?

Младшая молчит, вцепившись в мои руки, и я вижу, как у нее из глаз начинают течь слезы. Ничего, пусть поревет, это полезно. В следующий раз будет думать стоит ли заводить дружбу черт знает с кем.

— Повторить вопрос? Поняла? — рявкаю ей в лицо, дернув за волосы.

— Да, — дрогнувший голос сестры почти меня не трогает. Я научился не обращать внимание на вынужденные, рожденные обидой слезы. Это как постоянно ревущие дети, чьи родители постепенно наращивают броню, чтобы не вестись на их жалобные всхлипывания.

— Матвей, пусти ее, — раздается сзади не слишком решительным голосом.

Оооо, братец пожаловал. Вся семейка в сборе, отлично! Отпускаю Лану и оборачиваюсь на топчущегося на пороге Кира.

— Проходи, что стоишь! — указываю ему на место, негласно закрепленное за ним.

Брат окидывает хмурым взглядом сначала меня, потом зареванную сестру, умудрившуюся выхватить у меня телефон и запихнувшая аппарат в передний карман джинсов, наивно полагая, что там я его не достану.

Кир наливает себе сок и садится рядом.

— Ну что ж, семейство, думаю самое время поговорить. Пока меня не было, вы, я смотрю, слишком расслабились. Ты, — тычу пальцем в младшую, — познакомишь меня со своей так называемой подругой, а ты, — перевожу его на Кира, — в курсе, что она с кем-то общается? Кто такие Рина и Марк?

Кирилл сначала бросает быстрый взгляд на сестру, как бы уточняя можно ли мне говорить. Ну пиздец. Шесть месяцев отсутствия, а они уже спелись.

— Слушай, Мот, я все понимаю, конечно, — переводит на меня глаза, пытаясь звучать решительно, — но Лана и правда уже достаточно взрослая, чтобы контролировать каждый ее шаг. Пусть общается с кем хочет, тебе-то что? Ты же не отец нам, чтобы вершить правосудие.

Намеренно медленно отрезаю кусок бекона, нанизываю сверху на вилку спаржу и отправляю в рот. Объяснять им что-либо не намерен, да и времени у меня на это нет.

— Действительно, а где отец? — склоняю на бок голову, а потом громко кричу так, что эхо разносится по дому: — Паааа!

Лана с Киром синхронно вздрагивают, а я демонстративно прикладываю к уху ладонь, слушая как в ответ мне орет тишина.

— Кажется, его как всегда нет, — развожу руками, а потом отбрасываю в сторону шутки и опираюсь локтями на стол, по очереди переводя глаза с брата на сестру. — Значит так, слушайте внимательно, ваш релакс закончился. Не знаю, что вы успели натворить за время моего отсутствия, но теперь все вернется на круги своя. Никаких тусовок, гулянок и так далее. Хотя ты, Кир, можешь тусоваться со мной, если я направляюсь на какую-нибудь пати, — брат заметно оживляется, Лана же напоминает злобного кролика, плотно сжимая губы, — а ты, младшая, сидишь тихо-мирно дома. И если я узнаю, что ты где-то прохлаждаешься позже десяти вечера, пеняй на себя.

Сестра резко вскакивает, опрокидывая стул, и буквально кремирует меня красными глазами.

— За что ты так меня ненавидишь? Что я тебе сделала?

— Ничего, — констатирую факт, не уступая ее пристальному взгляду.

— Тогда почему?

— Просто так, — пожимаю плечами.

Девчонка сжимает кулаки. Подбородок дрожит, по щекам текут слезы, давая мне ощутить на себе всю сестринскую ненависть в полную мощь.

— Лучше бы тебя вообще не было! Ненавижу! — выкрикивает и, всхлипнув, срывается с места и убегает. Судя по тому, как хлопнула входная дверь, убежала из дома. Сжимаю зубы и швыряю вилку, та со звоном стукнувшись о тарелку, падает на пол. Дура малолетняя.

Настроение завтракать пропадает.

— Кто такой Марк? — перевожу взгляд на брата, который не смотря на то, что пытался защищать сестру, в итоге всегда принимал мою сторону.

— Не знаю, я впервые о нем слышу.

Несколько секунд зависаю на его лице, пытаясь понять врет

или нет, но Кир никогда не умел врать. Тем более мне. Он даже когда сдал меня Борзому, сам признался, что это был именно он. Но я его не виню. Пацану только предстоит научиться противостоять другим, сейчас он все еще слаб, хоть и пытается казаться независимым.

— Хорошо, я выясню. Поехали в зал, потреним.

Встаю, залпом выпивая сок, и отправляюсь в комнату, чтобы переодеться. Брат идет следом, и уже через полчаса мы входим в качалку. Мне эти тренажеры не нужны, поэтому я оставляю Кира здесь со знакомым тренером, а сам направляюсь в дальний зал, где отрабатываю удары перед боем. Луплю некоторое время по груше, а потом забираюсь на ринг, чтобы провести спарринг со знакомым бойцом. Он тоже тренируется здесь, только с тренером.

Я уже не могу дождаться настоящего боя. Предвкушение горит в теле, стоит представить, как зал вопит и скандирует, требуя крови и зрелищ. И я даю им эти зрелища. По полной окунаю в настоящую драку, выходя всегда победителем. Ну… почти всегда. Если бы не наркота, из-за которой я потерял на время сноровку и перестал быстро реагировать на противника, планировать удары и ориентироваться на ринге, я бы все еще был бойцом номер один, а так меня подвинули другие. Но это временно. Хорошо, что Примат выборол для меня место и не дал полностью дисквалифицировать. Теперь-то я снова в форме и готов рвать каждого!

Глава 8

Марина

На следующий день я проснулась ближе к обеду и сразу отправилась в хоспис. Примерно раз в неделю стараюсь навещать пациентов, а сегодня еще и подарила крошечную радость Ольге Павловне в виде долгожданной книги из библиотеки. Пожилая женщина с неизлечимым диагнозом никогда не читала, всю жизнь горбясь на заводе и зарабатывая копейки, чтобы обеспечить семью. Теперь же стоя лицом перед неизбежностью ей ничего не остается, кроме как радовать себя историями о любви, которые я читаю ей вслух.

Год назад я познакомилась на улице с девушкой по имени Валя. Она оказалась волонтером в городском хосписе и предложила мне так же помогать тем, у кого практически ничего не осталось от жизни. И я согласилась. В первую очередь, потому что как никто понимаю, что значит быть никому не нужной. Чувство брошенности никогда не покидало меня, и, наверное, именно поэтому есть желание проводить с этими людьми время, читать им, играть в шахматы или просто слушать их рассказы о жизни. Опытные, наполненные счастливыми минутами или, наоборот, печалью. Они всегда делятся пережитыми эмоциями с благоговением и, самое главное, ждут меня. Когда я вижу в глазах, обрамленных глубокими морщинами, радость от очередной встречи, меня согревает каким-то воздушным коконом. Именно чувство, что я хотя бы кому-то помогаю, не дает мне скатиться в глубокую яму, в воронку которой порой неизбежно затягивает со страшной силой.

Еще в прошлом году я попыталась поступить на медицинский, но с треском провалила экзамены. Сложно совмещать работу и подготовку к вступительным, особенно когда учиться пытаешься сам, без чьей-либо помощи. А тех знаний, которые нам давали хватает разве что на то, чтобы писать смски практически без ошибок.

Мы проболтали с Ольгой Павловной полдня, но стоило выйти на улицу, как обнаружила семь пропущенных от Ланы. Ого. Девчонка обычно звонит один раз, и если у меня нет возможности ответить, то ждет, пока я перезвоню.

Поправив пластырь под змейкой босоножи, напоминающий мне ноющей болью о вынужденной ночной прогулке, набираю Лану.

— Марин! — знакомая отвечает почти сразу же, даже не дав до конца прозвучать первому гудку.

— Да, Лан? Что такое?

— Я под твоей квартирой сижу на ступеньках уже два часа, ты когда дома будешь?

Пытаюсь понять по голосу плачет или нет, но судя по всему, нет. Скорее встревожена.

— Я сейчас на работу собираюсь, подходи в бар, — из-за поворота показывается автобус и, вовремя заметив его, ускоряю шаг.

Сюда ездят строго по расписанию. Если опоздаю, придется ждать следующего еще полчаса или топтать асфальт в сторону центра, а еще одной пешей прогулки мои ноги не переживут.

— Хорошо, я только заеду домой переоденусь.

Сбросив трубку, я подбегаю к автобусу, а уже через сорок минут выхожу на своей остановке.

В баре в это время народу не очень много. В основном толпа подтягивается после семи и ближе к ночи. Вообще мне сложно понять для чего открывать его в одиннадцать утра. Днем в заведении не настолько большой поток клиентов, чтобы сидеть здесь практически целыми сутками. Хорошо, что работаем посменно с девочками. Сегодня ночью снова моя очередь. Мне больше по душе все же работать именно в ночные часы. Днем от тоски хоть на стены лезь, а вечер можно разбавить работой и не несущей смысловой нагрузки болтовней с посетителями. Не всегда попадаются отпетые алкоголики, порой ребята очень даже адекватные.

— Привет, Кать, — здороваюсь с барменшей, которую сейчас должна заменить.

— Привет, Мариш!

Мы даем друг другу пять, и я боковым зрением замечаю, что сейчас в баре только трое клиентов. Парочка, поедающая бургеры, и одинокий мужчина с пол-литровым стаканом пива и тарелкой чипсов. Мой желудок стонет, напоминая о том, что сегодня я в него забросила только дешевый пирожок из ларька и пару кусочков шоколадки, подсунутых мне к чаю Викой, молоденькой медсестрой в хосписе.

— Слушай, Кать, подождешь пять минут? Я перекушу, а то мои внутренности начнут переваривать сами себя.

Получив в ответ улыбку и благословение на утоление аппетита, ухожу на кухню.

— Ооо, кого я вижу, — Миша, местный повар, добрый Карлсон, как мы называем его, разводит руками, — неужели принцесса пришла за своей половиной зернышка?

Здоровяк называет меня Дюймовочкой за небольшой рост и, как он сам говорит, костлявое телосложение. Но я не обижаюсь.

Сама порой удивляюсь как еще не звеню костями при ходьбе.

— Именно так, — улыбаюсь в ответ, благодарная ему за то, что он в тайне от Натальи Ашотовны всегда подкармливает меня бесплатно. — Я без твоего ползернышка боюсь не доработаю до конца рабочего дня!

Мужчина в белом кулинарном колпаке хохочет, удовлетворенный комплиментом, и выуживает из холодильника заранее приготовленный бургер. Разогревает в микроволновке и ставит передо мной мой гастрономический оргазм. Не то, чтобы после разогрева он был таким же вкусным, как только что приготовленный, но я не особо привередлива.

Набрасываюсь на булку с котлетой и не могу сдержать стона удовольствия.

— Миша, тебе нужно вручить мишленовскую звезду! — говорю на полном серьезе, не переставая жевать и получая в ответ громкий смех.

— За бургер, Рина?

— За самый лучший бургер на свете!

Он смотрит на меня с теплом, к которому я не привыкла, поэтому немного смутившись, я утыкаюсь в тарелку и проглатываю несколькими укусами вкуснятину. Запиваю чашкой кофе и, похлопав его по плечу в знак благодарности, мою руки и отправляюсь в зал.

— Все, Кать, спасибо, батарейки заряжены, и я готова работать.

Катя как раз выставляет на барную стойку два стакана пива паре парней, которые судя по всему, только подошли, и передав мне кассу с ключами, улетает за дверь, звякнув колокольчиком на стене.

— Теперь нас будете обслуживать вы? — расплывается в липкой ухмылке один из них со стильной щетиной на лице.

— Да, — цепляю на футболку бейджик с именем и указываю на него пальцем. — Марина. К вашим услугам.

— Очень приятно, Марина. Я Костя, а это мой друг Алексей. Что посоветуете к пиву?

— Ну так как выбор у нас небольшой, либо сухие закуски, либо бутерброды, я бы на вашем месте остановилась на фирменном БургерКинге, — на языке все еще ощущается вкус горчичного соуса, и не посоветовать сие великолепие я бы не могла.

— Отлично, заказывать у вас, или здесь только бар?

— Здесь только бар. Занимайте любые места, официантка к вам подойдет.

— А разве официантка не вы?

— Нет, — огорчаю ребят, пока те, одарив меня расстроенными выдохами, сползают с барных стульев и занимают места за одним из столов.

Проверяю стаканы, по очереди поднимая каждый из них и направляя на свет. Катька хоть и хорошая девчонка, а все же водится за ней грешок делать все выкладываясь не по полной. Так оказывается и сейчас. На стаканах белые пятна, что значит либо она их после Марии вовсе не протирала, либо сделала это на скорую руку.

Тщательно протираю их еще раз. В подобном заведении это конечно роскошь, и вряд ли бы пьяные рожи вообще заметили настолько крошечные пятнышки, но мне слишком нужна работа, чтобы относиться к ней халатно. Наталья Ашотовна хоть и не очень честная хозяйка, зато справедливая. Иногда мне кажется, что она просматривает видео с камер наблюдения не на перемотке, а в замедленной съемке, и видит косяки каждого работника, именно поэтому моей зарплаты в конце месяца оказывается на пару купюр больше, чем Катькиной.

Спустя пару часов дверной звонок переливается мелодией, возвещая о новом посетителе, и я, бросив взгляд на вход, замечаю Лану.

Какой раз подряд отмечаю про себя ее умение выглядеть стильно и со вкусом. На девчонке белые джинсы, розовый топ, сумочка в тон и завершают весь этот образ инстабарби снежные босоножки на высоком каблуке. Была бы я парнем, точно не пропустила бы такую няшу.

Девчонка подлетает к барной стойке и целует меня в щеку, перегнувшись через нее. Когда Лана только начала так меня приветствовать, я несколько раз подряд оттирала щеку от липкого блеска, не понимая для чего все эти фамильярности. Думала, она так пытается показать остальным, что имеет привилегии знакомства с барменшей, но потом, узнав посетительницу поближе, поняла, что для нее это просто искреннее желание здороваться именно так. Друзей у нее кроме меня практически нет, только знакомые, и мне даже в один момент стало приятно, что такая девчонка из высшего общества, куда мне никогда не добраться, нашла подругу именно во мне.

— Привет, Марин. Ты где была днем?

— Привет. По делам моталась, — равнодушно пожимаю плечами, не раскрывая истинного местонахождения. Не нужно ей этого знать. — Почему не сказала вчера, что ко мне собиралась?

Девчонка вздыхает, и только сейчас я замечаю, как опухли светлые голубые глаза. Как будто она плакала несколько часов подряд.

— Я не собиралась. Только утром Матвей меня довел, и я сбежала. Не знала куда пойти. Марк был занят, я поехала к тебе, — тонкие пальцы Ланы тянутся к боксу с салфетками, достают одну и начинают нервно складывать.

При воспоминании о ее брате меня и саму начинает одолевать угасшая злость.

— Я вчера имела счастье познакомиться с твоим Матвеем.

Лана вскидывает на меня сочувствующий взгляд.

— О, Боже. Надеюсь, он вел себя нормально?

Хмыкаю, занимая руки приготовлением коктейля. Четкие картинки того, как самоуверенный ублюдок откровенно лапал меня, проносят под кожей покалывание.

— Ну как тебе сказать. Похоже твоему братцу не занимать самовлюбленности. Давно не встречала настолько отвратительных личностей, прости.

И это если учесть, что в своей жизни видала много разного, все же ее братец возглавляет топ говнюков.

На лице блондинки отражается неприкрытое удовлетворение, будто я сказала что-то волшебное.

— Наконец-то хоть кто-то разделяет мою точку зрения. Все девушки, кого я знаю, готовы на колени перед ним падать. А я не понимаю почему! Он же грубый, мерзкий! Марин, Матвей не позволяет мне завести друзей. Потребовал с тобой познакомить, и я боюсь, что теперь он и нам запретит общаться.

Голос Ланы срывается, и подняв глаза, я вижу, как ее подбородок начинает дрожать. Ну вот, снова слезы. Пододвигаю к ней мохито и, преодолевая личностный барьер, обхватываю ее прохладную ладонь.

— Перестань, Лан. Кто он такой, чтобы запретить это? Успокойся, я не собираюсь вестись на поводу у твоего засранистого братца.

— Ты его не знаешь, Рина! Если он захочет, может и вовсе в комнате меня закрыть, проходили и не раз.

Если раньше было предположение, что девчонка преувеличивает, наговаривая на брата, то после вчерашнего я увидела картину целиком. В Матвее нет даже доли того тепла, которое присуще его сестре. Не знаю, что его таким сделало: наличие денег и вседозволенности или же внутренняя сломленность, но то, что для парня не существует рамок — это факт.

— Я знаю одно: что не собираюсь падать перед ним на колени и предавать тебя. У тебя, в конце концов, есть отец, способный сам решить с кем тебе общаться. А уж точно не Матвей.

Знакомая грустно улыбается, награждая меня тем, что кладет

сверху на мою руку свою ладонь.

— Пообещай, что не оставишь меня, Марин! Ты единственная, кто не боится его и не раздвигает перед ним ноги. Если я лишусь еще и тебя, то не смогу пережить это.

В женском голосе столько неподдельной мольбы, что на мгновение мне кажется, что для нее действительно нет ничего важнее того, чтобы хотя бы кто-то предпочел ее братцу именно ее.

Осторожно забираю руку, чувствуя, как близость девчонки заставляет внутри меня что-то шевелиться, и треплю Лану по волосам, как делаю всегда, когда хочу подбодрить.

— Обещаю. Твой Матвей вызывает во мне только самые неприятные чувства. И даже если он сильно захочет, поссорить ему нас не удастся!

Глава 9

Марина

— Пойдем! — перекрикивая сумасшедший гам, Саша тащит меня за руку сквозь толпу.

Народ поглощен ожиданием предстоящего зрелища, на которое меня и вытащил сегодня друг Матвея. Оказывается, гавнюк активно принимает участие в боях без правил и до своего отъезда являлся чуть ли не основным победителем. Слышала, что в последнее время он начал сдавать позиции, а сейчас решил вернуть себе титул первенства.

Отказаться от подобного представления я бы не смогла. Не раз была свидетелем уличных драк, да и сама за себя стояла в детском доме, если находились те, кто хотел казаться сильнее, но на настоящем бое еще не бывала.

Мне буквально передавалась эта атмосфера всеобщего куража. Одни скандировали «Рэдж», другие, рьяно перекрикивая их, орали «Кэш». Народ визжал, пил и, как я успела заметить, делал немалые ставки.

Я стараюсь продвигаться между оголтелой молодежью, чтобы не пасть жертвой слишком рьяных болельщиков. Рука Саши крепко сжимает мою ладонь, а потом вдруг отпускает, когда мы, наконец, выбираемся из эпицентра и, пройдя по небольшому коридору, входим в одну из комнат.

Матвея я замечаю сразу. Да и не заметить наполовину обнаженного парня в небольшой комнате с железными шкафчиками для переодевания просто невозможно.

Бывший чемпион стоит к нам передом и закрепляет на ладонях красные кожаные перчатки. Невольно пробегаюсь газами по подтянутому крепкому телу. Не сказать, что он слишком накачен, скорее наоборот. Худощав, даже слишком как для бойца. Я даже на мгновение колеблюсь, способен ли этот парень победить кого-то с гораздо более мощной мышечной массой.

Но тем не менее, мышцы живота и рук четко очерчиваются под блестящей от капелек пота кожей. Белые шорты низко висят на бедрах, не оставляя мне шансов обойти вниманием косые мышцы живота, прячущиеся под резинкой. Вздергиваю взгляд вверх, отрываясь от созерцания его персоны, и сталкиваюсь с дерзкими глазами, выжигающими во мне дыру.

— Заценила, Ри? — подонок скалится в довольной ухмылке и подходит к нам с Сашей. — Здорова, Рыжий.

— Здорова, Кэш, готов?

— Еще бы. Я полгода мечтал кого-нибудь убить, — в хриплом

голосе нет и толики страха, только неприкрытое предвкушение. Матвей поворачивается ко мне и вопросительно вскидывает бровь. — Ты не ответила. По-моему ты только что кончила, облапывая меня глазами.

Фыркаю в ответ на его самодовольный вид.

— В тебе нет ничего такого, чего бы я не видела в других, Матвей. Не стоит набивать себе цену, — а потом склоняюсь и говорю ему на ухо так, чтобы это слышал еще и Саша: — И если ты думаешь, что кончаю я настолько тихо, что ты даже этого не услышал, то очень ошибаешься. Только вот проблемка: тебе никогда не узнать, как это происходит на самом деле.

Отстраняюсь, на мгновение потеряв бдительность и забыв с кем имею дело. Матвей рывком притягивает меня к себе за шею и упирает собой в один из ящиков. В поясницу больно вонзается небольшой ключ, а влажные губы самым хамским образом утыкаются мне в ухо:

— Я узнаю это сегодня же, Рииии! После того, как поставлю на колени сначала Рэджа, проделаю тоже самое с тобой и клянусь, ты будешь орать моё имя и молить трахнуть тебя еще раз!

В горле становится сухо, как в Сахаре, когда я чувствую его дико бьющееся сердце и горячее тело, прижимающееся ко мне вплотную так, что даже дышать становится тяжело. Влажный язык медленно проходится по моей скуле, и пока сволочь одной рукой держит меня за шею, второй сжимает щеки.

Пульс начинает зашкаливать. Отвращение вперемешку с чем-то очень странным захватывают тело, пока я изо всех сил пытаюсь отодвинуться от его наглого языка. Ноздри щекочет запах мужского тела без примесей одеколона, и этот аромат насквозь пропитан победой. В каждом слове, взгляде, даже на физическом уровне сейчас находясь так близко, я чувствую в нем это несгибаемое стремление добиться своего. Матвей уже чувствует себя победителем. Не только в предстоящем бою. Не зная исхода уверен в себе, как сам чертов Дьявол.

За его спиной Саша, даже не собирающийся дернуться на мою защиту. Просто сверлит нас взглядом исподлобья, отчего становится неприятно. Чувствую себя игрушкой в руках богатеньких мальчиков.

Сжав зубы, отпихиваю от себя недобога.

— Мечтай, Матвей. Твоя самоуверенность играет против тебя же. Ты слеп полагая, что все вокруг пешки, а ты — король. Все победители рано или поздно оступаются и расшибаются в кровь.

Разворачиваюсь и прохожу мимо Саши, задевая его плечом, потому что он стоит у самого входа в комнату. А еще потому что

мне просто хочется сделать ему больно за то, что он такая бесхребетная медуза.

Злость течет по венам, когда я снова выхожу в озверевший зал и отыскиваю глазами ребят с трека.

Матвей

— Не побежишь за ней? — интересуюсь у Рыжего после того, как борзая сучка пулей вылетает из раздевалки.

— А смысл? Она только что увидела на чьей я стороне.

Вижу, что он немного расстроен. Ри, похоже, его зацепила, раз Саня везде её таскает с собой. Но разве не он предложил мне трахнуть эту неприступную девку? Думаю, если бы она была для него действительно важнее пачки сигарет в кармане, дружище бы сто раз подумал перед тем, как швыряться подобными предложениями, от которых я не отказываюсь, если мне интересно. А в случае с этой острой на язык девахой — мне ооооочень интересно. Стерва заводит одним своим взглядом полным презрения и ненависти. Чертовски вкусно — питаться ее эмоциями.

— Кэш, ты не передумал?

В дверях показывается рожа Ливана, тая надежды на несбыточное. Блядь, он меня выбесил за сегодня. Толкаю дверь и зажимаю его башку в проеме с такой силой, что толсторылая свинья едва не визжит.

— Лива, мне тебе на каком языке сказать, что я не собираюсь сливать этот бой? — впечатываю сильнее дерево ему в стремительно краснеющее ухо. — Если Рэдж меня сделает, значит, так тому и быть, но сегодня его сделаю я. Передай своим — нехер меня покупать. А если еще раз рыпнутся, пусть потом боятся засыпать по ночам. Усек?

— Да! Да, Кэш, я понял, отваливаю!

Слышу, как он с противоположной стороны тарабанит руками, и резко отпускаю свинью из загона.

— Заебали, блядь, — психую, но быстро беру себя в руки. Сейчас не время тратить злость на мелких рыбешек. На кону акула покрупнее.

Глава 10

Хочется сказать пару слов о Матвее. Подобный герой для меня в новинку. Никогда не писала о психах. Те, кто читает меня давно, знают, что у всех мужчин в моих историях есть определенные рамки, за которые я не выхожу. Писать Кэша достаточно сложно, потому что нужно представить как ведут себя плохие парни и передать это. Он скорее отрицательный персонаж, чем положительный. И судя по комментам, мне удается передать его сумасшествие. С развитием сюжета мы будем лучше понимать мотивы его поведения с семьей. Для такого как он я специально создала героиню с тяжелой жизнью, чтобы ему захотелось хотя бы кому-нибудь помочь. А пока спасибо вам за интерес к книге, и за то, что верите в меня. Мои постоянные читатели знают, что у меня не бывает героев просто козлов, все они такие по определенным причинам. Вот и причины Матвея мы узнаем. И таки заставим его немного измениться.

Матвей

Под озверевший шум толпы выхожу в зал. Глаза слепит прожектором, визг телок оглушает.

Рэджа поддерживают не так, потому что это мой город. Народ знает своего победителя, это ощущается по вибрациям в воздухе.

Черт, как же я скучал по этой атмосфере. Не могу не улыбаться, направляясь к импровизированному рингу, если так можно назвать пятачок в центре зала, не огражденный даже сеткой. Местные бои без правил нелегальные, поэтому здесь вряд ли можно найти влиятельных людей, но они есть. Присылают своих шавок, таких как Лива, чтобы срубить бабок.

Меня хлопают по плечам, мое имя звучит со всех сторон, и это мать вашу кипятит кровь. Именно здесь я чувствую себя вершителем судеб. Своей в том числе. Выхожу в центр, где уже ждет Рэдж, и оскаливаюсь. Мы уже дрались в прошлом году, и тогда он победил. Но его радость была напрасной, ведь истинной причиной была не его сила и превосходство, а моя слабость к наркоте. От последней я благополучно избавился, именно поэтому сегодня громила будет валяться у меня в ногах.

Просканировав зал, натыкаюсь на знакомую фигурку, усевшуюся на плечи Сереге. Отлично, с высоты ей будет виднее, как я получаю свое. Пусть удостоверится и запомнит. Посылаю Марине воздушный поцелуй, получая в ответ взгляд полный отвращения. Отлично, девочка, ненавидь меня.

Рефери свистит, знаменуя начало боя, и Рэдж сразу идет в

наступление. Отбиваю его выпад и применяю отточенную до мелочей тактику. Сначала наношу несколько ударов по лицу, успевая отскочить в сторону. Мое преимущество в ловкости и скорости. Его туша огромная, и по ней легче попасть, чем поймать меня. Передвигаясь мелкими шагами захожу ему за спину и делаю подсечку.

— Давай, Мооот, — визжит какая-то телка, в то время как Рэдж быстро встает и начинает действовать по-другому.

Делает отвлекающий маневр правой рукой, я изворачиваюсь, но тут же приглушенно стону, когда чувствую под спиной жесткий мат. Мудило завалил меня. Боров валится сверху и начинает душить. Адреналин раздирает вены, когда в глазах растекается помутнение. Вот они — минуты, ради которых я здесь. Тонкая грань, и только я решаю сдаться или переть дальше. И я пру. Собираю всю силу и, уперевшись ногами, бью левую плюху в рожу придурку. Использую секундное послабление, чтобы перекатиться и теперь уже сдавить его горло локтем. Ору во всю глотку, вернув себе превосходство. Народ вокруг беснуется, превращая шум в монотонную кашу. В висках пульсирует, пока я, игнорируя его попытки вывернуться, продолжаю сжимать горло. Сердце хреначит в грудную клетку, мозг напоминает подпаленный фитиль, который еще немного и рванет нахрен от переизбытка напряжения в мышцах.

— Тайм! — орет рефери, отдирая мои руки от Рэджа.

— Даааа! — подскакиваю, оттолкнув от себя его хватающее кислород тело. Бешеная энергия катится волнами под кожей.

— Кэш победил!

Со всех сторон несутся одобрительные возгласы. Тех, кто сегодня проиграл, поставив не на меня, я не вижу. Мне насрать на них. Я, блядь, вернулся! Дааа!

Знакомые стараются протиснуться, чтобы поздравить, и я в этой давящей толпе снова натыкаюсь на Марину. Она уже не на плечах Серого. Проталкивается вместе с ним ко мне. Точнее проталкивается только он, а она просто придерживается его, чтобы не потеряться.

— Круто ты его размазал, Кэш! — добравшись до меня, орет на ухо Серый. Довольный, как слон, трахнувший только что слониху. Еще бы. Ведь он всегда делает на меня крупные ставки, а значит сегодня срубил хороший куш.

— Как и всегда! — ухмыляюсь, не отводя глаз от стервы, которая теперь смотрит на меня иначе. В темных глазах толика уважения, но презрение никуда не пропало. Даже стало еще более ощутимым.

Ее толкают в плечи, продвигаясь ко мне. Недовольно

поправляет лямку белой майки, сползающую с плеча каждый раз, когда ее зацепят. Член тут же отзывается на это движение. Адреналин все еще хреначит под кожей, и сейчас как никогда я хочу трахаться. И не абы с кем, а именно с этой стервой. Стереть с ее мордашки высокомерное выражение и увидеть, как пухлый рот округляется, когда я загоняю в нее себя.

— Слушай, мы сейчас едем ко мне, давай и ты с нами, — на ухо орет сопляк, который судя по всему, сегодня намерен заняться с Мариной тем же, чем я сейчас в своих мыслях, — предки уехали, замутим тусу.

— Окей, — соглашаюсь, потому что сейчас это именно то, что мне нужно.

Трачу полчаса на то, чтобы перекинуться с народом парой слов, на скорую принимаю душ и вместе с пацанами отправляюсь по нужному адресу.

Музыка басит на весь район. Большой двухэтажный дом Серого один из самых роскошных на этой улице. Он любитель устроить вечеринки, когда предки уматывают заграницу.

Входим внутрь с Рыжим и еще двумя нашими. Оказавшись сразу в огромной гостиной, до отказа забитой бухим народом, движемся на кухню. Меня приветствуют как подобает победителю. Расплывшись в улыбке, принимаю все их лестные поздравления. Не буду скрывать, мне это нравится.

Выпиваю стакан вискаря и осматриваюсь.

— Не видел Марину? — Рыжий приподнимается на носках и пробегается глазами по дергающимся под музыку телам.

— Ты же сказал, что сделал свой выбор на чьей ты стороне, — напоминаю ему его же слова, сам тем временем выискивая ее же. Интересно, Серый уже завалил эту недотрогу? Если да, то мне руки о нее марать не охота. Жаль, конечно, разок завалить все же можно, но это уже будет не так интересно, как если бы она была недоступной.

— Я всегда буду на твоей стороне, Мот, но перед ней все же извинюсь. Она классная.

— Ты уже это говорил, — хохотнув, я таки нахожу стройную фигурку.

Марина стоит рядом с Лерой, второй грид-герл, и о чем-то оживленно болтает. Небольшую задницу плотно обхватывают шорты, не такие короткие как на днях, но вид все равно что надо.

— Я ее нашел. Но извинишься позже, у меня на нее другие планы. — Бросаю Сане, и направляюсь к сексуальной цели. Темные волосы распущены по плечам, она то и дело их поднимает к верху. Как только я подхожу к болтающей парочке, собираясь прилипнуть сзади к стройной спине, идиотка Лера все

портит. Завизжав, бросается ко мне с объятиями.

— Матвеей, ты крутоооой! Я так болела за тебя. Поздравляю с победой!

Марина оборачивается и закатывает глаза на выпад блондинки. Я мысленно проделываю тоже самое, а на деле шлепаю повисшую на себе телку по заднице.

— Спасибо, красотка. Принеси мне выпить, детка.

Лера с готовностью летит в сторону кухни, наконец оставляя нас с Ри наедине.

— Как бой? — интересуюсь, бросив взгляд на стакан в женской руке.

Опять бренди? Беру ее руку в свою и подношу к лицу. Тяну носом запах. Виски.

— Занимательный. Но я в отличии от Леры болела за твоего противника.

— Вот как? Ты должно быть очень расстроена его проигрышу.

— Да. Прорыдала в туалете час, а потом Сережа меня утешил. Теперь наслаждаюсь вечеринкой.

Упоминание о сопляке неприятно режет слух. Правда утешил, или врет? По лицу хрен поймешь, умеет держать выражение полного равнодушия, стерва.

— Видно плохо утешил, раз пьешь и вообще можешь стоять. После меня бы лежала с раздвинутыми ногами, будучи даже не в состоянии их свести, — демонстративно опускаю взгляд на майку, из-под которой замечаю два торчащих соска. Это ее так разговор со мной возбудил.

— Иди к черту, Матвей, — заметив предательство собственного тела, Ри разворачивается, чтобы сбежать, но я хватаю её за талию и кидаю на рядом стоящий диван. Сучки, на которых падает брюнетка, возмущенно каркают и раздвигаются в стороны.

Марина струшивает с рук расплескавшийся виски и со злостью оттягивает ворот майки, на который разлились остатки алкоголя.

— Черт, ты в своем уме, придурок? Я теперь вся липкая!

— Это поправимо!

Скалюсь, присев перед ней на корточки. Беру мокрую руку за запястье и провожу языком по покрытой каплями напитка ладони. Огромные глаза в бешенстве впиваются в меня. Всасываю в рот сначала один палец, потом второй, чувствуя, как мой член рвется на волю от привкуса её кожи на языке. Грудная клетка Марины начинает учащенно подниматься, выдавая то, что ей определенно нравится мой язык.

Хочу тоже самое проделать с её сосками. Ощущаю, как кто-то

выжигает в моем затылке дыру.

— Как насчет покурить? — Серый по ходу не в восторге от того, что именно я облизываю малышку, раз прерывает мою прелюдию.

Поднимаю на него голову, а Ри в этот момент оживляется.

— А что вы курите?

— Много чего. Есть потяжелее, чтобы унесло, а есть более лайтовые варианты.

— Давай полегче. Синтетику не тащи.

— А что так? Помнится, ты любил закуражить по-крупному, — заговорщицки заламывает бровь, намекая на те времена, когда я подсел на колеса.

— Времена меняются, — отвечаю ледяным голосом, после которого больше у него не должно возникнуть вопросов в этом направлении.

Серый умный парень, быстро исчезает и возвращается с косяками марихуаны. Раздает девчонкам, пока меня отвлекает Дэн, предлагая принять участие в следующей гонке. Один из гонщиков укатил заграницу, и сейчас ему нужна замена. Я давно не гоняю, в основном только для того, чтобы развлечься, но сейчас соглашаюсь. За полгода отсутствия хочется догнать все то, чего меня лишили.

Когда возвращаюсь к диванам, установленным по центру гостиной, вижу, как Ри как раз затягивается. Собирается выдыхать дым наверх, и в этот момент я подхожу к ней сзади, кладу ладонь на горло и тяну к спинке. Встречаюсь с зелеными глазами. Склоняюсь и упираюсь в желанные губы, дожидаясь, пока она выдохнет мне в рот.

Девочка догадливая, понимает, чего я хочу. Открывает ротик, и я ловлю её запах вперемешку с привкусом бренди и дури. Оказывается, дыма очень мало. Скорее всего курит не в затяг. Позволяю этим крохам поселиться в легких, а потом выдыхаю в сторону.

По-хорошему мне и курить не надо, чтобы в очередной раз не слететь с катушек, но этой порции хватило бы разве что муравью. А вот девочка молодец. Отдает себе отчет в какой компании находится, правда наивно полагает, что если не затягивается, то её не возьмет. В гораздо меньшей степени, но возьмет. И в этот момент я буду рядом.

Глава 11

Марина

Потемневшие глаза Матвея сверлят меня сверху. Наглые, дикие и самоуверенные. Его ладонь все еще на моей шее, и от этого сердце ускоряет ритм. Не люблю пускать чужих в свое личное пространство. А особенно его.

Сбрасываю мужскую руку и передаю косяк сидящей рядом девчонке. Вообще к травке у меня двойственное отношение. После того, как мой хороший знакомый загремел в больницу с переломами рук и ног по причине того, что под кайфом сиганул из окна, я стараюсь держаться от наркотиков подальше. От знающих людей слышала, что к синтетике вообще лучше не притрагиваться, а марихуану можно в небольших количествах. С этой заразой я уже знакома. Живя на улице невозможно оградить себя от всякой дряни, которой балуются друзья. Вот и я было время втянулась. Вытягиваться сложно оказалось, но я смогла.

Сережа протягивает руку, предлагая потанцевать с ним, и я иду. Все-таки отрываться сюда пришла. Да и подальше от этого ненормального нужно держаться. Мне кажется, я у него теперь как идея фикс.

Сережа обнимает меня за талию, прижимает к себе, рядом кто-то задевает меня рукой, дергаясь в танцах. Я позволяю парню себя отвернуть и увести на пару шагов от слишком активных.

— Ты как? — кричит на ухо папенькин сынок, как я его про себя называю. Нет, Сережа в принципе нормальный, но даже идиоту понятно, где он берет деньги на всю эту роскошь. Не сам ведь зарабатывает. Такие, как он, рожденные в золотых рубашках, по наследству получают место в семейных компаниях, усаживают свои задницы в дорогие автомобили и катятся по жизни, как сыр в масле. Я не презираю их, ни в коем случае. Лана ведь нормальная, хоть на счетах её отца покоятся круглые суммы. Все зависит от человека.

— Нормально, — кричу ему на ухо, пока он прижимает меня крепче.

Мужские губы опускаются мне на предплечье, ладонь скользит вверх по спине. Они все думают, что если моя задница наполовину голая, то к ней легко получить доступ. Черта с два. Интересно, если бы я им открыла заманчивую правду о том, что еще ни разу не занималась сексом, они бы вели себя так же? Хотя нет. Для многих парней переспать с девственницей это прямо-таки честь, достойная лучшего. Надо же потом дружкам рассказывать о подвигах.

Перед глазами начинает знакомо плыть, когда спустя несколько минут меня начинает уводить после пары затяжек. Музыка звучит более резко, мерцающие настольные стробоскопы слепят. Судя по тому, что действия Сережи так же стали более настойчивыми, его тоже уже взяло. Парень ощутимо вдавливает меня в себя, не сдерживаясь целует шею. Ощущение его влажного языка вызывает отвращение, не смотря на то, что обычно под кайфом возрастает желание. Упираюсь ему в плечи и выскальзываю из кольца рук.

Забираюсь на стеклянный стол ногами и начинаю двигаться сама в ритмы битов. Интересно, сколько стоит предмет мебели под моими ногами? Сколько тысяч я сейчас топчу каблуками?

Какая-то девчонка забирается следом, и теперь мы танцуем вдвоем. Взмахиваю руками, лаская собственное тело, провожу ладонями по талии, бедрам. Запускаю пальцы в волосы и уплываю в музыку. В какой-то момент моя спина начинает гореть. Такое ощущение возникает в основном тогда, когда кто-то пристально сверлит взглядом. Оборачиваюсь в поисках раздражителя и, только встретившись глазами с Матвеем, понимаю, откуда такая обжигающая сила.

Парень сидит на диване, раскинув руки на спинке и широко расставив ноги. Смотрит на меня исподлобья, на губах полуулыбка. Он чем-то напоминает мне Джокера Джареда Лето. Во всяком случае по ощущениям. Такой же безбашенный, беспринципный и сумасшедший.

Наглый взгляд демонстративно скользит по моему телу, вынуждая кожу покрываться мурашками, словно он поглаживает ее руками. А потом к нему подсаживается какая-то девица с вываливающейся из декольте грудью, тянет к себе за подбородок и целует. Матвей не отстраняется. Даже с такого расстояния я различаю, как его язык скользит к ней в рот, а ее рука накрывает его грудь, сгребает пальцами футболку и ведет ногтями по накаченному животу.

Отворачиваюсь и спрыгиваю со стола. Вот и отлично. Пусть отвлечется на эту доступную шлюшку. Она-то ему как раз по зубам, в отличии от меня.

Организм требует порции кислорода. Иду к лестнице, приподняв рукой волосы в попытке остудить кожу. Поднявшись на второй этаж осматриваюсь. Вдоль стены стоят тумбы с дорогими вазами. Провожу по горлышку одной из них пальцем. Любопытно, если ее разбить, Сереже влетит? Не зря ведь он строго настрого запретил всем подниматься выше первого этажа. Щелкаю ногтем по дорогому фарфору. В династиях не разбираюсь, но эта вещица должно быть стоит как вся моя

арендованная однушка на окраине города.

Иду по коридору дальше, по очереди открывая двери, чтобы понять в какой из комнат находится балкончик, замеченный мной с улицы. Найдя наконец что искала, ступаю в спальню, у стены которой располагается огромная двуспальная кровать. Ноги погружаются в мягкий ковролин. Разуваюсь, освобождая ступни от неудобных сапог, и позволяю себе потоптаться немного в длинном ворсе. Он приятно щекочет кожу, а я, поразмыслив несколько секунд, делаю то, о чем всегда мечтала: с разбегу прыгаю на кровать и утопаю в мягком покрывале. В нос ударяет аромат кондиционера для белья, заставляя наслаждаться им сильнее, чем кислородом. Переворачиваюсь на живот и затягиваю в легкие цветочный запах. Никогда прежде не бывала в таких домах. Собственно, вторая причина, по которой я согласилась отработать за Лану, была возможность потусоваться с золотой молодежью. Узнать какого это быть их частью. Провожу ладонями по атласному покрывалу, рецепторы на коже впитывают это волнующее ощущение. Это вам не накрахмаленные по сотому кругу простыни на кроватях в детском доме. Они мягкие, как сами облака. Голову немного кружит, но я все равно запомню эти ощущения. Обязана запомнить. Кто знает, когда в следующий раз мне удастся поваляться на такой постели. Да и вообще удастся ли.

Настолько погружаюсь в мирское наслаждение, что прослушиваю момент, когда кто-то входит в комнату. Осознаю, что больше не одна, когда кровать прогибается, и на меня сзади наваливается тяжелое тело. Волоски на коже поднимаются, потому что уже успела запомнить запах того, кто вжимает меня в покрывало. Горький, терпкий он заполняет собой все пространство, как угарный дым.

— Риииии, — тянет хриплый голос, а мужские пальцы погружаются в мои волосы и оттягивают, поворачивая к себе лицом. Голубые глаза Матвея пронзают до самого нутра, — девочка устала и решила отдохнуть?

— Да. В одиночестве.

Бью его локтем в бок и пытаюсь извернуться, но тщетно. Глыба мышц крепко вдавила меня в покрывало.

Порочные губы братца Ланы приближаются к моему лицу. Напрягаюсь, задерживая дыхание. Мне не нравится его напор. Не нравится то, что чувствую, как его член упирается в мой зад, и еще больше не нравится волна необъяснимого ожидания внизу живота. Точно такая же, как была там в раздевалке. Острое предвкушение чего-то запретного.

— В одиночестве не интересно. Ты же видела, что я смотрю

на тебя. А потом сбежала. Хотела, чтобы я тебя нашел.

Что? Что за самонадеянный бред?

— Я не играю в прятки с теми, с кем не хочу играть. Отпусти меня!

Он приподнимается на локтях, а я, неправильно расценив его движение, уже собираюсь встать, как сволочь толкает меня обратно, только уже спиной. Грубо сводит руки над головой и наваливается сверху между раздвинутых ног, лишая возможности двигаться.

Охнув, я дергаюсь, когда мне в промежность упирается твердая эрекция.

— Отвали от меня! — рычу ему в лицо, а в ответ получаю смех.

— Сопротивляйся, мне нравится! Люблю брать силой!

Он точно псих! Кошусь на сумку, оставленную рядом с сапогами. Там нож, мой верный друг, с которым никогда не расстаюсь. Именно по этим причинам. И кто просил сейчас оставить его у входа? Дура.

Одной рукой удерживая мои запястья, Матвей задирает майку, едва касаясь пальцами кожи. Медленно, словно смакуя скользит вверх, отправляя высоковольтное электричество по моим ребрам. Когда ткань оказывается у моего горла, резко стаскивает вниз лифчик. В голубых глазах вспыхивает пламя, стоит груди покрыться мурашками от дуновения летнего ветра с открытого балкона.

— Не трогай меня, скотина! — рычу, тяжело дыша.

В голове заметно плывет после двух затяжек, и я в который раз проклинаю себя за то, что покурила. Знала ведь, что за этим следует.

— Ммммм, — острый язык ублюдка облизывает губы, а потом склоняется к моей груди и втягивает левый сосок, вынуждая меня громко охнуть.

Боже. Сама не понимаю почему выгибаюсь навстречу. Опускаю глаза, наблюдая за тем, как он оттягивает затвердевшую вершинку зубами, порождая в моем теле немыслимое возбуждение. Я конечно девочка взрослая, не раз доводила себя до оргазма, все же физиологию никуда не денешь, но чтобы ощущать нечто подобное — такого еще не бывало. Матвей ударяет языком по второму соску и кусает его, встречаясь со мной взглядом. Никогда на меня не смотрели с таким голодом. Первобытная алчность, ощутимая на физическом уровне.

— А ты говорила, что не узнаю никогда, как ты кончаешь. Мне нравится твой голос, Риии. Можешь кричать.

Наверное именно так выглядят хищные звери, когда

подкрадываются к жертве. В выражении лица Матвея читается нечто животное. Только это не благородный зверь типа льва или тигра. Скорее дикий койот. Сильный. Властный. Готовый рвать на части.

Каменный член упирается мне прямо в чувствительный клитор и начинает тереться собой, вверх и вниз сквозь несколько слоев ткани. Ох, чееееерт, перед глазами плывет, яркие вспышки взрываются под кожей, подобно языкам пламени. Не замечаю, как начинаю тихо постанывать. И самое главное не понимаю почему не сопротивляюсь. Всегда умела вовремя оттолкнуть козлов, пытающихся ухватить что им не положено, а сейчас улетаю. Будь проклята эта марихуана. Именно из-за нее нервные окончания будто оголились, и даже горячее дыхание, вырывающееся из порочного мужского рта, возбуждает.

— Ты же собиралась вырываться! Или передумала? Хочешь я тебя трахну, Риииии? — губы Матвея оказываются около моих, в то время как он начинает быстрее скользить собой по мне.

Дааа, хочу. Я хочу, чтобы то, что сейчас накапливается в моем организме, нашло чертов выход, иначе я разорвусь. Отрицательно мотаю головой и одновременно с этим подаюсь вперед бедрами.

Хриплый смех щекочет мою щеку, явно удовлетворенный реакцией моего тела. Гад. Когда томление в животе достигает пика, меня швыряет в океан чистого удовольствия. Тело бьет дрожью, сознание разорвано, а Матвей рычит на ухо, сильнее впиваясь мне в руки своей хваткой.

Не давая до конца насладиться искрами удовольствия, подносит средний и указательный пальцы к моим губам и надавливает на них, проталкивая в рот. Рецепторы ощущают солоноватый привкус грубой кожи, в ушах шумит, пульс несется как ненормальный.

— Соси, — приказной тон отрезвляет мгновенно, похлеще электрошокера. Рвспыхиваю глаза и со всей силы впиваюсь зубами в фаланги.

Лицо напротив в секунду звереет, искажаясь в гримасе боли и ярости.

— Ах, ты ж… — отпустив мои запястья, Матвей больно сжимает скулы второй рукой, заставляя разжать челюсти. Отпускаю, в этот момент отталкивая подонка, и соскакиваю с кровати, несясь к двери. Хватаю сапоги с сумкой и дергаю на себя дверную ручку.

— Приказывать будешь своим шлюхам, — бросаю на пороге, а потом сбегаю вниз, слыша громогласное «Сука».

Обуваюсь, то и дело оборачиваясь назад. Перекидываю сумку

через плечо, захватываю с собой бутылку Империала со стола и пару бутербродов с красной икрой. Стараясь не привлекать внимания, проталкиваюсь сквозь танцующую толпу к двери и покидаю дом. Проходя по газону, инстинктивно поднимаю глаза наверх. Матвей вышел на балкон и курит, оперевшись на дверной косяк. Чувствую его взгляд на себе всю дорогу, пока иду до ворот. Только покинув это место, могу нормально выдохнуть. Вызываю такси, и пока жду наслаждаюсь бутербродами.

Уже дома опустошив наполовину бутылку и приняв по-быстрому душ, падаю на жесткую кровать и укутываюсь в простыню. Сквозь тонкие стены слышу, как ругаются соседи сверху и, кажется, занимаются сексом снизу. Различить трудно, потому что в голове плывет, а я почему-то подношу руку к губам и провожу по ним подушечками пальцев, вспоминая те несколько секунд, когда Матвей прижимался к ним. А потом отключаюсь.

Глава 12

Матвей

Марина исчезает за воротами, а я запускаю руку себе в штаны и сжимаю у основания член.

Возбуждение граничит с аномальным. Когда эта дикарка меня укусила, я подумал она мне пальцы нахрен оттяпает, дрянь. Хотел сначала следом дернуть после того как её задница скрылась за дверью, но решил, что устраивать представление для присутствующих не стану. Да и гоняться за ней со стояком не комильфо. Откинулся тогда на подушки и заржал, рассматривая выемки на коже пальцев от острых зубов. Кожа посинела, а член не прекращал ныть. Так меня еще не кидали. Стерва.

Стоны и движения бедрами Ри превратили мозг в липкий сироп, блядь. Горячая сучка. Еще немного и я бы сам спустил в штаны только от одного ощущения власти над ней и ее податливым телом. Думаю, фурии отдыхают в сравнении с Мариной в момент когда она трахается. И мне до ошизения хочется увидеть это и почувствовать самому.

Вниз по позвоночнику стекает жидкий металл, опаляя нервные окончания, пока я сжимаю в кулаке член.

— Мооот? — прокуренный голос Юльки звучит так внезапно, что я дергаюсь. Оборачиваюсь и встречаюсь с поплывшим от алкоголя взглядом.

Шлюшка направляется в мою сторону виляя задом, как ей видимо кажется сексуально. Видок так себе, надо сказать, но ее рот сейчас как нельзя кстати.

— Иди сюда, детка! — протягиваю руку и тяну к себе за затылок.

Полные губы открываются, наивно надеясь на поцелуй, но я давлю на голову, склоняя ее к паху и недвусмысленно намекаю на нечто другое.

— Отсоси мне!

На мгновение в пьяных глазах мелькает трезвая мысль о том, что внизу хренова туча народа, а балконы здесь не располагают на уединение.

Балюстрада состоит из тонких металлических прутьев и если кто-то из прогуливающихся снизу поднимет голову, то станет свидетелем того, как Юля работает ртом. Но мне плевать. Я хочу кончить. А она в любом случае сделает это. Поэтому не тратя времени на лишние разговоры, дергаю левой рукой ширинку, а правой упираю ее губами в свой адский стояк.

Девка плюхается на колени, облизывает губы и, обхватив

член рукой, вбирает в себя головку. Ох, блядь, да! Наконец-то!

Сразу же толкаюсь глубже, заставляя её расслабить горло.

— Бери глубже! — требую, когда блондинка начинает трясти головой и пытается отстраниться, чтобы хватнуть носом воздуха.

Позволяю ей это сделать, а потом обхватываю голову обеими руками и начинаю трахать влажный рот. Мне нужно буквально несколько долбанных секунд. На языке все еще привкус сосков Марины, что гораздо ускоряет процесс.

— Эй, может в бассейн заглянем? — снизу доносится чье-то оживленное предложение.

— Серый запретил идти на задний двор, — басит второй, пока я, приоткрыв рот от растущего кайфа, вдалбливаю себя во влажный рот. Юля упирается ладонями мне в бедра и сощурившись старается расслабиться, пока я толкаю член в заднюю стенку.

— Да похер. Он в доме, и не узнает. А мы по-быстрому. Не очкуй.

— Ладно, идем.

Поясницу простреливает молния оргазма. Удерживая голову подстилки, я бурно кончаю ей в рот, наслаждаясь вспышками экстаза по всему телу.

С Мариной это было бы в миллион раз мощнее, потому что именно ее я сейчас представлял на месте Юли, но пока и так сойдет.

Выдыхаю, отпуская наконец часто сглатывающую девчонку, и засовываю член в штаны.

— Спасибо, красотка, очень помогла! Пойдем перекусим чего-нибудь, жрать хочу как волк.

Трахать ее мне не хочется. Все, что нужно было я уже получил, поэтому игнорируя ее невразумительное блеяние, направляюсь к двери и выхожу в коридор.

— Мооот, но я тоже хочу! — доносится мне в спину, а потом я слышу стук ускорившихся каблуков по ковру. Догоняет меня, виснет на руке, и тянет обратно.

— Тогда иди, я пришлю тебе кого-нибудь! — стряхиваю с себя назойливую идиотку.

— Но я тебя хочу!

— А я тебя нет.

Могла бы даже не стараться корчить это обиженное выражение лица. Оставляю неудовлетворенное создание так и стоять на лестнице, а сам иду на кухню.

Реально жрать охота. Наливаю себе полстакана дешевого виски и выпиваю залпом. Закидываю в рот бутерброд и несколько сырных чипсин.

Народ как будто на батарейках орет песни и уже сосется на диванах.

— Кэш, ты не видел Марину? — Серый нарисовывается из ниоткуда и так же как и я, закидывается чипсами.

— Домой поехала, — наблюдаю за его реакцией. Выпившая мина расстроенно плывет. Все же я угадал, он реально хотел закончить сегодняшнюю ночь моим диким десертом. Облом.

— Жаль.

— Слушай, а кто она вообще такая? Марина эта. Откуда взялась?

Раз уж на то пошло, можно узнать о ней хоть что-то. А то кроме того, что стерва таскает с собой нож и кусается как дикая кошка, я больше ничего не знаю.

— Без понятия, — дятел пожимает плечами, — я с ней на треке познакомился. Три недели назад. Но откуда она у нас не в курсе.

— А учится где? Работает?

— Не в курсе, Мот. Я ее только на треке и вижу или на тусах. Ри никогда не рассказывает о себе. Я даже блядь не знаю есть ли ей восемнадцать.

Придурок ржет, отпивая виски из бутылки.

— Есть ей восемнадцать. На трек не берут несовершеннолетних, — поясняю простые истины, сам в этот момент обдумывая информацию. А точнее ее отсутствие.

— Да? Ну тогда отлично. Потому что у меня на нее такиие планы, — и как бы в подтверждение, его рука ложится на пах и демонстративно сжимает его.

Долбоёб. Предпочитаю промолчать. Пусть мечтает, фантазер любитель.

— Но блин, Кэш, она такая неуловимая, — возвращаясь из мира грез, Серый сводит брови к переносице, — когда кажется, что вот-вот завалю ее, она испаряется. Как сквозь пальцы вытекает. Но от этого еще круче, понимаешь?

О да. Понимаю.

— Слушай, там на втором этаже Юлька грустит, пойди развесели девчонку.

Указываю головой в сторону лестницы, завершая диалог. Надо найти малого и валить.

— Что? Я же блядь говорил никому на верх не идти, дура.

Недоделок срывается с места под мой громкий ржач. Кидаю ему вслед:

— И бассейн проверь!

Нахожу Кира, вытаскиваю из-под какой-то телки на диване, которая присосалась к нему своими утиными губами и тащу в

сторону выхода.

— Мооот, давай еще побудем! — малый вяло упирается, а когда мы выходим на улицу и вовсе отталкивает меня от себя. — Мот, я не хочу домой.

— Что за истерика, Кир? — удивленно всматриваясь в лицо брата. Он всегда уходит по первому зову.

Черная ярость в секунду охватывает мозг, когда до меня вдруг доходит. Зрачки расширены, на губах полуулыбка несмотря на то, что он злится.

Хватаю кретина за грудки и встряхиваю.

— Что принимал?

Лицо в мгновение приобретает виноватое выражение, но тем не менее он отрицательно качает головой.

— Ничего.

— Не делай из меня дебила. Что?

— План. Пол косяка, Мот, клянусь, — вижу что не врет. Сжимает зубы, хватаясь за мои запястья и отдирая от себя, а потом сгибается, застонав от боли, потому что я резко засаживаю ему кулаком в солнечное сплетение.

— Это на будущее. Если узнаю, что принимаешь что-то тяжелее, убью. Понял? — еле сдерживая себя, цежу сквозь зубы.

Говнюк кивает не разгибаясь.

— Домой! — приказываю и иду к машине.

В следующий раз будет думать перед тем, как совать в рот всякую дрянь. Совершить ему свои же ошибки я не дам.

Глава 13

Марина

Утром я просыпаюсь от того, что кто-то неистово тарабанит в мою дверь. Зажмуриваюсь и забираюсь с головой под подушку. Кто бы это ни был, пусть идут к черту. Будь то проверяющие счетчиков или свидетели Иеговы.

Надежда на то, что нежданные гости ретируются, не дождавшись какого-либо ответа, гаснет, как только до приглушенных подушкой барабанных перепонок доносится звук открывающегося замка.

Вот черт. Хозяйка. Только у нее есть ключи. Она пользуется ими в случае, если я не открываю или же просто отсутствую дома.

Нехотя выбираюсь из-под подушки, готовая к истерикам женщины, которая легко могла бы посоревноваться за звание самой скандальной в радиусе сотни тысяч километров. Встаю с кровати как раз, когда слышу скрип открывшейся двери и вижу ее тучное тело в коридоре.

— Ага, дома значит, — недовольным тоном с порога заводит затертую пластинку.

— Доброе утро, Нина Павловна, — сонно здороваюсь, пытаясь угадать причину, по которой Большая Мамочка могла покинуть свою берлогу и наведаться раньше срока. Обычно причина одна — арендная плата, но пока рано. Еще неделя точно, я успею получить зарплату, — чаю хотите?

— Чаю она мне предлагает, посмотрите на нее. Значит так, милочка, послушай меня внимательно. У тебя есть час на то, чтобы оплатить за месяц, собрать вещички и освободить квартиру.

Опрокинув на меня ушат холодной воды, с громким хлопком закрывает за собой дверь и входит в единственную комнату, ставя руки в боки.

Сон как рукой снимает.

— Что значит освободить? — по её внешнему виду нельзя сказать, что этот человек способен на шутки в принципе. От осознания этого становится еще хуже.

— То и значит. Мне надоело ждать, пока ты мне заплатишь. То три месяца ждала с моря погоды…

— Но я ведь потом оплатила.

— Да, потом оплатила. А в прошлом месяце снова задержала.

— Потому что зарплату дали позже, — объясняю в третий раз, потому как еще двадцать дней назад рассказывала, как в баре всем задержали деньги.

По позвоночнику начинает стекать липкий пот.

— Зарплату, ну да. Знаю я, каким местом ты зарабатываешь! — яд из язвительно искривленного рта жалит, но не смертельно. Жизнь закалила подобным домыслам, поэтому просто сжимаю зубы, надеясь, что женщина сейчас выпустит пар и свалит в свою берлогу, потому что за такую цену найти квартиру просто не реально, а на более дорогую средств банально нет. — В общем, ничего не хочу слушать. Я здесь сделаю ремонт и возьму нормальных жильцов, способных платить стабильно. И не водить к себе клиентов. В мою квартиру!

— Что? Каких клиентов? — не выдерживаю лживых обвинений. — О чем вы?

— Ой, вот не надо строить из себя невесть кого. Денег возьму не за целый месяц, хотя надо было бы. За моральный ущерб.

Чувствую, как злость накатывает невидимыми волнами. Пульс шкалит, ладони вспотели. На голову сваливается осознание, что еще немного и мне даже некуда будет вернуться после работы.

— Мне некуда идти, — говорю как есть, смотря прямо в заплывшие жиром глаза.

— Это уже не мои проблемы, — фыркнув, Нина Павловна разворачивается и, схватив с тумбочки мой шарф, швыряет его в моем направлении. — Собирайся!

Ловлю единственную дорогую для меня вещь, не позволяя упасть на пол.

— Не смейте швыряться моими вещами, — предупредительно цежу сквозь зубы.

— А ты их собирай быстрее, и швыряться не придется.

Если бы можно было убивать взглядом, я бы ее уже расчленила на мелкие кусочки. Да пусть подавится своей квартирой! Этот человек за лишнюю копейку мать родную продаст!

Рывком достаю из-под кровати спортивную сумку, с которой уезжала еще из детдома, и начинаю бросать туда свои скромные пожитки. Благо вещей у меня немного, справлюсь быстро, лишь бы не лицезреть ее расплывшуюся физиономию хотя бы одну лишнюю секунду.

Разворачиваюсь спиной и меняю пижамный топ на первую попавшуюся футболку. Наклоняюсь, стаскивая шорты и выставляя ей на обозрение зад в черных танго, как наглядный пример того, куда ей нужно идти.

Сзади прилетает недовольное кряканье, пока я тяну вверх по ногам спортивные штаны.

— Никаких манер! — ворчит бегемот.

Ну да, её — то манеры я имела возможность слышать, когда прямо перед ней бабулька с четвертого этажа случайно разлила пакет с молоком. Точнее просто уронила, а он лопнул, шмякнувшись о бетон. Уж эта дамочка не поскупилась на выражения, обходя лужу царской походкой и на весь подъезд извергая проклятия.

Кидаю косметику следом за вещами, забираю свою посуду, из которой всего-то чашка и чайная ложка. Мыльные принадлежности и кроссовки. Сверху на все это аккуратно раскладываю шарф цвета голубой волны и, застегнув сумку, отправляю в коридор.

— Деньги где? — вопит Нина Павловна, шаркая следом.

— Вы прекрасно знаете, что зарплата у меня через неделю, за полгода должны были уже выучить, — наспех завязываю шнурки на кедах и собираю на макушке хвост. Стараюсь выглядеть равнодушной и показать, что мне плевать на то, что как, словно щенка выбрасывают из квартиры, но дрожащие руки выдают с головой. Черт.

— Ты мне не умничай. На что-то же ты живешь! Значит, есть чем и заплатить.

— Вы серьезно? — от шока я даже не могу контролировать открывшийся рот. — Если я вам отдам последние деньги, мне будет не на что даже купить себе дешевый пирожок с рынка. Получу зарплату и принесу за двадцать дней, как вы и сказали.

— Нет уж, дорогуша, заплатишь сейчас!

Только я оказываюсь шустрее. И пока эта бессердечная пытается схватить меня за руку, подхватываю с пола сумку и выскакиваю в подъезд.

— Стоять, дрянь!

Черта с два. Я не собираюсь с голода сдохнуть, пока она сегодня на мои кровно заработанные пойдет покупать себе торт к чаю.

— Верну все через неделю! — кричу снизу, быстро спускаясь по ступенькам.

Включаю игнор, чтобы не запоминать несущихся вслед мне лестных слов, и только оказавшись на улице под жарким июньским солнцем, вдруг осознаю, что теперь у меня даже нет крыши над головой, чтобы от него спрятаться.

К глазам подступают слезы отчаяния. Сжимаю веки и приседаю на корточки, уронив сумку на землю. Бегемот за мной на улицу вряд ли побежит. Слишком много телодвижений.

Минутная слабость душит, но это скоро пройдет. Я не плачу. Никогда не плачу, потому что от слез легче не становится. Они бессмысленны в своем проявлении. Ком в горле режет, грудную

клетку распирает. Делаю несколько глубоких вдохов, стараясь успокоиться. Все будет хорошо, Рина. Жизнь просто испытывает тебя на прочность. Не поддавайся. Ты кремень и разбить себя этой стерве не дашь.

Почему-то именно сейчас приходит в голову мысль о том, что я ведь никогда могла не знать финансовых проблем, если бы мой собственный отец от меня не отказался, оставив в доме малютки.

Воспитатели по секрету рассказывали, что он приехал тогда на последней модели мерседеса, весь такой холеный, и с брезгливым видом передал меня в люльке директрисе. По их словам только часы на его руке стоили как их годовая заработная плата, а то и больше.

Он просто оставил меня, как ненужную игрушку, которыми нас баловали с барского плеча другие. Отказался от родной дочери. Я всегда задавала себе вопрос почему? Что могло случиться, чтобы заставить человека поступить так с ребенком? Возможно, у него были проблемы? Или что-то другое заставило так поступить? Принимать мысль о том, что он сделал это по собственному желанию, мне не хотелось. Я создала себе сказку и наивно верила в нее и по сей день. Хотя бы какая-то сказка в моей жизни должна ведь присутствовать. А так и живется легче…

Вот и сейчас, посидев пару минут, я собираюсь с силами. Встаю, смаргиваю отголоски так и не проступивших слез и отправлюсь к остановке, чтобы доехать до бара. Пока поживу там. Наталье Ашотовне, конечно, не скажу, но надеюсь это ненадолго.

Днем в бар наведывается Лана. Когда у меня послеобеденная смена, она всегда старается приехать пораньше. Дома ей делать нечего, коротает время здесь. А я и не против. Сама не заметила, как стала ждать ее приездов.

— Привет, Рин, — девчонка в легком розовом сарафане привычно целует в щеку и плюхается на барный стул.

— Привет, — киваю в ответ, на мгновение оторвавшись от ноутбука. Пока в баре пусто, решила пробежаться по объявлениям о сдаче квартир.

— Как ты? Слышала, вчера была вечеринка у Сережи, ты была?

Вытесненное утренними событиями воспоминание о старшем брате Ланы вихрем встает перед глазами. Его наглые глаза, язык, блуждающий по коже, зубы на моих сосках. Неожиданное возбуждение пронзает тело, стоит вспомнить, как он терся об меня своим членом.

Вина перед Ланой подтачивает как червяк, и, прогнувшись под её тяжестью, я отвожу взгляд. По сути, не за что винить себя, ведь то, что сделал этот козел, произошло не по моему желанию,

но вот только полученное острое и ни с чем несравнимое удовольствие никак не умаляет моей вины.

— Мхм, была. Все как обычно, ничего интересного, — пожимаю плечами, чувствуя, как от вранья заливает щеки. Вообще я редко чего стыжусь, а перед этой девчонкой стыдно.

— Марк был? — как бы невзначай спрашивает Лана, всматриваясь в мое лицо.

— Может и был, но мне на глаза не попадался, — отвечаю честно, точно зная, что его присутствие бы заметила.

Они с парнем уже больше месяца вместе, и иногда мне доставляет удовольствие видеть, как она его ревнует, хотя на деле старается не показывать.

— Ясно, — не скрывая радости, улыбается девчонка, а потом заглядывает через барную стойку в ноутбук. — Ты что там смотришь?

Обрадовавшись, что тема о Матвее закрыта, вымученно улыбаюсь в ответ.

— Квартиру ищу. Я сегодня осталась без крыши над головой, — киваю на одиноко стоящую у ног черную потертую сумку.

Лицо близкой знакомой вытягиваются, а глаза округляются.

— Как это? Неужели грымза тебя выгнала?

Лана всего лишь один раз столкнулась с Ниной Павловной, когда та уходила от меня с деньгами, не преминув при этом назвать это милое создание “Еще одной шалавой”, даже не стесняясь того, что мы это слышали.

— Да уж, — подтверждаю ее догадки и вздыхаю.

— А где ты жить будешь?

— Здесь временно, пока не найду квартиру.

— Как это здесь?

— Ну, вот так. В подсобке. Главное, чтобы хозяйка не засекла, но я буду осторожной.

Не совсем понимаю, зачем я ее успокаиваю, ведь волноваться должна именно я, но по выражению лица Ланы можно подумать, что случился апокалипсис.

— Это невозможно, чтобы человек спал в подсобке! — в сердцах выпаливает моя милая единорожка, живущая в сказочном мире и, к счастью, не знающая, как бывает в реальной жизни.

— Ну, значит, возможно, — беспечно веду плечами и перевожу взгляд на дверь, когда входит посетитель.

— Нет. Ты же не собака! — продолжает довольно громко возмущаться блондинка. — Я не понимаю как это. И не хочу, чтобы ты здесь ночевала.

— Я тоже не хочу, но выхода другого нет.

Кажется, я впервые вижу, чтобы она так серьезно что-то обдумывала. Лана пару секунд жует губы, пристально всматриваясь в меня, потом словно решившись, достает из сумочки телефон и начинает в нем копаться.

Пока она проделывает все эти манипуляции, я подхожу к мужчине, занявшему место за стойкой, и принимаю заказ на пиво. Открываю кран бочонка, наполняю стакан пенной жидкостью, когда вдруг замираю, услышав слова Ланы:

— Пап, привет, не занят? Занят? Я быстро. Слушай, можно у нас несколько дней поживет моя подруга? Мы так давно не виделись, она приехала на лето к родителям, но кататься по всему городу не охота туда-сюда, не против, если она у нас остановится на неделю — другую?

Глава 14

Марина

— А это обязательно?

Сидя в такси, скептически осматриваю подобие одежды, в которую меня нарядила Лана. Короткие джинсы скинни белого цвета с небольшими разрезами на коленях и свободный топ цвета Тиффани. Черт, я даже двигаться в них боюсь. Никогда еще на мне не было одежды стоимостью в мою месячную зарплату.

— Конечно обязательно! Я сказала отцу, что ты моя подруга. Если он узнает, что ты простая барменша, он меня к тебе и близко не подпустит, прости! — виноватая мордашка тщательно осматривает мою прическу.

Попросив Катю поменяться со мной сегодня, чтобы не ехать домой к Лане посреди ночи после смены, я чувствую себя так, словно меня везут на какую-то выставку. По сути, так и есть, поэтому чтобы понравиться вершителю судьбы в лице отца Ланы, я позволяю знакомой все эти манипуляции.

— Ничего, я понимаю, — ободряюще отвечаю.

— Слушай, я тебе хвост сейчас тугой затяну, хорошо? Просто волосы не очень блестят.

Да они и вовсе не блестят, хочу ее поправить, но молчу.

— Я и сама могу.

— Можно я? Мне приятно сделать что-то для тебя, — искренняя улыбка Ланы находит отклик в моем сердце, и я не придумываю ничего лучше, чем кивнуть в ответ.

В моем сердце бесконечная благодарность этой девчонке за то, что уже во второй раз за короткий срок она спасает мою задницу от перспективы жизни на улице. Конечно, пересекаться с ее сволочным братцем мне совсем не хочется, но если поставить на весы ночлежку в подсобке или возможность впервые в жизни пожить в нормальном доме, я выберу второе. С этим подонком разберусь как-нибудь.

Где-то глубоко в подсознании сквозит мысль, что это будет довольно непросто, если учесть, что сволочь прет, игнорируя все выставленные баррикады, но я затыкаю ее. И не таких обламывала.

Мы приезжаем в район на другом конце города. Где-то здесь живет Сергей, точно помню, что ехали в этом же направлении вчера.

Трехэтажный дом цвета слоновой кости встречает нас своим ужасающим величием. Ого. Думала, Серега шикует, а он так, средний класс по сравнению с этим роскошным громилой. Все

окна фасада дома панорамные, и уже отсюда можно увидеть и гостиную, и столовую. И даже ступени, ведущие наверх.

— Пойдем, — потащив меня за руку по дорожке, Лана открывает дверь. Замираю прямо на пороге.

Господи, да здесь можно разбить лагерь фанаток Массимо Торричелли, собранных по всему миру.

Детский дом и тот был меньше размером.

— Заходи, — подталкивает девчонка, вдруг выхватывая мою сумку и пряча её за спину, — привет, пап.

Резко перевожу взгляд вправо. В нашу сторону направляется мужчина среднего возраста, холеный, статный, в дорогом костюме цвета вороново крыла, но отстраненный. Кешнов старший даже не задерживается рядом с нами. Проходя мимо, только бегло мажет по мне взглядом и кивает.

— Добрый вечер, девочки. Проходите. Валя как раз накрывает на стол. Я поужинать с вами не успею, у меня самолет через два часа.

— Хорошо, пап, — щебечет сзади хитрая лиса и толкает меня в сторону столовой, располагающейся справа от лестницы, — подожди меня здесь, я быстро вещественное доказательство спрячу и вернусь, — ткнув пальцем на сумку, наследница сего богатства, выстукивая каблуками по полу, отправляется к ступеням.

Окей, подожду здесь. Вхожу в просторную столовую с овальным столом посередине и шестью стульями. На идеально белой скатерти уже выставлены четыре столовых прибора. Взгляд падает на нарезку из бастурмы и хамона. Во рту мгновенно собирается слюна. Бургер, съеденный в обед, давно переварился, и теперь мои вкусовые рецепторы сходят с ума, глядя на это гастрономическое великолепие. Долго не думая, подцепляю тонкий слайс бастурмы и отправляю в рот. О, Боже… Всегда мечтала попробовать что-то кроме варенки и сервелата.

Жую быстро, даже не успевая разобрать вкуса и уже тянусь за хамоном, когда слева раздается тихое покашливание, а потом в столовую входит миловидная женщина средних лет в фартуке чище только что выпавшего снега.

— Здравствуйте, — замираю с протянутой рукой над тарелкой и проглатываю кусок мяса.

— Добрый вечер. Вы должно быть Марина? Дмитрий Олегович говорил, что вы к нам присоединитесь.

Никак не реагируя на мое наглое воровство продуктов, женщина тепло улыбается.

— Да, спасибо.

— Если хотите, могу вам еще подрезать? Сегодня закупила

свежайшее вяленое мясо.

В щеки бросается краска, но я тут же киваю. Разве можно отказаться от подобного предложения?

— Буду вам очень благод..

Мою благодарственную речь прерывает громкий хлопок входной дверью. Мы с Валентиной синхронно вздрагиваем и оборачиваемся. Причину шума обнаружить не сложно. Я вся подбираюсь, стоит увидеть, как в нашу сторону тяжелой походкой направляется Матвей.

Светлые джинсы, наполовину расстегнутая рубашка, как будто только что сексом занимался и не соизволил до конца одеться.

— Здравствуйте, Матвей Дмитриевич, ужин почти готов, — ставит в известность прислуга и, получив в ответ короткий кивок с барского плеча, быстро возвращается на кухню.

Кажется, он замечает меня только сейчас. Сначала голубые глаза проходятся по мне без интереса, начиная путешествовать снизу вверх, и только когда доходят до лица, замирают. На лице с короткой щетиной мелькает неприкрытое удивление, сменяющееся циничной ухмылкой.

— Ри? Охуеть.

Теперь его взгляд проделывает весь путь обратно, но только на этот раз гораздо медленнее и изучающе.

— Что тебя так удивляет, Матвей? — складываю руки на груди, потому что чувствую, как соски начинает покалывать от его замершего в этой области взгляда.

— За добавкой пришла? — двинувшись вперед, хам останавливается прямо напротив меня и демонстративно облизывает губы. — Настолько понравилось, что сама меня нашла? Впечатляет.

Не удержавшись, смеюсь в надменную физиономию.

— Много чести. Я здесь не из-за тебя, расслабься.

Широкая бровь удивленно изгибается.

— А из-за кого же?

— Из-за твоей сестры.

— Ланы?

— А у тебя есть другая сестра?

Выражение лица Матвея в долю секунды меняется с расслабленного на жестокое и таящее угрозу.

— Что тебе нужно от нее?

Голос звенит металлом. Не знаю почему, но я внутренне вся сжимаюсь. Впервые вижу в нем такую перемену. Даже когда он дрался, не переставал улыбаться, а сейчас как будто внутри что-то переключили.

— Ничего. Она мне предложила пожить у вас, и я согласилась. Мы дружим, — вздергиваю подбородок.

— Дружите? Ты и Лана? — презрение в голосе даёт хлесткую неосязаемую пощечину.

— Да, какие-то проблемы?

— Что может быть общего у моей сестры и тебя?

Последнее слово выделяет так, чтобы не осталось сомнений в том, что для него я — второй сорт. Ну конечно, еще бы. Ведь подобная одежда на мне впервые, а он уже успел собрать за предыдущие встречи собственное мнение. Но мне плевать, что он там думает.

— Если не ошибаюсь, еще вчера ты сам пытался найти в моих трусах что-то интересное, — едко напоминаю о его провальных попытках поиметь меня. — Так что тебя удивляет в том, что и другим людям я могу нравиться?

Лицо обжигает острой болью, когда ублюдок вдруг больно хватает меня за скулы и сжимает, рывком дергая к себе.

— Оставь свой острый язык на потом, Ри. Я спрашиваю, что ты делаешь в моем доме и откуда знаешь мою сестру?

— Отпусти меня, — шиплю, сжимая массивное запястье и вздрагиваю, когда Матвей вдруг рявкает:

— Вера, выйди.

Ох, черт, здесь еще и прислуга была. Когда только успела вернуться?

Звук удаляющихся быстрых шагов стихает. Сволочь дергает меня за лицо и цедит сквозь зубы, обдавая горячим дыханием кожу. Запах сигарет проникает в легкие, а сумасшедшие глаза светят как рентгеновские лучи, выискивая ответ на вопрос.

— Отвечай!

— Отпусти ее, Матвей!

Лана внезапно привлекает к себе внимание, заставляя этого дикаря обернуться к ней, но меня не отпустить. Не будь её здесь, я бы уже воспользовалась своим верным другом ножом, на этот раз не обойдясь мелкой царапиной.

— Лана, как давно ты общаешься с Ри? И что вас связывает? Советую отвечать честно, — чеканит ледяным голосом ненормальный.

Да что это с ним вообще?

Девчонка переводит испуганный взгляд с меня на брата и почти бегом подскакивает прямо к нам.

— Мы дружим, Матвей. Уже несколько месяцев.

— Дружите?

— Да! Отпусти ее, я все расскажу.

Опалив меня устрашающим взглядом, Матвей, наконец,

разжимает пальцы, позволяя сделать нормальный глоток воздуха.

— Придурок, — шиплю, быстро растирая щеки, чтобы не осталось синяков.

— Рот закрой! — летит приказ, а потом точно такой же в сторону Ланы. — Я слушаю. Каким, блядь, образом ты связана с Ри? И почему она в нашем доме?

— Рина поживет у нас немного, — несмело отвечает девчонка, тушуясь под напором сумасшедшего братца.

Боже, он реально её третирует. Цветущая девушка, знакомая мне вот уже несколько месяцев, прямо на глазах превращается в пожухлый лист. За что он с ней так?

— С чего вдруг ей у нас жить? Ты хоть знаешь кто это, Лана? Это грид-герл с трека.

— Я знаю.

— Знаешь? Тогда мне еще интереснее, что же тебя может связывать с местной шлюхой?

Ладонь сама взлетает и отвешивает подонку звонкую пощечину. Ярость шипит, пузырями лопаясь под кожей.

— Ты ничего не забыл, Матвей? Тебе-то как раз я не дала.

Не знаю, чего я ждала от такого психа как этот, но точно не того, что он вдруг схватит мою руку, больно её выкрутит и уложит лицом на стол, сваливая при этом один из бокалов прямо в тарелку с овощами.

— Я сказал рот закрыть, что непонятного? — тяжелое тело накрывает меня сверху и вдавливает в столешницу. — С тобой я разберусь потом. А сейчас, Лана, я даю последний шанс на объяснения. Иначе эта девка вылетит отсюда прямо в твоих брендовых вещичках. Да, не удивляйся, я узнал твои любимые джинсы.

Глава 15

Матвей

— Марине негде жить, — бросив в Ри взгляд полный сомнения, оправдывается мелкая.

Меня бесит, когда она общается хер знает с кем, полагая, что все вокруг на свете вдруг чудесным образом становятся её друзьями после пары дней общения. Малолетняя дура совсем не умеет разбираться в людях. Пару раз я видел сестру с университетскими блядями, потом в компании, привыкшей баловаться наркотой. Всякий раз подобная дружба заканчивается тем, что я выволакиваю мисс наивность и тупость за шкирку домой, а она вопит о том, что не даю ни с кем общаться.

Вот и сейчас. Кто такая эта Ри, блядь? Откуда она вообще взялась в наших краях? Одно знаю точно, девка хоть и пытается казаться недоступной, всем своим поведением показывает, что на самом деле из себя представляет. Мне вкусно с ней играть в выбранную игру “нагни и трахни”, но игра остается игрой. Мнимая дружба с мелкой меня не устраивает.

— И что? Ты решила побыть матерью Терезой и приволокла сбежавшую из дома сучку?

Глаза мелкой вспыхивают, но предупреждение в моих собственных гасит этот слабый огонь противоречия.

— Все не так. Марина помогла мне. Понимаешь, — запинается на мгновение, словно решаясь говорить или нет, Лана прикусывает губу и выпаливает: — Я разбила мотоцикл Дэна. Денег заплатить за ремонт не было, он предложил отработать грид-герл на треке, но я знала, что ты взбесишься. Была в отчаянии, не понимала как поступить, рассказала все Рине, и она предложила отработать за меня. А теперь я должна помочь ей! Не могу бросить, ты бы видел тот гадюшник, где она собиралась ночевать!

О.Х.Р.Е.Н.Е.Т.Ь.

Кажется, тишина не может быть еще более ощутимой. Даже Валя на кухне перестала греметь тарелками. Я даже почти не улавливаю смысла последних слов, застопорившись на моменте о байке и Дэне.

— Что ты, блядь, сделала?

Рявкаю и отпускаю прижатую к столу брюнетку. Ри, воспользовавшись случаем, быстро выпрямляется и отскакивает назад, пока я теперь уже хватаю за локоть дуру, с которой нас связывает один генный материал, и встряхиваю её.

— Какого хрена ты была на мотоцикле Дэна?

Зажмурившиеся веки должны бы ознаменовать о том, что ей больно, но мне, мать вашу, насрать.

— Мне больно.

— Будет еще больнее. Как ты связалась с Дэном?

— Матвей, отпусти ее, — без прежней уверенности вмешивается брюнетка, но я одним взглядом осаждаю неудавшуюся попытку помочь своей спасительнице.

— Не лезь в семейные дела!

Рина отшатывается, как будто я ударил ее наотмашь, и отступает на несколько шагов назад.

— Матвей, — младшая вся в комок сжалась, — я хотела научиться кататься, пошла на трек, там познакомилась с некоторыми парнями и девчонками. Одним из них оказался Дэн. Он предложил меня поучить за определенную плату.

— Натурой?

— Нет, что ты! Я платила ему своими карманными деньгами. А потом когда научилась, попросилась на трек, и он пустил.

С каждым произнесенным словом, меня кроет все сильнее. В висках начинает долбить, а фантазия уже в красках рисует, что я сделаю с этим мудаком.

— Только на повороте меня подрезали, я упала и поцарапала его мотоцикл, еще сломала что-то. Оплатить ремонт было нечем, и поэтому он предложил отработать по-другому.

— А что же он не предложил еще третий вариант? Например, как ты становишься раком, и он тебе трахает во все отверстия?

В карих глазах рождается ужас, но я не собираюсь ее успокаивать. Дура тупоголовая. Живет в своих сказках, забывая о реальном мире, где бабы платят по-другому.

— Не знаю. Он не смог бы, — лепечет искусанными губами.

— И ты решила попросить Ри за тебя отработать?

— Нет, она сама предложила. Я познакомила ее с Дэном, он был не против.

Бросаю взгляд на дикарку, впечатавшую пустой взгляд в стол. Тонкие пальцы мнут салфетку, нога нервно постукивает по полу. С ней разберусь после.

— Слушай сюда, Лана, — до боли сжимаю руку взвизгнувшей от боли идиотки-сестры, — сидишь дома, никуда не выходя. Ты теперь под арестом, раз не умеешь вести себя в социуме. Если надо будет, я тебе и домашнее обучение обеспечу, а экзамены сдавать будешь онлайн, усекла?

Подбородок на лице мелкой начинает дрожать, а из глаз дорожками стекают слезы.

— А с тобой, — оборачиваюсь к Рине, — поговорим потом.

Выпускаю покрасневшую руку Кешновой младшей, ошибки

нашей семьи, и выхожу из дома, громко хлопнув дверью.

Вот же сука Дэн. Знает, мразь, как меня выбесить. Мы давно общаемся на ножах, еще с момента, когда я заметил, что он подкручивает байки некоторым гонщикам, чтобы те случайно приехали позже или вообще съехали с трека.

Сомневаюсь, чтобы говнюк не знал кто такая Лана. Знал и именно поэтому устроил ей обучение и выпустил на трек. Понимал, что начинающая дурочка точно разнервничается и свалится. Не знаю, на что он рассчитывал, на то, чтобы она покалечилась или просто выставить её на всеобщее обозрение, но ему это так с рук не сойдет.

Сажусь в тачку и гоню в его гараж. Меня распирает желанием свернуть ублюдку шею и отправить в больницу на вытяжку. Сжимаю руль так, что кожа скрипит под ладонями. Выкуриваю две сигареты, не тормозя на красный и проносясь по перекресткам.

Подъезжаю к нужному месту в промзоне, с ноги вышибаю дверь и вхожу внутрь. Два его подсобника как раз возятся в байках и, завидев меня, боязливо переглядываются.

— Дэн где?

Откидываю носком кроссовка валяющуюся под ногами арматуру и подхожу ближе.

— Его нет, — тот, что ближе решается ответить. Знают твари, что не просто для общего развития интересуюсь.

Не расшаркиваясь на разговоры, хватаю его двумя пальцами за ноздри и тащу вверх. Дятел скулит, выкручивая голову, чтобы не дать сломать себе его и тянется за моей рукой.

— Я не спросил здесь ли он. Я спросил где?

— Не знаю. Ему позвонили сегодня, и он уехал. Сказал, что на несколько дней.

Блядь. Мудак как чувствовал.

Сзади звякает что-то металлическое, а потом доносятся шаркающие осторожные шаги.

— Положил арматуру, или я тебе ее в жопу засуну и проверну несколько раз, — рявкаю не оборачиваясь. Звук шагов резко прекращается, а потом снова слышится звон падающей железки.

— Куда уехал? — сильнее давлю на нос, заставляя дятла корчиться от боли.

— Не знаю, он не сказал. Может по вопросу байков. Он хотел купить несколько.

Вижу, что не врет. Убираю пальцы и, протерев их тряпкой, валяющейся на ремонтирующемся моцике, натыкаюсь глазами на канистру.

Под пристальными взглядами пересекаю расстояние до

стены, поднимаю её и, удостоверившись, что не пустая, откручиваю крышку.

Выливаю содержимое на каменный пол, обливая бензином еще и мотоциклы, чьи владельцы будут очень не рады потере дорогостоящих любимчиков.

Под звенящую тишину отшвыриваю пустую канистру и возвращаюсь к двери.

— Передадите ему привет от Кэша.

Две пары глаз шокировано распахиваются, наблюдая за тем, как я достаю из кармана зажигалку, чиркаю ей и бросаю в середину лофта.

Быстро выхожу за дверь, боковым зрением замечая, как оранжевый цвет охватывает здание, и, не оборачиваясь, возвращаюсь к машине. Сзади, спасая свои задницы и матерясь, выскакивают двое.

Стало ли мне легче? Однозначно. Считай, за ремонт поцарапанного байка расплатился. Теперь козлина миллион раз подумает, прежде чем выпускать на трек малолеток. И ведь уже не впервой. Сначала случай с дочкой декана, теперь Лана. И если первый все спустил уроду с рук, то я не собираюсь поступать также.

Звоню Рыжему и отправляюсь в наш бар. Выпить хочется до усрачки. Пару стаканов, не больше, потому что впереди разговор с Ри.

Только сейчас, выпустив ярость, начинаю задумываться о словах мелкой. Значит, дикарка не грид-герл вовсе. Ну теперь, во всяком случае, понятно, почему так рьяно от меня отбивается. Будь она на треке давно и по собственному желанию, сама бы уже отсосала и дала себя поиметь во всех возможных позах.

Так поступают все грид-герл. Дают гонщикам без разбора. Местная шваль, используемая всеми подряд, когда хер встает и надо сбросить напряжение.

Сегодня встал даже у меня, когда я увидел её в тех джинсах обтягивающих и топе, не скрывающем плоский живот. Хвост, собранный сверху и открывающий шею, пришелся как нельзя кстати. Его бы на кулак намотать, наклонить еще раз над столом, чтобы брыкалась как сегодня, сорвать штаны и отодрать сзади.

Надо признать тот факт, что теперь, зная, что Ри не шлюха, я хочу ее еще сильнее. Одно дело трахнуть доступную телку, а другое ту, о которой вообще нихрена не знаешь. Это кстати главный вопрос, который я сегодня и выясню. Что там мелкая говорила о том, что ей жить негде? Постучав большим пальцем по рулю, врубаю музыку. Из колонок начинает бить жесткий рок. Интересно, она из дома свалила, бунтуя против семейных правил,

или тут что-то другое? Не знаю, почему меня это интересует. Обычно о телках думаю только в одном направлении, но ее история заслуживает внимания. Особенно если учесть, что дикарка пошла на трек вместо мелкой.

Посидев в баре пару часов и услышав от народа, что гараж Дэна спасти не удалось, мое настроение взметнулось на прежнюю отметку.

Я вернулся домой и сразу отправился по гостевым комнатам. Судя по тишине на втором этаже, Лана уже спала. Прошел по трем пустым спальням и, увидев в одной из них разбросанные по кровати вещи, вошел внутрь. За дверью ванной комнаты шумела вода.

Отлично. Значит мокрая и голая. Ммм.

Заваливаюсь на кровать прямо в обуви и, подцепив пальцами топ, который еще насколько часов назад терся о сиськи Рины, подношу его к лицу. Тяну носом аромат, впитавшийся в ткань, но кроме кондиционера для белья ничего не чувствую. Отшвыриваю его на пол, а потом замечаю валяющиеся рядом трусики черного цвета. Вот это уже интереснее. Сгребаю их в кулак и втягиваю пряный аромат. Ох, блядь. Член за несколько секунд наливается так, что металлическая ширинка больно впивается в кожу. Поправляю его, как раз когда вода перестает шуметь, а спустя несколько секунд дверь открывается и в комнату входит мокрая бестия.

Белое полотенце обтянуто вокруг совершенного тела, оставляя место для воображения. Стройные ноги осторожно ступают по ковру. Позади нее из-за открытой двери струится пар, а по лицу стекают капли воды с мокрых волос. Сексуальная чертовка. Еще и какая сексуальная!

— Ну, привет! — привлекаю к себе внимание и закидываю за голову руки.

Вздрогнув, Ри резко останавливается. На лице ни капли косметики. Ей так даже лучше. Боевой раскрас делает из нее шлюху, а так прямо…девочка!

Глава 16

Марина

— Что ты здесь делаешь? Комнату перепутал?

Вздергиваю бровь. Матвей нагло развалился на моей кровати так, словно это его комната. Или все же его? Да нет, вряд ли. Лана сказала, что выделит мне гостевую.

— Неа, не перепутал. Полотеничко снимешь?

— С чего бы?

— Чтобы разговор плодотворнее полился.

— Иди к черту, Матвей. И выметайся отсюда.

Прохожу к своей спортивной сумке и достаю оттуда белые стринги. Меня абсолютно не смущает присутствие говнюка в комнате, но внутренний голос отдает четкое указание одеться. Находиться рядом в одном лишь полотенце не комфортно, особенно если учесть каким взглядом он следит за каждым моим движением.

— Нам поговорить нужно. А когда мне уйти я сам решу.

Фыркнув, натягиваю трусики, стараясь сильно высоко не поднимать полотенце. Схватив пижамные шорты с топом, разворачиваюсь спиной, чтобы переодеться.

Сбрасываю полотенце, отчетливо ощущая, как спина и ягодицы начинают гореть. Наверное, я рискую находиться перед ним в таком виде, но показывать слабость перед зарвавшимся подонком не собираюсь. Особенно после того, как он поступил с Ланой.

Девчонка полвечера проплакала. Уснула еще часа два назад, а я потом смогла в кой-то веки полноценно поесть. Впервые кстати, за день. Желудок рвался наружу от голода, но я не могла бросить обиженного ангела в таком состоянии. Пришлось налить ей вина, найденного в холодильнике, и успокоить бурлящий желудок нарезкой из бастурмы.

С одной стороны, отчасти, я понимала, почему Матвей взбесился, мне даже показалось, что парень волнуется за нее, но то, с какой грубостью братец вел диалог с сестрой, не оправдывает волнения. Девчонка, как бабочка, к ней даже дотронуться страшно, чтобы не стереть с крыльев напыление, с помощью которого она может летать, а он ведет себя как настоящий ублюдок.

— Ри, может передом повернешься?

Немного хриплый голос вызывает волну томительных мурашек по телу, потому что я очень хорошо помню этот голос. Он у него приобретает характерные нотки, когда возбуждается.

— А может еще наклониться?

Бросаю через плечо, быстро натягивая топ и шорты.

— Я был бы только рад.

Оборачиваюсь, встречаясь с потемневшими глазами. Мужская рука потирает пах, не стесняясь демонстрировать степень возбуждения и заставляя меня сглотнуть. Смущаться не в моей природе, но рядом с ним кажется, я начинаю понимать, что означает это слово. Пальцы начинают мелко подрагивать, пока я стараюсь не смотреть на нахальное движение его руки.

— Знаешь, радовать тебя у меня нет ни малейшего желания, — отрезаю и подхожу к столу, на котором еще осталось полбутылки красного вина. Усаживаюсь на край и наливаю себе полный бокал. Под прицелом прищурившегося взгляда делаю несколько глотков. — Ты же пришел что-то спросить. Вперед. Или будем и дальше играть в гляделки?

— Я бы поиграл. В догонялки. Хочу, чтобы ты убегала, а я буду ловить, — острый язык порочно пробегается по губам, а я в который раз чувствую нечто странное и мощное в животе от его дерзости и похабщины.

— В кошки — мышки поиграешь с кем-нибудь другим. Об меня только зубы сточишь.

Громкий смех вдруг прокатывается по комнате, когда Матвей возвращает руку обратно под голову.

— У меня стальные зубы, Риииии, — взгляд темных глаз задерживается на моем бокале и медленно путешествует по руке к лицу.

Мелкие искорки ползут по коже вслед за движением его взгляда. Потираю руку ладонью в попытке избавиться от них.

— Раз уж ты будешь жить в моем доме, — наконец доходит до главной темы, по причине которой и пришел среди ночи. Обещание о том, что поговорит со мной позже, я хорошо запомнила. — Хотелось бы услышать твою душещипательную историю о том, как бедную девочку не понимают родители, и бунтарка сбежала из дома, чтобы доказать, что чего-то в жизни способна добиться сама.

— Ты хочешь розовых соплей? — склоняю на бок голову, ядовито усмехаясь. — Боюсь тебя разочаровать, Матвей. Подобных сентиментальностей жизнь меня лишила. Никаких родителей и желания доказать, что я чего-то стою. Мне вообще иногда кажется, что кто-то там сверху ошибся и отправил меня сюда зря, потому как если бы это было не так, меня никогда бы не оставили в детском доме.

Обычно после признания о том, откуда я, на лицах собеседников возникает либо выражение сочувствия, либо

брезгливость. Лана даже рот от удивления прикрыла ладонью, а потом потянулась мягко гладить мои руки, стоило рассказать ей историю своей жизни, а выражение лица Матвея осталось таким же безразличным, как и несколько секунд назад.

— Вот оно что. И почему ты осталась без крыши над головой?

— Потому что хозяйку квартиры не устраивает, что я плачу за аренду с опозданием, — делаю несколько глотков самого вкусного вина, которым наслаждаюсь целый вечер. Никогда раньше не пила такого. Легкое и приятное, без ядреного запаха спирта, как из дешевого супермаркета.

— И ты решила поплакаться Лане?

— Никому я не плакалась, — со звоном ставлю бокал на стол, раздраженная беспочвенным обвинением. — Если ты думаешь, что я общаюсь с твоей сестрой только из-за денег, то сильно ошибаешься, Матвей. Такого светлого человека, как Лана, я еще не встречала. И ты ведешь себя по-свински по отношению к ней. Ценил бы хотя бы немного, возможно она бы от тебя не шарахалась, как от стихийного бедствия.

Матвей вдруг резко встает на кровати и, пройдя грязными кроссовками по покрывалу, спрыгивает прямо передо мной. Отшатываюсь, едва не падая. Сильная рука ловит меня за шею и притягивает к себе.

— Послушай меня, Рина. Не тебе меня учить как вести себя с мелкой. Если ты думаешь, что пробрала меня своей историей, то ни черта подобного. Каждому в жизни достается то, что если не сломает его, то закалит. Будешь сильной — выживешь, нет — сломаешься.

Губы психа цедят это в непозволительной близости к моим. Я даже вдыхать перестаю, чтобы не втягивать в легкие его разъедающий запах. Ладонь на шее жжет, а тепло от крепкого тела натягивает струной. Сердце замедляется, а потом начинает гулко биться в ушах.

Похоже, Матвей тоже чувствует нечто подобное, потому что вдруг кладет большой палец мне на губы и надавливает на них, рассматривая произведение собственного искусства.

— А ты сильная девочка, Рина, я вижу это. Закаленная, — говорит медленно, а потом вдруг тянется в сторону.

Слышу звук скользящего по столу бокала. Через мгновение он оказывается у моих губ. Правая рука Матвея стягивает волосы на затылке, запрокидывая мою голову назад. Теплое вино тонкой струйкой льется в рот. Темные глаза гипнотизируют, по-особому хищно наблюдая за своими манипуляциями, пока жидкость стекает по моему языку. Живот стягивает жгутом от власти в его движениях.

Господи, что ж за реакция такая ненормальная? Почему все действия этого выскочки вызывают внутри какую-то необъяснимую бурю противоречий?

Псих внезапно убирает бокал, приникает к моим губам и давит на голову, склоняя ее вперед так, чтобы вино перелилось в его рот. Горячие губы вжимаются в мои, опьяняя на короткое мгновение. Голова идет кругом, земля покачивается.

Короткая колючая щетина царапает, а я не могу понять почему позволяю это делать. Резко дергаюсь назад, и ярко красный алкоголь выливается на мой топ и его белую футболку, оставляя рваные пятна на ткани.

— Очень сильная, Матвей! Советую не проверять эту силу на деле.

Голос хрипит, как несмазанные петли, но я выдерживаю темный взгляд. Большой палец его правой руки проводит по своему подбородку, собирая остатки алкоголя, и наглец облизывает его.

— Было вкусно, Ри. Но будет еще вкуснее.

Не знаю, что в этот момент его заставляет с упоительной ухмылкой на губах отойти к двери. Мое требование или звонок, раздающийся из кармана его джинсов. Прямо на пороге Матвей останавливается и бросает:

— Спасибо за мелкую, Ри!

Только когда дверь захлопывается, я могу присесть на корточки и, обхватив себя за голову, сделать несколько спасительных вдохов.

Боже, это какое-то наваждение. Сумасшествие. Реакция предательского тела вполне объяснима, но не оправдана. В животе больно пульсирует, а мозги напоминают непроглядный туман. Рина, приди в себя, черт тебя дери! Не смей поддаваться его грязным подкатам. Ты же не одна из тех гусениц-однодневок, что крутятся под его ногами!

Глава 17

Матвей

— Да? — отвечаю на звонок отца, проходя по коридору.

— Матвей, что ты там снова устраиваешь? — басит батя, врезаясь нервными вибрациями в барабанные перепонки.

Вхожу в комнату и закрываю дверь.

— О чем ты?

— О Лане. Я звонил ей вечером, она еле говорить могла. Вся зареванная, в истерике.

— Сама виновата, — стаскиваю футболку, отводя телефон в сторону, и бросаю её на кровать. — Связалась с местным уродом.

— Значит слушай меня внимательно, ты перестанешь ее контролировать сегодня же. То, что ты треплешь ей нервы и запрещаешь общаться с другими, никак не убережет ее от того, что случилось с Ксюшей.

— В том, что случилось с Ксюшей, виноват ты, — сжав зубы, цежу обвинение, всю жизнь висящее топором над нашей семьей. — И если бы не Лана, я бы давно уже съехал от тебя, только ты же хер будешь за ней смотреть. Тебе насрать как на нее, так и на меня с Киром. Как было насрать на Ксюшу в свое время. Поэтому нехер мне ставить условия как себя вести с сестрой. Приедешь, будешь с ней нянчиться сутками, тогда и поговорим!

Скидываю звонок и швыряю смарт на кровать. Заботливый, блядь, сильно. Когда мелкой нужны бабки, только отчет ему и предоставляй на какие именно траты, а на свою очередную шваль тратится без раздумий. Мудак.

По пути в ванную комнату зависаю на фотке матери, стоящей на тумбочке около кровати. Провожу костяшками пальцев по холодному стеклу.

— Знаю, ты не гордишься мной, ма. Но уж какой есть.

Утро встречает раздражающим свечением лучей прямо в рожу. Морщусь и переворачиваюсь на бок. В голову вдруг прокрадывается мысль: как же сладко было бы сейчас зажать Ри в кровати и поиграть с ее кукольным телом. После того, что она вчера рассказала, стало немного понятнее ее поведение, нож в сумочке и дикий затравленный взгляд. Девчонке пришлось несладко, с самого рождения не знать какого это спать в собственной комнате, но в ней есть стержень. Стальной и несгибаемый. Наверное, именно он и привлекает меня.

Другие сучки охотно раздвигают ноги и соглашаются на что угодно, только чтобы угодить и получить удовольствие от бурного секса, эта же вроде сопротивляется, но при этом легко

поддается нажиму, если сама себе позволяет отпустить поводья.

Стоит только вспомнить вчерашнее вино. Привкус пухлых мягких губ шибанул прямо в мозг, когда притянул ее к себе. Даже в трусы не успел залезть, а пробки уже выбило. Странное ощущение, чем-то схожее на то, которое ощущал к Насте в свое время.

Встаю и, не отказывая собственному желанию, иду в сторону двери Рины, оказавшейся приоткрытой. Ну вот, блядь. Похоже, девочка уже проснулась. Торможу около двери и прислушиваюсь к голосам.

Марина

— Лана, я не могу, — неверующе качаю головой, в ужасе смотря на всю эту кучу вываленных на кровать вещей, принесенных девчонкой из собственного шкафа.

— Можешь, Рин! — блондинка в розовой пижаме с котятами сует мне в руки серебристую футболку. — Я уже все решила. Мне одной их ну никак не сносить. А отец даст еще денег потом. Мне хочется тебя порадовать, да и все же когда он приедет, нужно чтобы ты носила мои вещи. Вот кстати сумка от Луи Витон, — плюхает на простыню дорожную сумку бренда, который я видела раньше только в витринах магазинов, — а от твоей черной нужно избавиться.

Маленький нос морщится, пока Лана вытаскивает мою видавшую виды сумку из-под кровати и вытряхивает из нее оставшиеся нераспакованные вещи.

У меня даже дар речи пропадает. Просто наблюдаю за ней, не веря, что все эти вещи теперь мои. Трепетно касаюсь пальцами бежевых шорт. Мягкие, как перышко, не покашлаченные. Восторженная радость просится на волю, сочась изнутри и вынуждая всеми силами ее сдерживать. Так не бывает. Я же не Золушка в конце концов, чтобы вот так просто мне дарили роскошные вещи. Они обязательно превратятся в тыкву рано или поздно, причинив боль. И гораздо сложнее будет отказаться от них потом, когда тело привыкнет носить качество после ширпотреба.

— Лан, — пытаюсь не рассматривать красивые пуговки на блузке, замок с камушком на топе, выглядывающем из-под кучи одежды, — это слишком много. Мне не нужно столько. Даже носить ведь некуда. На работу такое я не одену, а в клинику…

— Какую клинику? — карие глаза с интересом впиваются в мое лицо.

Черт!

— Да так, навещаю одну знакомую. Да и не привыкла я к

таким подаркам, — быстро меняю тему, чтобы не давать ей пищу для размышлений.

— Привыкай! Все, это не обсуждается, — девчонка звонко чмокает меня в щеку и, навалившись с объятиями, чуть не заваливает на кровать. — Просто скажи, что тебе приятно и ты будешь их носить.

Мне приятно? Черт возьми, да меня распирает от чувства благодарности. В носу щекочет, а в груди сосет. Обо мне так никогда не заботились. Пусть для Ланы все это тряпье ничего не значит, но это большой жест для меня.

— Спасибо, Лан! Я конечно буду их носить, потому что как можно отказаться от этой вот юбки? — свожу все на шутку, вытаскивая из кучи разноцветных вещей черную юбку. Не совсем короткую, ведь как я поняла слишком коротких вещей у нее и нет. Семья бдит за внешним видом младшей Кешновой похлеще надсмотрщика в камере.

— Ну вот и отлично, — оставив на другой щеке еще один звонкий чмок, который я тут же поспешила стереть тыльной стороной ладони, Лана подскакивает с кровати и направляется к двери, на ходу озвучивая просьбу: — Завари, пожалуйста, кофе, если не сложно? У Вали сегодня выходной, а я жутко проголодалась.

— Окей, — встаю следом и догоняю подругу у двери.

Выходя, Лана вдруг спотыкается, и через секунду я понимаю причину. На пороге стоит ее братец, сложив на груди руки. Из одежды на нем только боксерки. Девчонка быстро семенит в свою комнату, оставляя нас наедине.

Невольно опускаю глаза, прослеживая путь кубиков, успешно зацененные мной во время боя, но тут же отвожу взгляд в сторону, успевая заметить, что под боксерками у него все очень нескромно. Я, конечно, помню ощущение твердой эрекции между своих ног, но тогда была возможность лишь чувствовать ее, а наглядная демонстрация все только подтвердила. В щеки ударяет краска. Снова. Почему? Я видела парней и без трусов, когда делила квартиру с ребятами, а те не стеснялись выхаживать перед нами в том, в чем мать родила, но в то время это не вызывало у меня чувства раздражения. Наверное, потому что знала тех с детства, и они мне были как браться. А Матвей…

— Доброе утро. Раз уж ты идешь на кухню, Ри, завари кофе и мне, — сволочь тянет вверх уголок губ, а я вдруг вспоминаю, как он вчера ими ко мне прижимался.

— Сам себе завари, я тебе не прислуга, — фыркаю, обходя его и быстрым шагом направляясь вниз.

Матвей за мной не идет, что значительно облегчает

способность дышать.

Где находится кофе-машина я запомнила еще вчера. Обратила на нее внимание, когда искала вино для успокоения Ланы. У нас в баре стоит подобная. Конечно менее навороченная, но куда нажимать я примерно знаю.

Ставлю чашку на подставку, тяну за кран, но вместо подачи кипятка, меня едва не обдает горячим паром.

— Черт, — от неожиданности отдергиваю руку.

На мою ладонь, все еще удерживающую кран, внезапно ложится мужская и переносит её на другой с противоположной стороны.

— Ри, здесь же написано Хот Стим, — напрягаюсь всем телом, когда голый торс вжимается сзади в спину, а голос мурлычет, как лев на выгуле.

Когда успел так бесшумно подойти только?

Оборачиваюсь и вижу, как Матвей берет мою едва не ставшую вареным мясом руку, подносит к губам и дует на кожу. Совсем как заботливый старший брат, вот только в глазах у него творится нечто не по-братски темное. Замираю, прекращая дышать. Интересно, он бывает заботливым по-настоящему? Без сексуального подтекста, или подобное поведение ему не присуще вообще?

Не понимаю, почему задаюсь этим вопросом. Доказано поступками ведь, что это животное не может быть нормальным. Матвей проводит языком по моей коже и наигранно заботливо интересуется:

— Уже не болит?

— И не болело! — выдергиваю руку и спешу отойти подальше. — Можно было сказать об этом, не лапая меня, Матвей, — говнюк облокачивается на шкафчик так, что теперь для того, чтобы забрать чашки, мне нужно будет протиснуться мимо него.

— А мне захотелось тебя полапать. Кто мне запретит?

— Я.

— Ммм, можешь начинать. Это будет занятно.

Отворачиваюсь, игнорируя почти что голое тело, и беру с подноса вторую чашку.

— Матвей, что тебе от меня нужно? — поднимаю на него глаза, тут же замечая, что он смотрит на мои пижамные шорты. Впервые в жизни чувствую себя обнаженной, хотя они дотягивают до середины бедра.

— А как ты думаешь, Ри? — острый язык облизывает губы, как он всегда делает, намекая на грязные фантазии.

Бесит.

— Трахнуть меня.

— Как вариант.

— Этого не будет.

— Почему же?

— Потому что ты мне не интересен!

— Врешь!

— С чего бы?

— Потому что сама себе не хочешь признаваться, что соски у тебя сейчас торчат явно не от сквозняка.

Опускаю глаза вниз и сжимаю зубы. Только в эту секунду понимаю, что действительно торчат. Кофе-машина издает сигнал о том, что кофе готов, но я остаюсь стоять на месте.

— Что полночи вспоминала мои губы на тебе и что сейчас упрямо не хочешь подходить забирать чашку, чтобы не ощущать возбуждение от моего близкого присутствия.

Вот же скотина. Протест рождается из самых недр. Вскидываю бровь, встречаясь с насмешливым взглядом голубых глаз. Уверенно шагаю вперед и протискиваюсь мимо него. Плевать, что трусь бедрами о мужские ноги, а талией о трусы и то, что в них. На слабо меня брать не надо. Намеренно чуть наклоняюсь, выставляя зад, и забираю чашку.

Ставлю на её место вторую и, запустив кран, отхожу подальше. Будучи на расстоянии снова встречаюсь глазами с Матвеем. Не знаю, как бы поступил на его месте другой, но эта скотина ухмыляется. Просто лыбится своей надменной ухмылочкой, а потом проходит мимо меня и шлепает по заднице.

— Еще раз так сделаешь, и я оболью тебя кипятком, — психую на его вседозволенность.

Кэш останавливается на полпути, медленно оборачивается, бросает мимолетный взгляд на чашку на столе, а потом на меня.

— Этим? — склонив на бок голову, делает несколько шагов обратно и без размышлений окунает указательный палец в только что приготовленный кофе.

Удивленный возглас застревает где-то в горле. На мужском лице нет и доли боли. Секунда, две, три, четыре. Я бы уже визжала, а он как будто не в кипятке палец держит, а под проточной водой комнатной температуры. Вот же псих.

— Как видишь, Ри, я не боюсь боли, — достает покрасневший палец и облизывает его. — Сегодня у нас дома вечеринка у бассейна. Попроси Лану выделить тебе купальник. Желательно как можно более открытый. Хочу полюбоваться на твои прелести, прежде чем вечером наведаюсь в твою комнату!

— Мечтай, Матвей!

— Мечты сбываются, Риии! — одарив меня дерзким взглядом,

Матвей выходит из кухни, бросив напоследок: — Кстати, передай мелкой, что ей тоже можно прийти.

Какое великодушие! Закатываю глаза и тычу в ответ средний палец. Хочешь развратный купальник? Черта с два. Я приду так, как посчитаю нужным!

Глава 18

Матвей

Вечеринка начинается ближе к вечеру. Когда отец сваливает, я люблю закуражить и замутить что-то адовое около бассейна.

Телки в открытых купальниках щеголяют от бара к диджею, парни мостят площадку для волейбола. Благо места у нас предостаточно, есть где разгуляться. Клубная музыка рвет негромкими битами, создавая атмосферный фон, чтобы можно было нормально общаться.

Курт — ротвейлер Рыжего носится по газону, а завидев меня, начинает вертеть своим купированным хвостом и несется в мою сторону. Обожаю этого зверюгу. Народ старается обходить его стороной, потому что парень бывает непредсказуем, но мне этот чертяка знаком с его первых шагов. Мы с Рыжим забрали его у Насти, которой было наплевать на свою разродившуюся сучку. Зверь жил некоторое время у меня, а когда пришлось уехать в клинику, я отдал его Сане. Забирать теперь не намерен, кажется эти двое неплохо поладили.

Слюнявая морда тычется в мою ладонь, я приседаю и треплю его за ушами.

— Ах ты ж зверюююга! — ржу, когда он лезет мне в рожу языком, — Место, место, я сказал!

— Развлекаешься? — Рыжий усмехается, наблюдая за нашей игрой, а потом протягивает мне стакан с колой, — уверен, что не хочешь чего покрепче?

— Не хочу пока, — выпрямляюсь и подкурив сигарету, забираю стакан, — я в завязке.

— Это я вкурил. Но водка — это не дурь.

— Сначала водка, потом дурь. Не хочу.

Рыжий кивает, точно помня, как несколько месяцев назад, я ужирался в хлам, а ему приходилось вытаскивать меня из помойных клубов. Не имею желания проходить этот путь снова. Кола тоже неплохо, а если сильно прижмет можно плеснуть туда коньяка.

— Эй, Кэш, Рыжий, играем? — Серый зовет с импровизированной площадки и подкидывает мяч.

Я бросаю взгляд на выход из дома. Поймал себя на мысли, что вот уже пол часа, как жду появления Рины. Вечеринка началась час назад, а её все нет. Сомнительно, чтобы дикарка решила не прийти. Как я успел понять, она тащится от подобных мероприятий. Неужели готовится для меня? Цунами предвкушения проносится под кожей, стоит представить, как она

выйдет в охуенном купальнике на тонких лямках. Я уже видел ее в шортах и даже в стрингах, но похоть от этого меньше не стала.

Отворачиваюсь и проходя мимо сучек, шлепаю двоих по заднице. Силиконовые куклы хохочут, и тут же отбегают в сторону, стоит Курту гавкнуть на их противный смех.

— Отлично, парень! Так их, — ржу и отставив на столике стаканчик, присоединяюсь к игре.

Минут десять так называемой разминки, игры в неполную силу, чтобы разогреть мышцы, а когда я в очередной раз подаю мяч, замечаю, как пацаны внезапно одновременно зависают. Моя смачная подача прилетает в бубен Серому, заставляя того схватиться за голову.

— Ай блядь, — орет придурок.

— Играть надо, дебил, а не по сторонам глазеть.

— Да я не по сторонам.

Парни начинают улюлюкать, глядя в одном направлении. Прослеживаю их капающие слюной взгляды и охереваю.

Поступью амазонки вдоль бассейна направляется Ри. Первое, что бросается в глаза это ни хрена не развратный купальник. Плоский живот спрятан за сдельным куском ткани черного цвета. Зараза специально выбрала такой, бросая мне ответный ход, но сильно прогадала, полагая, что выглядеть будет, как монашка. Купальник хоть и цельный, но внизу неслабо так натягивается, впиваясь тонкой материей в её гладкую промежность, заставляя всех кобелей вокруг глотать слюни.

С трудом отлепляю взгляд от подтянутого тела, чтобы подтвердить собственные догадки. Обвожу пацанов взглядом и хмыкаю. Да здесь сейчас пройдет парад из двенадцати членов, салютующих фейерверк из спермы в её честь. И я кстати, не исключение. Буду маршировать первым, так как стояк уже активно бьётся башкой в шорты.

— Лежать, придурки, — гаркаю пацанам, которые тут же начинают ржать, — Эта дикарка моя, поэтому соберите с подбородка слюни и пойдите пристройтесь к породистым болонкам.

Снова возвращаю глаза на Ри. Девчонка берет со стола стаканчик с шампанским и залпом его опустошает. Мне кажется или закидывается она довольно часто? Еще ни разу не видел ее без алкоголя. Бренди, виски, вчера вино, теперь шампунь. Это привычка или скрытая зависимость?

— Эй, Курт, сидеть, — от размышлений отрывает приказной тон Рыжего.

Ротвейлер, проигнорировав указание хозяина, подбегает к Рине и останавливается прямо напротив. Новый человек, он

обязан познакомиться. Влажный нос тычется в стройные ноги и обнюхивает бедра. Никогда не думал, что буду завидовать псине. Я хочу также уткнуться между ее ног и попробовать на вкус каждую розовую складку.

Надо отдать ей должное. Ни визга, ни истерик. На ее месте другая бы уже канючить начала и просить убрать монстра подальше. Эта же спокойно приседает перед псом на корточки и очень осторожно протягивает руку, позволяя себя изучить. Курт ведет носом по руке, доходит до локтя.

— Курт, — орет Рыжий, вынуждая собаку вздрогнуть.

— Заткнись! — толкаю его в плечо, не отводя пристального взгляда от Рины. — Не провоцируй его!

Мне нравится ее бесстрашие и внешняя хладнокровность. Показывать страх животному худшее, что может сделать человек в момент опасности. Она же открывается ему, позволяет войти в личное пространство и довериться ей. И как результат, через несколько секунд тонкая женская рука уже гладит его по голове, а пес ласково трется о её руку.

Вот тебе и дрессировка!

— Эй, Ри, иди к нам! — дятел Серый машет крылом, — В волейбол играешь?

— Конечно! — девчонка встает, оставляя пса позади, и подходит к нам, — Только у вас уже сформированы команды!

— Это ничего, — отвечаю и киваю пацану в правом углу их команды, — Иди погуляй, уступи девушке место!

Одногруппник Кира послушно самоликвидируется, и хмыкнув, Рина занимает его место.

— Где мелкая? — кричу ей через поле.

— Решила остаться в комнате.

Вскидываю взгляд на ее окна. С чего бы это ей оставаться в комнате, если всегда на подобные вечеринки первая прилетает? Прилипает к каждому и пытается завести «друзей».

— Я щас, начинайте без меня, — бросаю народу, собираясь пойти проверить, не натворит ли она там чего.

— Матвей! — голос Рины окликает, заставляя остановиться, — не боишься, что твоя команда проиграет, пока тебя не будет?

Стерва бросает вызов, сложив руки на груди и испепеляя меня своими зелеными глазищами.

— С чего бы?

— Потому что теперь здесь я. А я очень хорошо владею мячом!

Мне кажется, или звучит неоднозначно? Парни ууууукают, подначивая разгорающуюся перепалку, а я ухмыляюсь.

— Только мячом, Рина?

— Этого тебе никогда не узнать.

Закидываю голову и ржу!

— Ты так говорила несколько дней назад, а я все еще слышу твои громкие стоны.

Взгляд пронзительных глаз вспыхивает, но тут же гаснет, когда она протягивает руку и со скучающим видом рассматривает ногти.

— Это не считается. Ты застал меня врасплох. Даже полноценное очко в игре нельзя поставить.

— А ты хочешь полноценное очко? — тяну уголок губ вверх, возвращаясь на свое место. Сомнительно, чтобы Лана решила выкинуть какой-то финт. Скорее всего протестует после последних событий. Ну пусть посидит в комнате, пока другие развлекаются. Я спокойнее буду.

— Если бы хотела, еще вчера бы дала это понять.

— А ты и дала…понять!

Пацаны слушают нас, как будто на дебатах блядь. Серый явно недоволен, Рыжий с азартом, остальные — просто потому что интересно.

— Так что? Готов сыграть с настоящим соперником? — дикарка хитро меняет тему, забирая у Сереги мяч и несколько раз подбрасывая его в воздух.

— Подавай!

И она подает! Надо сказать, что более занятной игры с представительницей женского пола я еще не наблюдал. Рина играет как профессионал: не топчется на месте, не шарахается мяча, как другие бабы отбегая в сторону. Отбивает с такой силой, что мои пацаны несколько раз пропускают подачи. Надо сказать, что игра из разминки превращается в полноценную, потому что теперь уже я бью с полной силой. Ри принимает мяч, не боясь переломать ногти, не стесняясь падает на землю, и мать вашу это меня заводит!

Если изначально Серый позвал ее, чтобы полюбоваться на подтянутый зад во время игры, то теперь девчонку не воспринимают, как украшение площадки. Она полноценный игрок команды, даже получше некоторых здесь криворуких идиотов. Я даже жалею, что отправил ее в команду противника. По сути мы бы вдвоем смогли размазать остальных в сухую. Думал, смогу насладиться зрелищем трясущихся сисек, а я не успеваю даже за ними наблюдать, хотя вру. За ее резкими и умелыми передвижениями я слежу больше остальных. Мне нравится, как двигается эта дикая кошка. Как не сдается и до последнего вытягивает свою команду слабаков в победу. Конечно,

до победы им далеко, потому что мы с Рыжим ходили на профессиональный волейбол, и легко можем утереть зад остальным, но, если бы не она, гейм бы уже давно завершился.

Игра поглощает так, что я не сразу понимаю, как заметил, что шторки на окне в спальне младшей закрыты. До мозга доходит информация, только когда в очередной раз поднимаю глаза на дом. Пропускаю мяч, погружаясь в секундное замешательство. Что за нахрен такой? С чего днем закрывать шторы? Спать удумала под гул музыки там, или что?

Ведомый необъяснимым предчувствием срываюсь с места и быстрым шагом пересекаю газон, чтобы войти в дом. Поднимаюсь наверх по ступеням, чувствуя, как напряжение охватывает сознание. Интуиция всегда была моей сильной стороной и сейчас она мне подсказывает, что малолетняя дура решилась провернуть что-то прямо перед моим носом.

Дергаю дверную ручку. Закрыто. Охренеть.

Не тратя ни секунды, со всей дури впечатываюсь плечом в фанеру, и та со скрипом слетает с петель.

Лана ойкает, в ужасе распахивая глаза, а знакомый мне хрен в этот момент соскакивает с ее постели.

— Скажи Господу Богу спасибо за то, что ты одет, мудак!

Глава 19

Марина

Спешу за Матвеем в дом, но в холле резко торможу, когда сверху доносится отборный мат. Взбегаю по ступеням, предчувствуя беду. Из комнаты Ланы слышится всхлипывание и пара глухих ударов. Господи, что там происходит? Подбегаю к порогу и столбенею. Посреди комнаты Матвей, а рядом с ним в согнутом положении Марк. Держится за бок и шипит от боли.

О Господи! Он-то что здесь делает?

— Что ты забыл в комнате моей сестры? — озвучивает незаданный мной вопрос Матвей, чей голос отливает сталью.

Перевожу взгляд на Лану. На блондинке шорты и лифчик. Вот же черт! Неужели она решила заняться сексом прямо под носом у своего сумасшедшего братца? Лана нервно переступает с ноги на ногу и то и дело хватает брата за руки.

— Матвей, отпусти его! — требует, едва сдерживая слезы.

Девчонка сказала, что хочет остаться одна и в кой-то веки просто расслабиться. Попросила отвлечь брата, чтобы он вдруг не решил наведаться к ней. Но и словом не обмолвилась, что собирается пригласить Марка. Как я поняла, он не из компании знакомых Кэша, поэтому в числе приглашенных вряд ли числится.

— Пришел пообщаться! — хрипит Марк, даже не собираясь разгибаться. Он как будто принял оборонительную позицию, пытаясь защититься от ненормального родственничка своей девушки.

— Пообщаться ты пришел? А то, что Лана в одном лифчике это теперь называется общением?

С сожалением смотрю на бедную девчонку. Сомнительно, чтобы такой поступок сошел ей с рук безнаказанно. Успев узнать Матвея, могу предположить, что домашний арест ей обеспечен. Даже жаль ее. Шага ступить не дают без контроля.

— Лана — моя девушка, — приглушенно отвечает Марк, поднимая взгляд на Матвея, — на сколько мне известно, ты со своими девушками не беседы о искусстве ведешь.

Матвей силой выпрямляет храбреца, рискнувшего дерзить в рисковой для себя ситуации, и пригвождает его за шею к стене. Бьет кулаком в область печени. Лана взвизгивает.

— Перестань, Матвей, пусти его! — хватает психа за руку, но это так же тщетно, как если бы она попыталась сдвинуть с места фуру, груженную металлом.

— Не твое дело, о чем я разговариваю с телками, дятел! — произносит Матвей, — А ты теперь вообще разговаривать не

сможешь как минимум месяц!

— Нет, не вздумай ему что-то сделать! — вопит Лана, буквально отдирая брата от Марка, — Это мой парень! Мой! Что хочу то и делаю!

Матвей вдруг резко оборачивается на нее, не отпуская стремительно краснеющую физиономию парня.

— Парень? Твой парень, дура? Ты хоть знаешь кто это?

— Это Марк! Мы вместе уже два месяца! Нас Рина познакомила!

Напрягаюсь, принимая на себя вопросительный взгляд разъяренных глаз.

— Рина? Откуда ты его знаешь?

— В баре познакомились, — отвечаю честно, — Марк частый клиент и как-то попросил познакомить его с Ланой. С другими девушками я его не видела, вел себя довольно спокойно, никогда не позволяя себе лишнего, поэтому я подумала, что ничего плохого не случится, если я действительно познакомлю их.

Оправдываться не в моей природе, но сейчас не время и не место показывать характер. Устрашающий вид Матвея подсказывает, что он в таком состоянии, что способен на все.

— В следующий раз советую не думать, Рина! Потому что этот урод, — встряхивает Марка, ударяя его головой о стену, — совсем не Марк! Это мудило с четвертого курса, который на спор спит с богатыми дурами, такими как Лана! И зовут его Егор!

Чтооо???

Ошарашенно округляю глаза и перевожу их на Лану. Её ошалелое выражение лица не сулит ничего хорошего. Бедняга непонимающе смотрит сначала на меня потом на брата, а в итоге на того, с кем собиралась сегодня переспать.

Чувствую себя полной дурой, которую обвели вокруг пальца. Обидно даже не столько за себя, сколько за Лану. Вот только то, что она говорит дальше сажает на задницу даже меня.

— Мне плевать как его зовут! Хоть Вася! — топает ногой, складывая дрожащие руки на груди, — У меня никогда не было парней из-за тебя, Матвей! Ни друзей, ни знакомых! Ты лишил меня всего! Поэтому мне все равно даже если бы он переспал со мной на спор. Он хотя бы переспал. И я узнала бы наконец, что значит быть с мужчиной. Если бы Марина отвлекала тебя подольше, я бы наконец была счастлива!

Ох, замолчи глупая!

— Что? Мужчиной? Тебе семнадцать, дура ты тупоголовая! — рычит Матвей, отрывая от стены практически не сопротивляющееся тело Марка — Егора и толкает его к двери. — Здесь сиди и чтобы не выходила, пока я не разрешу. Только

попробуй рыпнуться, я отправлю тебя в закрытый лагерь для девочек в Польшу!

Лана обессиленно оседает на кровати, пока я наблюдаю за тем, как Матвей удерживая парня за шею, подходит к двери.

— Ты знала, чем она здесь занимается? — поравнявшись со мной, смотрит прямо в глаза.

— Нет, — выдерживаю сканирующий прищуренный взгляд.

Лгать мне незачем. Если бы я и знала, чем планирует заняться девчонка, я бы все равно ничего сделать не смогла. Это ее протест против тирании семьи. Рано или поздно она сделает что-то, чтобы доказать, что стоит чего-то в этой жизни. Это как всю жизнь закрывать раненое животное в клетке, а потом выпустить на свободу. Однажды она вырвется и ей очень повезет, если не нарвется на других таких, как этот Егор. Но это почти невозможно.

Матвей кивает, принимая ответ. Проходит мимо и на ходу достает из кармана телефон.

— Рыжий, подойди в гараж.

Бросаю взгляд им вслед. Егору или как там его сейчас придется точно несладко. И что-то мне подсказывает, что угроза по поводу того, что он не сможет говорить, не была брошена на эмоциях. Такие, как Матвей, пустыми обещаниями не разбрасываются.

— Рин, за что он меня так ненавидит?

Из комнаты доносится всхлип. Лана роняет лицо в ладони и начинает плакать. Вхожу и прикрываю сломанную дверь. Ну и дикарь.

Сажусь рядом, а когда девчонка утыкается мне лицом в плечо, даже теряюсь. Я не привыкла успокаивать льющих слезы. Очень давно последний раз подобным занималась. Глажу ее по голове, позволяя выплеснуть эмоции.

— Лан, мне кажется, он тебя не ненавидит, — осторожно делюсь своими мыслями и наблюдениями, которые успела накопить за последние дни, — мне кажется, он так пытается тебя защитить.

— Защитить? Ты же видела, как он себя ведет. Не позволяет абсолютно ничего!

— Нет, неправда. Он разрешил прийти на вечеринку. Если бы он был совсем уж без чувств, сказал бы тебе сидеть в комнате, пока остальные развлекаются.

— Он и сказал сидеть в комнате, как собаке! — возмущается блондинка, подняв свою заплаканную мордашку. Хорошо, когда тушь водостойкая, иначе сейчас бы и Лана и все мое плечо были черными.

— Он сказал это после того, как увидел тебя с Марком. То есть Егором. Зачем ты вообще на это пошла?

Виноватое выражение лица подсказывает, что я оказалась права. Она особо и не хотела с ним переспать.

— Просто так, Рин. Я не знаю, что такое встречаться с парнем. Не знаю, как это заниматься с ним сексом, — возмущенно всплескивает руками.

— Я тоже не знаю, — веду плечами, забираясь на кровать и усаживаясь удобнее.

Лана впивается в меня неверящим взглядом.

— Как это не знаешь? Ты что девственница?

— Да.

Мда. Никогда не думала, что подобное признание может вызвать такую реакцию. Если бы я не знала Лану, подумала бы, что у нее что-то не в порядке с лицевым нервом.

— Как это? Ты ведь… ну… жила с парнями, ты говорила.

— Жила. И что? Мне мое здоровье дороже, чем проходящее сомнительное удовольствие.

— Но… ведь все вокруг занимаются сексом!

— И пусть. Я не собираюсь раздвигать ноги, чтобы кому-то что-то доказать. Я решусь на это с тем человеком, которого действительно буду хотеть, а не просто потому что хочу кому-то что-то доказать.

Лана хмурится, осмысливая мои слова.

— Я ведь тоже не особо его хотела. Мар…Егора. Просто хотелось сделать что-то на зло всем, — признается обреченно. Тянется за лежащей рядом футболкой и натягивает ее.

— Не надо, Лан! Ты не должна никому ничего делать на зло. Это твоя жизнь, ты конечно вправе распоряжаться ею сама, и не слушать советов той, кто даже не знает как это иметь семью. Может, если бы у меня был такой засранистый брат, я бы тоже хотела пойти наперекор установленным правилам.

— Ты очень сильная, Рина! — говорит Лана, вытирая влажные щеки, а я почему-то в этот момент вспоминаю как эти же слова сказал вчера Матвей, — Я бы давно сломалась, если бы жила как ты.

А потом девчонка снова обрушивается на меня с объятиями. Что ж за привычка у нее такая? И самое главное, почему каждый раз, когда она так делает, у меня внутри что-то шевелится?

— Жаль, что у меня не было такой сестры. Может, если бы Ксюша была жива, все было бы иначе, — говорит тихо и отстраняется.

— Кто такая Ксюша?

— Наша старшая сестра. Она умерла, когда мне было два

года. Я ее совсем не помню. Кир смутно что-то помнит, а вот Матвей ее знал хорошо.

Ого. Я даже не знала, что у них была еще сестра.

— А что с ней случилось?

— В аварию попала.

— А мама ваша где?

Наверное спрашивать неправильно с моей стороны, но раз уж Лана сама решила поделиться… Она никогда не говорит о матери, только об отце.

— Мама умерла при родах. Думаю, именно поэтому Матвей меня ненавидит.

Хмурюсь, пытаясь переварить услышанное. Оказывается, не всегда богатая семья может похвастаться счастливой жизнью. Порой за роскошным фасадом скрывается нечто очень тяжелое и таящее много боли. Получается, мы с Ланой во многом похожи. Она тоже считай жила без семьи. Матери не знала совсем, отец, если судить по рассказам, постоянно отправлял ее сначала в закрытый детский сад, потом в частную школу. О братьях я вообще молчу. Отличие между нами только в качестве питания и шифера над головой. Моя клетка покрыта ржавчиной, ее — золотым напылением.

Впервые притягиваю девчонку к себе сама. Лана жмется ко мне, как потерянный котенок, находя утешение.

Я ведь никогда не хотела ни к кому привязываться. И вот теперь нарушила собственное правило.

Глава 20

Окидываю скептическим взглядом дверь в захудалый бар и толкаю ее внутрь. Неожиданно большое количество народа удивляет. Довольно неприглядное место. Для среднего класса, не выше. Что я здесь делаю? Пару раз сам задался вопросом, пока с пацанами рулили сюда.

Ри уехала в обед, на часах десятый час, а ее все нет. Мне стало скучно. Не думал, что девчонка может обратить к себе мой интерес, аж настолько. Вчера хотел заглянуть на огонек после того, как вечеринка закончилась, да только дикарка решила переночевать у сестры. Они допоздна шушукались, а потом уснули на одной кровати. Минут пять стоял смотрел на темные волосы, разметавшиеся по одной из подушек мелкой. Лана так тянется к ней. Хоть раз выбрала нормального человека в друзья. С такой ее даже не страшно выпускать ночью на улицу. Рина из тех, кто каблуком в глаз заедет и не задумается.

Губы вытягиваются в довольную ухмылку, стоит наткнуться на знакомую миниатюрную фигурку, крутящуюся за барной стойкой.

— Рина, привет, — Рыжий вскидывает руку вверх, обращая на нас внимание.

Девчонка поворачивается и не выказывая особых эмоций, кивает в ответ. Либо ей реально всё равно на нас, либо хорошая актерская игра. Больше склоняюсь ко второму варианту.

Проталкиваемся к стойке. Я нагло втискиваюсь между сидящими мужиками, расталкивая их плечами. Пацаны устраиваются по бокам.

— Что должно было случиться, чтобы такие важные гости снизошли до посещения нашего бара?

Брюнетка натягивает на лицо дежурную улыбку, ловко отправляя по стойке парням слева два шота текилы.

— По тебе соскучился, — стреляю правдой в хмыкнувшую девчонку.

— Неужели некому больше нервы потрепать?

— Другим не интересно! Тебя хочу!

От двойного смысла зрачки в зеленых глазах на мгновение расширяются. Но она умело это прячет за излюбленной «покер фейс».

— Потому что я кусаюсь?

— О да! — веду языком по нижней губе и демонстративно облизываю два пальца, в которые она не так давно вцепилась зубами. Ри быстро отводит глаза, но я успеваю заметить, как при

этом почти незаметно прикусывает губу. Усмехаюсь. Тащусь от ее реакции.

Рыжий сука нарушает наши гляделки и достает вдруг из кармана плитку шоколада. Протягивает ей с выражением физиономии, как у провинившейся псины.

— Прими в знак любви и уважения, Ри!

Девчонка прищуривается, косясь на шоколадку, а потом на Рыжего.

— Матвею подари! Его ты любишь и уважаешь больше!

— Ауч, — шиплю на ее нелестный отзыв в сторону друга.

— Мот это и так знает, — Саня пожимает плечами, а потом подзывает ее и шепчет что-то на ухо, после чего дикарка потратив секунду на размышления, снисходительно качает головой и забирает шоколадку.

— Подхалим!

— Ес, Рина, ты лучшая! — каблучара делает характерный жест рукой и перегнувшись через барную стойку, звонко чмокает девчонку в щеку.

Веду бровью.

— И что ты ей сказал?

— Что знал, что она тебя в любом случае уделает.

— Даже так? — ржу я.

— Ну должен же как-то вымолить прощение.

Мдааа… Похоже, пока меня здесь не было, все успели превратиться в бесхребетных амеб. Хотя, в чем-то я его понимаю. Сам же перся через весь город, потому что вдруг понял, что с Юлькой и ее четверкой в лифчике стало скучно.

— Нальешь нам пива, Рииии? — подвинув пацанов, усаживаю задницу на барный стул.

— Неужели твое Царское Величество пьет напиток холопов? — склонив голову, с вызовом интересуется зараза. Похоже не мне одному интересна наша игра.

— Если ты напоишь меня лично из своего рта, как мы делали это позавчера, я готов скупить все запасы крафтового этой забегаловки.

— Ну мне как-то выгоды от этого мало. Лучше расщедрись на чаевые!

— Хмммм, домой довезу, так уж и быть! Нам, кажется, по пути.

Рина не сдерживается и улыбается. Впервые легко и непринужденно. Без дерзости во взгляде, загнанности. А улыбка у нее милая! Надо же. Впервые отмечаю про себя, что, несмотря на всю черную одежду и наспех завязанный хвост, мне нравится, как она выглядит.

— К сожалению, да. По пути.

Девчонка наливает четыре стакана пива и выставляет перед нами.

В баре реально ощущение, что поезд из Индии тормознул рядом, чтобы все пассажиры затарились на дальнейшую поездку. Спустя минут пятнадцать я понимаю почему. На двух плазмах, висящих на стенах, транслируется матч Барса — Реал Мадрид. Народ вопит, и безостановочно покупает выпивку. Две официантки мотаются, как заведенные между клиентами, Рина вертится вдоль стойки, только и успевая наполнять стаканы.

Но надо сказать, справляется на ура. Никакой паники, все четко, отточенно, действия быстрые, никакого отвлечения или промедления. Спустя время к ней присоединяется еще одна барменша. Ничего такая, декольте более открытое, темные волосы распущены, улыбка противная. Выдаю итог — «не вкусно». Я так понимаю, что смена Рины закончилась, но она решила помочь напарнице, поэтому отрицательно качнув головой на какую-то фразу только пришедшей, продолжила разливать напитки.

Пацаны орут, болея за Барсу, а я пару раз метнув глаза в экран, замечаю, что наблюдаю больше за ней, а не за мячом. Время от времени мы встречаемся взглядами, отчего у меня член уже час как забыл о горизонтальной позиции. Девчонка все чаще стирает пот с висков и теперь закрутила хвост в безалаберное гнездо на макушке. Рефлекторно дует себе на грудь, в попытке остыть, пока в очередной раз смешивает какую-то бадягу в шейкере.

Ощущаю острое желание утащить ее в подсобку и избавить от взмокшей одежды, чтобы потом языком слизать каждую стекающую по шее каплю пота. Развернуть к себе спиной, упереть руками в стену, прогнуть в пояснице и загнать в горячее отверстие член. Да так, чтобы оглушила воплями и глаза закатила от удовольствия. Как тогда, когда кончала на кровати от невинного трения моего члена о ее складки через два слоя одежды.

— Ну пожаааалуйста, Рина! Не будь такой стервой! — внимание привлекает поднявший тон мужик, который вот уже минут пять, как разговаривал о чем-то с дикаркой. Смысла беседы я не слышал, но успел заметить, как она несколько раз четко произнесла нет, — Я завтра занесу! Клянусь!

— Нельзя, Мих, что непонятного? Здесь не тошниловка, в которой можно выпить в долг! — тоже повысив голос, отвечает Ри.

— Ты же меня знаешь. Ну налей! Сложно так что ли? —

заплетающимся языком просит мужик в пиджаке не первой свежести. Прищуриваюсь, делая глоток пива, когда он перегибается через стойку и тянет свои клешни к ее лицу. Рина отстраняется, и он чуть не падает за стойку. Девчонка вовремя подталкивает его обратно.

— Миха, дуй домой! — кричит ему в лицо, перекрикивая ор беснующегося народа, — Тебе хватит на сегодня! В долг не дам, не проси! Мне самой зарплата нужна позарез!

— Ну что ж ты за стерва такая, а? — со злостью выплевывает мудак. Всплескивает руками, и не рассчитав размаха, заезжает тыльной стороной ладони ей по лицу. Рина вздрагивает и хватается за щеку.

У меня черное пятно перед глазами рваными разрывами расползается. Инстинктивно перегибаюсь через сидящего рядом Данила и за шкирку стаскиваю придурка со стула. Тот, поняв что натворил, виновато прикрывает рот рукой.

— Прости, Рина, прости, детка, я не хотел.

Но я уже тащу его к двери.

— Матвей, не надо!

Сзади раздается крик Рины, когда я толкаю дверь и выволакиваю увальня на улицу. Вынести бы ему мозги за то, что не в состоянии контролировать собственных телодвижений, алкаш херов. Толкаю его вперед. Споткнувшись, тело чуть не падает, но умудряется устоять. Ничего, это ненадолго!

— Матвей, — выскочив следом, Марина резко тормозит, когда видит, что мужик покачивается на месте, а я стою напротив, сжимая и разжимая кулаки. Втащить жутко хочется. Аж кости хрустят.

— Матвей, не надо! Пожалуйста!

В голосе дикарки смешана просьба с требованием. Уверенная женская рука ложится на мой кулак и крепко его сжимает. Успокаивать ярость я всегда умел плохо, но сейчас отчего-то получается. То ли вина на лице мудилы играет свою роль, то ли это сама Рина.

— Пшел отсюда! — цежу сквозь зубы, пока пьянь поднимает руки, впиваясь в девчонку плывущим взглядом.

— Прости, детка, я случайно. Не хотел.

— Я знаю, Мих, иди, — Рина вздыхает, а когда пьяное тело отворачивается и отходит в сторону, вдруг поднимает на меня глаза. В свете фонаря вижу, как ее левая щека покраснела.

— Зачем? — спрашивает, впиваясь в меня пронзительным взглядом.

Хороший вопрос. Сам не понимаю зачем. Обычно, когда знакомые разбираются со своими телками с помощью

распускания рук, я не лезу, а тут чуть пена изо рта не пошла, когда увидел, как дикарка вздрогнула от боли.

— Твоя смена закончилась? — спрашиваю, кивая на бар.

— Да.

— Тогда поехали домой.

— Я хочу помочь Кате.

— Домой, Рина! Если не хочешь, чтобы я разнес этот сарай, лучше собирайся! Жду в машине!

Сажусь в тачку, припаркованную напротив. Девочка уже должна понять, что словами я не швыряюсь. Если сказал разнесу, значит разнесу. Вынув пачку сигарет из кармана, подкуриваю одну. Врубаю музыку, из колонок орет «Fame on Fire», пока я жду, когда Ри усадит свой зад на соседнее сиденье. Пытаюсь понять собственный поступок, и реакцию. А еще уловить момент, когда игра стала обретать новые ходы и повороты?

Глава 21

Марина

Забираю сумку, переобуваюсь в подаренные Ланой балетки, к которым сложно привыкнуть из-за мягкости материала. Я их почти не чувствую, и кажется, что хожу босая. Киваю на прощанье Кате, оставив ее разгребать разбушевавшийся бар, и чмокнув подхалима Сашку, выхожу за дверь.

Ночь сегодня чрезмерно душная. Сдавленный воздух буквально впивается в горло, забирается в нос, и атакует легкие. Поэтому оказаться в машине с кондиционером это лучшее, что может сейчас произойти. Смущает только компания.

Усевшись на пассажирском сидении, закидываю назад сумочку и только сейчас позволяю себе взглянуть на Матвея. Не думать о том, что он только что сделал никак не получается.

— Кажется, ты перепутал меня с Ланой, Матвей, — забираю из длинных пальцев сигарету и делаю глубокую затяжку.

Голубые глаза с интересом впиваются в мое лицо, скользят по щекам и упираются в губы, выпускающие в его сторону тонкую струйку дыма. Он приподнимает голову и втягивает его носом.

— Вещи у вас конечно теперь одни на двоих, но перепутать тебя с мелкой? С чего бы? — хмыкнув, заводит урчащий мотор дорогой машины, в которой я кстати сижу впервые.

— Ну, в том, что ты не шлюха мы уже разобрались, — сволочь усмехается и отбирает у меня сигарету, — а вытащил ублюдка из бара, потому что нехер кидаться своими клешнями налево и направо.

— Матвееей, неужели в тебе есть хотя бы что-то от настоящего мужчины? — не в состоянии сдержать издевательского тона, откидываюсь на кресло и позволяю себе в кои-то веки рассмотреть старшего брата Ланы.

Порочные губы разъезжаются в широкой ухмылке, от которой я почему-то не могу оторваться. Он впервые выглядит нормальным. Каким-то задорным, легким и простым. Подсознательно стараюсь запомнить этот образ, потому что кажется он преображается в себя такого очень и очень редко.

— От настоящего мужчины у меня есть еще кое-что, Рииии.

Ну вот, стоило открыть рот, как дымка благородства развеялась.

Закатываю глаза и качаю головой.

— Похоже, только этим и можешь похвастаться!

— Потому что есть чем! И когда ты почувствуешь меня в себе, поймешь, о чем я говорю.

— Закрой рот, Матвей! Иногда мне кажется, что тебе вообще не нужно разговаривать, потому что только и можешь как говорить всякую похабщину!

— Мммм, а ты кажется от этого очень даже тащишься, Рина.

Сволочь ржет, бесстыдно облизывая глазами мое тело в те секунды, когда отрывает взгляд от дороги. Предпочитаю оставить реплику без ответа. Спорить с ним безнадежно, кажется его это только раззадоривает. А я не собираюсь доставлять ему удовольствие перепалками. Потому что на самом деле и сама замечаю за собой пристрастие подразнить говнюка.

Отворачиваюсь и утыкаюсь в окно, стараясь не думать о присутствии Матвея. В машине нет ароматизатора, поэтому все, что я чувствую — это запах мужского тела. Им пропитана даже кожа на сиденьях, отчего мне хочется закрыть нос пальцами, и не дышать.

— Почему ты работаешь в этом гадюшнике? — слева доносится вопрос. Пожимаю плечами.

— Потому что мне нужны деньги.

— Это я понял. Но нахрена там? Есть же уйма других мест.

— Каких, например? — поворачиваюсь к нему и усаживаюсь по-другому. Подгибаю под себя ноги и опираюсь левым боком на кресло.

Глаза против воли приклеиваются к массивной руке, покрытой тугими нитями вен. Пальцы обхватывают руль, уверенно управляя автомобилем. Костяшки сбиты, недвусмысленно намекая на то, что с Марком-Егором Матвей все же разобрался на «своем языке».

— Например, кафе, где не нужно обслуживать пьяных ублюдков.

Отрываю глаза от рук и огибаю широкую линию скул. Вот не самый же красивый, гад. Грубые черты лица, полные губы, наглые глаза, обрамленные довольно длинными ресницами. Но что-то дьявольское в его внешности порождает внутри странное сосущее ощущение. Исходящий от парня животный магнетизм словно через поры просачивается и взвинчивает изнутри.

«Рина, хватит разглядывать его!» — рычу сама на себя и, пойманная с поличным его издевающимся взглядом, утыкаюсь в лобовое стекло.

— Проходили.

— И что? Не понравилось?

— Во-первых пьяных ублюдков там не меньше, а вот на чаевые они скупятся больше.

— То есть в баре больше чаевые? — широкая бровь недоверчиво изгибается.

— Не всегда. Но дело скорее не в чаевых. Мне удобны смены здесь. От дома недалеко…было, — запоздало вспоминаю, что по прошлому адресу уже не живу.

— Ну хорошо, а что на счет других мест? Продавщица, кассир? Удаленная работа в конце концов?

— Матвей, это не так просто без образования! С моим средним я могу разве что упаковывать коробки на заводах, но туда я подамся только в крайнем случае, — начинаю раздражаться, объясняя банальные истины тому, кто даже не знает, что такое экономить на хлебе и покупать полбуханки. А еще просить отрезать в магазине половину кочана капусты и ловить на себе насмешливые взгляды.

Матвей молчит, потирая свободной рукой подбородок.

— Сколько тебе лет, Ри?

— Девятнадцать.

— Собираешься куда-то поступать?

Мотаю головой, вспоминая прошлый неудачный опыт попытки поступления в ВУЗ.

— В этом году нет.

— Почему?

— Это допрос?

Мне не нравится отвечать на его вопросы. Что за мнимый интерес к моей жизни? Еще вчера говнюка привлекало только то, что находится в моих трусах, а теперь ему вдруг нужно выложить всю подноготную?

Матвей стреляет в меня взглядом и возвращает его на дорогу.

— Это интерес.

— С чего бы?

— Потому что ты мне интересна, Рина! Не маленькая девочка, должна понимать!

От подобного признания язвительный ответ застревает на выходе изо рта. Он только что действительно это сказал, или мне показалось?

— Кто ты и что сделал с ублюдком Кэшем?

Хриплый громкий смех волнами катится по салону, отзываясь вибрациями в моих ушах и пробираясь куда-то очень глубоко. Хочу остановить странное распространение тепла по организму, но не выходит.

— Ри, я всегда говорю как есть. Во-первых, я тебя хочу, — нервно сглатываю, сражаясь с мурашками, которые побеждают и несутся по коже, — во-вторых я не буду ехать в бар, где продают самое дерьмовое пиво только для того, чтобы провести где-то вечер. У меня есть альтернатива. Всегда.

— Можно считать, что я должна тебе кланяться в ноги за то,

что твой интерес обращен в мою сторону?

Фыркаю и на автомате прикладываю ладонь к ноющей щеке. Прохладные пальцы соприкасаются с горячей кожей, принося легкое облегчение. Не хватало, чтобы еще синяк образовался. Если папаша Ланы приедет и увидит меня разукрашенной, точно вышвырнет на улицу.

Матвей тормозит на светофоре и устремляет на меня пристальный взгляд, который тут же упирается в мою щеку.

— Болит?

— Тебе какая разница?

— Рина, не огрызайся!

— А то что?

Он вдруг резко приближает ко мне голову и обхватывает меня за шею. Не больно, но уверенно удерживает, пока говорит на ухо:

— А то настанет моя очередь. И если укушу я, будет больно!

Короткая щетина проехавшись по коже, впрыскивает под кожу токсины, которые мгновенно растекаются, и разжигают кровь.

— Если ты забыл, я тоже неплохо кусаюсь!

Горячее дыхание, опаляющее кожу, вынуждает задержать дыхание. Матвей слегка отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза и чувственно улыбнуться. Его большой палец оказывается на моей нижней губе и оттягивает ее.

— Ты очень хорошо кусаешься, Рииии! Настолько, что мне хочется еще раз засунуть тебе пальцы в рот!

От подобного заявления меня подбрасывает изнутри. В животе взрывается что-то горячее и дымящееся. Инстинктивно облизываю губы, соприкасаясь языком с его пальцем, от чего радужки голубых глаз почти полностью затягивает чернотой. Матвей облизывает свои губы, не отрывая взгляда от моих, а мне кажется, что он только что проделал это со мной. Губы покалывает, жжет. Сердце начинает ускоряться, когда до меня доходит что же я делаю.

Отдергиваю голову, вспоминая вдруг о Лане и об обещании данном ей. Боже, нужно научиться бороться с собственной реакцией. И как можно скорее найти квартиру, потому что чем больше я нахожусь рядом с Матвеем, тем сложнее становится бороться с ним и с собой.

Слышу легкий смешок в мой адрес, но больше не смотрю на него. Усаживаюсь в кресле и утыкаюсь в ночной город. Когда мы доезжаем до дома, как можно скорее покидаю машину и ухожу в свою комнату. На всякий случай закрываюсь на замок. Конечно, если Матвей захочет, он и замок сломает, но не будет ведь он

ломать все двери в собственном доме.

Уснуть не получается еще как минимум часа два. Мне кажется, я слышу, как он проходит по коридору, спускается по ступеням, а спустя минут сорок возвращается обратно. Я не пытаюсь слушать и вдумываться, чем он все это время занимается, но сами мысли о том, что я все равно о нем думаю, бесят.

Глава 22

Матвей

— Риииии, если ты сейчас же не прикроешь свой сонный ротик, я найду чем его занять, — тяну на ухо спящей дикарке.

Рина начинает ворочаться и разлепляет веки. Солнечный луч попадает ей прямо в глаз, заставляя зажмуриться.

— Только не говори, что ты выбил мою дверь, — ворчит, потягиваясь.

Майка на плоском животе задирается, обнажая пупок, и я, не раздумывая, склоняю голову, чтобы лизнуть впадинку языком.

— Эй, обалдел? — Ри впивается в мои волосы пальцами, а член в ответ на ее защитное движение подрывается и готов рвать спортивки, чтобы попасть в её цепкие лапки.

— Ты вкусная! А я не привык отказывать себе в деликатесах!

Поднимаю взгляд и скольжу по полуобнаженному телу своим, соприкасаясь кожей живота с ее нежной и бархатной. Дикарка распластана на простыни, подобно бабочке, а я как тот паук, готовый сожрать ее. Всю ночь думал о том, как хочу еще раз ее оргазм. Только ломать больше нет желания. Хочу, чтобы в протестующих глазах родился пожар. Прямо как вчера, когда я водил пальцем по губам этой смелой кошечки. Девочка упиралась, делая вид, что ее не трогают мои касания, и наивно полагая, что ответная реакция тела остается незаметной. Глупая малышка.

Приближаю свое лицо к пухлым губам и по холодному резкому выдоху понимаю, что мой член, упирающийся в развилку между стройных ног, не остался незамеченным.

— Встань с меня! — рычит и тянет меня за волосы вверх. Вдоль позвоночника катится волна возбуждения.

— Если ты продолжишь так делать, то добьешься обратного, Рина!

Угроза в моем голосе заставляет женские руки резко остановиться, а пальцы разжаться.

— Вставай!

Ухмыляюсь, а потом рывком подрываюсь с кровати. Тонкая ткань ее белой майки очерчивает два торчащих соска. Ммм, кажется, кто-то снова пытается откреститься от того, что хочет меня. Ладно, к этому вернемся потом. Под пристальным взглядом рассерженной девчонки запускаю руку в штаны и поправляю член, замечая, как щеки на бледной коже наливаются краской.

— Одевайся, Ри. Желательно в одежду поудобнее, — разворачиваюсь и открываю шкаф. Хватаю первые попавшиеся

спортивные штаны и кидаю на кровать. — Это сойдет. Верх можешь не одевать, хотя это может быть чревато.

Брюнетка садится на кровати, в недоумении наблюдая за моими манипуляциями.

— Что значит одевайся? Может у меня планы?

— Отменяй! У меня на тебя свои планы.

Лениво встав с постели, Рина складывает руки на груди.

— Матвей, я не твоя сестра, чтобы мной командовать! И планы наши никак не пересекаются!

Ох, какая она маленькая. Тащусь от её роста. Двумя шагами сокращаю между нами расстояние и хватаю за стройную талию.

— Ты когда-нибудь занималась боксом, Ри?

Темноволосая голова запрокидывается, а расширенные от удивления глаза распахиваются.

— Боксом?

— Дралась с кем-нибудь?

— Когда живешь в детском доме, приходится либо драться, либо быть грушей для битья, — взгляд зеленых глаз ожесточается.

— Думаю, что груша это не о тебе!

— Правильно думаешь!

Так и знал. Не в ее характере давать себя в обиду. Хотя, мысль о том, что для того, чтобы научиться драться, нужно как минимум несколько десятков раз отхватить, мне не нравится. Картинки того, как эту миниатюрного ребенка могли бить, разносят по крови вирус ярости, но я гашу его, потому что сделать сейчас что-либо уже не могу. Она выросла и теперь защищается сама.

— А как насчет бокса? У меня для тебя кое-что есть.

Интерес в зеленых глазах подхлестывает продолжить. Тянусь рукой к тумбочке и беру заранее приготовленные красные кожаные перчатки. Протягиваю ей.

Рина забирает их и начинает улыбаться.

— Ты зовешь меня драться?

— Я хочу научить тебя драться. Внизу есть тренажерный зал. Подумал, что ты не сможешь от такого отказаться.

По нетронутому косметикой лицу скользит тень неуверенности, пока она рассматривает перчатки. Словно опомнившись, вдруг отталкивает меня, понимая, что я до этой секунды крепко прижимал ее к себе.

— А где Лана? — вопросительный взгляд устремляется на дверь.

— Уехала на йогу. Тебя не стала будить, просила передать, что после йоги у нее репетитор и приедет примерно к трем.

Ри закусывает губу, словно взвешивая все за и против. Охваченное предвкушением выражение лица играет в мою пользу.

— Дай мне пять минут.

— Переодевайся! — скалюсь в ухмылке, не собираясь никуда уходить.

— Уверен? — идеальная бровь с вызовом взлетает вверх.

— Конечно!

Стерва прищуривается, а потом разворачивается спиной. Стаскивает с себя майку и меняет ее на другую. Облизываю глазами выпирающие лопатки, колечки позвоночника и две ямки на пояснице. Немного успокоившийся член снова встает дыбом. Потираю его через штаны, пока она, усевшись на кровати, меняет короткие шорты на спортивные штаны. Стринги черного цвета впиваются в светлую кожу, так же как я бы впился в нее зубами.

Спрятав свой аккуратный зад в спортивки, зараза разворачивается и собирает на макушке хвост, даже не воспользовавшись расческой. Проходит мимо меня, фыркнув на плащ-палатку в моих штанах, и исчезает в ванне, закрыв на замок дверь.

Шумно выдыхаю и начинаю ржать. Кайфую от её непосредственности. Ненавижу, когда бабы ломаются, строя из себя неприступные крепости, а после первых же атак на их «девичью честь» доблестно сдаются врагу. С Риной все наоборот. Внешняя доступность оказывается обманчивой, и чтобы подобраться ближе нужно ох как постараться.

Спустя каких-то пять минут мы спускаемся в зал, где у меня находится все необходимое для тренировок. Я лично предпочитаю зал в городе, потому как там всегда есть противники для боя, а этот использую только для прокачки мышц. Но сейчас он как нельзя кстати.

Рина с любопытством осматривается по сторонам, проводя кончиками пальцев по снарядам. Я надеваю свои перчатки, так как планирую ее сегодня потренировать не только с грушей. Девчонка должна уметь защищаться не только ножом.

— Вау!

Становлюсь позади груши, висящей под потолком, и обхватываю ее руками.

— Группируйся, руки на уровне плеч, и бей.

— Вот так сразу?

— А ты хочешь сначала размяться? Отлично, у меня есть несколько упражнений, во время которых ты кричишь, а я энергично долблюсь в твое тело. Самый быстрый и эффективный разогрев.

Ри закатывает глаза и сразу же послушно выполняет все

указания, слабо ударяя по боксерскому мешку. А я уже понадеялся на секс.

— Нууу! Даже моя восьмидесятилетняя двоюродная бабка и то сильнее бьет.

Пухлые губы сжимаются, пряча улыбку, и в грушу прилетает еще один удар. На этот раз гораздо мощнее.

— Уже лучше! Меня представила?

Очередь из пяти ударов в разные части снаряда отвечает за нее.

— Вот теперь тебя.

Губы разъезжаются в довольной улыбке. Отхожу от груши и подзываю девчонку к себе пальцами. Поднимаю руки, повернув их к ней ладонями.

— Зачем представлять? Вот он я. Бей.

— Точно этого хочешь?

Безобидная улыбка на милом личике сбивает с толку. Небольшие ямочки на щеках стирают грань моей бдительности, и я, на секунду зависнув на красивой мордашке напротив, пропускаю удар в правую скулу.

— Ни хрена себе!

Звезд из глаз не сыплется, конечно, но заехала нехило. Звонкий смех отрезвляет и напоминает о том, что передо мной не инстасучка, переживающая о своей репутации девочки няши. Передо мной достойный противник, которого мне хочется уложить на лопатки во всех смыслах.

Выбрасываю руку вперед и не больно, но ощутимо бью ее по ребрам. На секунду Ри теряется, не ожидая, что я мог так не по-джентльменски поступить, а потом подбирается. В глазах-заводях загорается огонь, и она резко опускает руку, чтобы попасть мне в живот. Блокирую и отбрасываю в сторону. Зараза в эту же секунду бьет левую плюху снова мне по щеке. Начинаю заводиться от ее резвости. Довольная результатами, Рина начинает ходить вокруг меня, прицеливаясь куда бы еще ударить, и пока она тратит драгоценные мгновения на обдумывание, я снова впечатываю несильный удар ей в плечо.

— Ну ты и козел!

Девчонка шипит и вдруг набрасывается на меня с ногами. Ловлю ее, чтобы нахрен не завалиться. Одной рукой пытаюсь прикрываться от сыплющихся ударов в голову и плечи, а второй держу ее под задницу.

Ржу, понимая, что позволяю какой-то телке себя колотить. Охренееееть. Сбрасываю стройное тело на маты и заваливаюсь сверху. Раскрасневшееся лицо сияет, зеленые глаза блестят эйфорией.

— Значит, так ты хотела меня избить?

Правое ребро обжигает сильным ударом.

— И еще так.

А потом несколько довольно внушительных спину.

— И вот так.

Ах ты ж! Хватаю дикарку за запястья, облаченные толстыми перчатками, и завожу их за голову, пригвождая к мату. Адреналин распарывает вены. Впервые ловлю кайф от боя с девчонкой. Конечно, он проходит не во всю силу и даже не в половину, но мне нравится то, как Ри ведет себя. Брыкается, со смехом стараясь сбросить меня с себя. Она на кураже от гормонов, выделяющихся во время боя. Ее тоже это прет. Не зря еще в первый же день, когда я увидел ее выходящей на трек, понял, что у нас много общего.

Позволяю себе то, чего хочется сейчас больше всего. Опускаю губы и впечатываюсь в нее губами. Ри застывает, мгновенно каменея. Отстраняюсь, уплывая в зеленых глазах, ставших в секунду серьезными.

— Тренировка окончена?

Спрашивает с обвинением. Прищуриваюсь, осознавая, что переступил ее границы. Не понимаю пока какие, потому что уверен на сто процентов, что привлекаю брюнетку, но что-то ее стопорит.

— Нет. Вставай, — выпрямляюсь и протягиваю ей руку.

Мы еще немного тренируемся, правда уже не с такой легкостью, как в начале. Ри больше не позволяет себе расслабиться. Поглядывает на меня с осторожностью и ожиданием. А меня начинает это бесить. Почему это вдруг я должен заботиться о том, чтобы ей было комфортно?

Всегда поступаю как хочу. Хочу — целую. Хочу — трахаю. Хочу — даю в рот.

— Зачем ты решил все это затеять?

Спустя минут двадцать, дикарка стирает пот со лба и смотрит на меня исподлобья.

— Чтобы ты научилась защищаться.

— Я и так прекрасно владею защитой.

— Нет. Ты владеешь ножом. А если его у тебя отобрать, будешь такой же беззащитной, как трусливый кролик.

Розовые губы с яростью сжимаются.

— Спасибо, конечно. Но и сама справлюсь. Всю жизнь без тебя прекрасно обходилась, а тут вдруг принц на коне. Хотя до принца тебе как Воландеморту до невинного ангела.

Разворачивается и, сверкнув задницей, выходит из зала. Меня нагребает. В секунду накрывает волной злости. В первую очередь

на то, что хочу ее, а зараза строит из себя целку. А еще из-за того, что пытаюсь под нее подстроиться. С какого хера блядь?

Срываюсь с места и взлетаю по ступеням. Толкаю дверь в комнату стервы и тут же столбенею.

Знакомая вещь в хрупкой руке наотмашь бьет по мозгам, с болью выдирая из закромов памяти то, что давно было погребено под тоннами пыли. Ноги врастают в пол, а кислород в легких превращается в яд. Грудную клетку обжигает, не давая возможности сделать вдох.

Рина собирается положить шарф на кровать, но заметив мой ступор, останавливается.

— Ты обалдел? Может перестанешь вламываться в мою комнату?

Едва перетаскивая ноги, подхожу ближе. Этого не может быть. Наверное, просто похожая вещь. Сердце гулко лупасит в затылке.

Выдираю из женской руки мягкую атласную ткань и уже знаю, что не ошибся. Я очень хорошо помню эти разводы блекло голубым цветом по темно-синему. Он был сшит на заказ известным дизайнером.

— Откуда у тебя этот шарф?

Голос звучит глухо, как из потустороннего мира. Даже такая короткая фраза дается с трудом. Жадно скольжу глазами по ткани, пока пальцы утопают в потертой временем материи.

— Какая разница? Дай сюда, Матвей!

Рина протягивает руку, намереваясь отобрать у меня шарф, но я резко отвожу его в сторону.

— Откуда, я спросил?!

— Из детского дома, — недоуменно пожимает плечами. — Нам привозили вещи с благотворительности. Я выбрала себе этот шарф. Тебе-то какая разница?

Благотворительность… Именно туда отец отвез все вещи Ксюши!

Глава 23

Марина

Матвей уехал несколько часов назад. Сорвался с места вместе с моим шарфом, переоделся и взвизгнув покрышками, выехал за ворота.

Попытки угадать, что только что произошло, не увенчались успехом. Сложно понять того, кто удивляет каждую секунду. А ведь утро началось действительно неожиданно. Мне даже понравилось бороться с этим ненормальным. И еще больше понравилось надирать ему зад. Пусть это было с его разрешения, ведь успев оценить способности парня в бою, глупо полагать, что он мог действительно мне уступить. Но драйв от происходящего захлестнул настолько, что, когда наглые губы оказались на моих, мне на несколько коротких секунд захотелось поддаться. Позволить себе стать перед ним слабой. Вот только реальность быстро напомнила о себе. Я обещала Лане и попросту не могу нарушить своих слов. Как бы мое тело не требовало обратного.

После отъезда Матвея я приняла душ и позавтракала в компании с Валентиной. Женщина оказалась очень милой и заботливой. Решила меня откормить во что бы то ни стало, а я и не против. Кто знает сколько мне осталось находиться в этом доме. Нужно порадовать собственный организм новыми вкусами. А семейство Кешновых потом себе новую баночку черной икры купит. Открытую я нагло стащила из холодильника и толстым слоем размазала аппетитные икринки по куску хлеба.

Позавтракав, бесцельно прохаживаюсь по дому. Не боясь быть пойманной, наведываюсь в спальню к Матвею. Довольно скупая мужская обстановка видна уже с порога. На стуле валяются шорты, в которых он сегодня меня тренировал. На столе ноутбук, зарядки и беспроводные наушники. Зачем я сюда вошла? Сама не понимаю, но покидать комнату не спешу.

На стенах ни единой картины. Только на тумбочке в деревянной рамке фотография очень красивой женщины с довольно печальными глазами. Присаживаюсь на край кровати и беру рамку в руки. Пробегаюсь глазами по снимку. Сколько у нее сходства с Матвеем. Тот же разлет бровей, разрез глаз и такие же полные губы. Светловолосая женщина улыбается, но радости в улыбке нет. Даже в этом она похожа на Матвея. Только сегодня и вчера он по-настоящему улыбался. Не этой своей скалящейся дикой улыбкой, а совсем другой. Наверное, именно поэтому я сейчас нахожусь здесь.

Мне хочется узнать о нем больше. Хочется помочь им с Ланой

найти контакт. Девчонка считает себя одинокой рядом с двумя братьями, но ведь видно, что оба ее оберегают. Хотя Кирилл просто с ней дружелюбен, не носится как коршун вокруг, а вот Матвей действует совсем иначе.

Ставлю рамку на место и подхожу к столу. Рыться в чужих вещах неправильно, но кто меня остановит? Открываю по очереди ящики. В самом нижнем под грудой бумаг нахожу еще одну фотографию. На снимке Матвей обнимает какую-то девушку со спины. Довольно милую и симпатичную. Не знаю почему, но чувствую раздражение. Вероятно, потому что здесь он тоже улыбается так, как мне сегодня утром. Интересно почему он ее хранит? Это его бывшая девушка? Или настоящая?

Вдумываться нет желания, и я, вернув фото на место, ухожу из комнаты, чтобы переодеться и отправиться в бассейн. Добрых два часа стараюсь не думать ни о ненормальном психе, ни о девчонке с фотографии, но почему-то эта мысль, как противный муравей, копошится в мозгу. После обеда отправляюсь в бар, время от времени поглядывая на дверь. Каждая трель колокольчика вызывает внутри едва различимое чувство ожидания. Очень стараюсь не признаваться себе в том, что жду, как в дверь ввалится говнюк и рассядется на одном из барных стульев. Гоню эти мысли куда подальше, и наконец их вытесняет поток посетителей. Лана приезжает ближе к вечеру. Как бы невзначай интересуюсь дома ли ее братец и получив отрицательный ответ, еще сильнее раздражаюсь. Сама на себя в первую очередь.

Какого черта меня вообще интересует куда он укатил с моим шарфом? Не дарить же его какой-нибудь своей очередной шлюшке. Кому нужен кусок старой тряпки? Здесь что-то совсем другое, потому что так не реагируют на ничего не значащую вещь.

У Ланы этим не интересуюсь. Тогда придется объяснять каким образом он оказался у Матвея, а воспоминание о старшем брате вызывает у девчонки нервную дрожь по телу.

— Ты почему здесь? Как же запрет на любой выход из дома помимо занятий? — интересуюсь с улыбкой, напоминая ей о приказе Матвея Грозного и таки наблюдая эту самую дрожь.

— Валя сказала его дома нет с утра. Я решила к тебе заскочить на пол часика, а потом домой. Он и не узнает. Знаешь, как скучно сидеть там одной? — блондинка отпивает любимый мохито, пока я наливаю в стопки водку для небольшой компании парней, усевшейся в углу бара. — Слушай, как на счет кино завтра?

— И снова тот же вопрос. Отпустит?

— Я скажу, что с тобой иду. Он вроде больше тебя не цепляет.

Или ты просто мне не рассказываешь?

— Не цепляет, — отрицательно качаю головой, снова ругая себя за ложь. Но накалять атмосферу между этими двумя нет желания.

— Ну вот. Может днем тогда смотаемся. Давай?

— Хорошо, — соглашаюсь, и уже собираюсь отдать Ане поднос, как один из выпивших парней сам подкатывает к барной стойке и растягивает губы в противной улыбке.

— Деееевушка, — обращается к Лане, потираясь плечом о мгновенно напрягшуюся блондинку, — Не хотите присоединиться к нам?

— Нет, спасибо, — она вежливо отвечает и осторожно отодвигается.

— Парень, вали за столик! — вступаюсь, протягивая ему поднос с выпивкой, — Сам донесешь? Учти, если разольешь, это войдет в стоимость счета.

— А ты дерзкая, да? — урод высовывает язык и несколько раз им двигает, вызывая у меня тошнотворные порывы.

— А ты останешься без яиц, если сейчас же не свалишь, — одариваю придурка сладкой улыбкой и киваю в сторону его столика.

— Нет. Без этой Белоснежки я никуда не пойду.

Его грязная лапища ложится на талию Ланы и грубо стаскивает её со стула, таща к парням. Лицо девчонки покрывается пятнами от страха. Она упирается, отталкивая от себя хмыря, но понятное дело, что попытка остается незамеченной. Я быстро выхожу из-за барной стойки, чего делать нельзя, правило Натальи Ашотовны — не оставлять кассу, и буквально в три прыжка преодолеваю до них расстояние.

— Я сказала отпустить ее, мудак. Девчонке восемнадцати нет. Хочешь в обезьянник?

— Оооо, а вот и вторая подкатила! Отлично! Две телки всегда лучше одной.

Второй ублюдок вылезает из-за стола, а я в эту секунду быстро вытаскиваю из небольшой сумочки на талии нож и приставляю ему к сонной артерии. Не впервой. Знаю куда надавить, и как сделать это безопасно для жизни. Парни замирают, а потом начинают ржать. Думают скоты, что если их пятеро, то я не справлюсь. Бросаю взгляд на камеру, висящую под потолком. Федя, где ж ты?

Тот, который удерживает Лану, резко дергает ее за волосы, заставляя всхлипнуть.

— Девочки, мы обещаем быть нежными. Тем более просим вас всего лишь составить компанию. Это так сложно?

— Это невозможно!

Знакомый голос, пропитанный звенящей яростью, отвечает за нас. Лана впервые за все время, которое я ее знаю, с радостью выкручивает шею на брата, и в этот же момент оглушительно визжит, когда рядом с ее головой со свистом пролетает кулак Матвея, врезаясь в лицо держащего ее парня.

Тот отпускает ее и со стоном хватается за нос, пока наш сумасшедший защитник хватает сестру за руку и отталкивает к себе за спину. Еще один набрасывается на Матвея с кулаками, пока я все также продолжая стоять с ножом у горла третьего, стараюсь не сводить с него глаз.

— ЭЭЭййй, что здесь происходит? — наконец с криком появляется Федя, охранник, который большую часть времени просто ест и смотрит сериалы в своей коморке, а сейчас в кой то веки вероятно, решил бросить взгляд на экран камер. Достает пистолет и орет:

— А ну пошли отсюда, скоты!

Двое подскакивают и выбегают, утаскивая за руки того, кому Матвей сломал нос. Еще один все еще получает от него по почкам.

— Матвей, хватит! — кричу, заставляя остановиться и перевести на меня взгляд. Челюсти сжаты, желваки напряжены, кулаки сбиты. Машина для убийства, не иначе. Иногда мне кажется, что у него нет никаких тормозов и если ему позволить, он в состоянии аффекта способен на страшные поступки. Хотя, в данной ситуации по-другому нельзя. Возвращаю глаза на оставшегося парня и киваю на стол, — заплати по счету, и чтобы больше вы здесь не появлялись. Ваши лица есть на камере, и если мы подадим заявление в полицию на то, что вы силой тащили к себе несовершеннолетнюю, то очень долго будете расхлебывать последствия.

Брюнет нехотя достает из кармана несколько купюр, а потом под дулом Фединого пистолета, забирает хрипящего друга и исчезает за дверью.

— Что здесь произошло? — Федя засовывает оружие обратно за пояс.

Отмахиваюсь и подхожу к Лане.

— Ты как?

Девчонка дрожит, выглядит бледнее поганки. Матвей сверлит ее тяжелым взглядом, но молчит. Понимает, что произошедшая ситуация лучше всех предупреждений и наказаний вместе взятых. Стирает с лопнувшей губы кровь и переводит на меня черные, как бездна глаза.

— Когда у тебя смена заканчивается?

— В двенадцать.

— Такси вызовешь, — вынув из кармана крупную купюру, засовывает мне ее в руку и пройдя мимо Ланы, цедит сквозь зубы: — Домой!

Аня быстро убирает со стола, пока Вера, уборщица протирает полы от стекол и крови. Другие посетители как ни в чем не бывало, продолжают свое веселое времяпровождение. Война войной, а обед по расписанию.

Спустя какое-то время пишу Лане, чтобы поинтересоваться как она. Отвечает, что уже в порядке. Матвей запретил ей появляться в баре, но не сложно догадаться, что подобное желание у нее возникнет еще не скоро.

Когда приезжаю домой, все уже спят. Дом объят тишиной и темнотой. Собираюсь подняться к себе, когда замечаю у бассейна мужскую фигуру. Сердце притормаживает. Правильно было бы отправиться в комнату, дабы избежать ненужных последствий, но действуя нелогично я направляюсь на задний двор. Так всегда происходит, когда интуиция вопит о том чего не стоит делать, а мы, игнорируя ее доводы, идем на красный.

Осторожно спускаюсь по трем ступенькам.

Матвей сидит на бортике у бассейна, в руке бутылка. Молча подхожу к нему и сажусь рядом. Забираю бутылку и делаю большой глоток. Горло обжигает, пищевод горит, пока по нему в желудок стекает чистый виски.

— Решила составить мне компанию, Ри?

Глава 24

— Скорее просто выпить. День оказался паршивым, — пожимаю плечами, дабы не давать парню очередного повода считать, что он мне интересен.

Делаю еще один глоток и морщусь. Матвей отбирает у меня бутылку и проделывает то же самое.

— Еще и каким, — вздыхает, выуживая откуда-то пачку сигарет и подкуривая одну.

— Дай мне, — тянусь за пачкой, но он ловко прячет ее за себя и протягивает к моему рту сигарету.

Встречаюсь с туманными глазами, скользящими по моему лицу как-то по-особенному медленно. Привычная, но от этого не менее острая дрожь одолевает тело, заставляя громко сглотнуть. Будучи под необъяснимым гипнозом, приоткрываю губы и позволяю себе сделать то, что он хочет. Обхватываю сигарету прямо в его пальцах и затягиваюсь. Выпускаю дым вверх и получаю в ответ одобрительную улыбку.

— Зачем ты приезжал в бар?

— К тебе.

— Могу я получить обратно свой шарф?

Внимательно слежу за реакцией на мужском лице. Матвей сжимает зубы и отворачивается, утыкаясь глазами в водную гладь бассейна. Глубоко втягивает дым и с шумом выдувает серое облако.

— Как давно он у тебя?

— Почти десять лет как. А что?

Несколько секунд томительного молчания, во время которого Матвей поворачивается, а потом в его руках оказывается дорогая мне вещь. Я и не заметила, что он лежал рядом.

— Это шарф моей старшей сестры.

От подобной новости нервные окончания подбираются прямо к коже.

— С чего ты взял?

— Отец отдал ее вещи на благотворительность спустя примерно четыре года после того, как она умерла.

На последнем слове хриплый голос ломается. Ничего себе. Разве бывают такие совпадения?

— Может это не ее? Мало ли сколько одинаковых вещей.

— Ее. Он был сшит на заказ. Мать дарила на пятнадцатилетие. Ксюша сама дизайн выбирала. Ткань. Рисовала эскиз.

Мне становится не по себе. Столько лет я носила шарф,

связанный самым прямым образом с Матвеем и его семьей. С ума сойти.

— Он очень красивый, — говорю, наблюдая за тем, как он трепетно проводит по вещице большим пальцем. — Помню, из огромной кучи вываленных из коробок вещей увидела его сразу. Мне даже десяти не было еще, но я вцепилась в него, не желая никому отдавать. Девчонки постарше хотели всучить мне идиотские розовые платья, но я сбежала в комнату, спрятала его под подушку и так и таскала с собой, чтобы никто не отобрал.

Матвей поворачивает ко мне лицо и печально улыбается.

— У тебя хороший вкус, Рина.

Не знаю время ли спрашивать, но чувствую, что сейчас он открыт как никогда, поэтому рискую.

— Лана рассказывала, что Ксюша разбилась на машине…

— Да, для всех так и было.

— Для всех? А на самом деле?

Сигарета снова оказывается у моих губ. Послушно затягиваюсь, а потом опять беру бутылку и делаю пару глотков обжигающей жидкости. Границы начинают медленно расплываться, ведь даже достойного ужина мой организм не получил. Бургер, съеденный в восемь вечера, уже давно переварился.

— Ты уверена, что хочешь услышать сказку о нашей семье, Рина?

— Да. Хоть ты и козел, но что-то мне подсказывает, что сейчас тебе как никому нужен собеседник.

Ожидаемой улыбки в ответ не следует, и я чувствую, что ляпнула глупость.

— Когда-нибудь я откушу твой язык, Ри, — серьезно говорит Матвей, вынуждая прикусить губу от странного ощущения, вызванного простым обещанием. — Но раз хочешь, слушай.

Большой глоток виски, глубокая затяжка. Откладывает шарф и с шипением тушит сигарету о собственную ладонь. От этого действия у меня в области солнечного сплетения струится болезненная волна.

— Жила была хорошая девушка. Правильная. Щедрая. Добрая. И влюбилась она в мудака, видевшего в ней только приданное в виде многомиллионной компании. Свадьба, все дела, первый ребенок. Пока новоиспеченная мать крутится вокруг дочери, муж оккупирует компанию жены и становится генеральным директором. Когда спустя несколько лет она хочет вернуться на работу, он заделывает ей сына. А спустя еще пару лет второго. Все для того, чтобы счастливая женушка сидела дома и не мешала зарабатывать бабки, успешно тратившиеся на

поездки по миру со шлюхами. Однажды к своему несчастью, ничего неподозревающая женщина узнает об изменах благоверного. Но любовь сраная тварь. Она его не бросает. Устраивает истерики, требует прекратить изменять, на что получает клятвенное обещание больше этого не делать. Как итог — наивная жена снова беременна. Вот только нервный срыв дает о себе знать. Женщина на глазах буквально исчезает. Кое-как донашивает ребенка, рожает его, но теряет много крови и умирает, — Матвей делает паузу и устремляет в меня стеклянный взгляд. Меня замораживает. Понимаю, что нужно дышать, но не получается. Рука инстинктивно тянется к мужской шее и осторожно гладит там, где начинается короткий ежик волос. Под кожей крошатся мелкие искры. Нет, он не жалуется, не ждет, что я начну его поддерживать. Просто делится историей своей жизни, сделавшей его таким, какой он сейчас.

— А Ксюша?

Спрашиваю тихо, убирая руку. Все же не нужно позволять себе лишнего. Мне просто хочется сделать что-то для Матвея. Я впервые вижу его таким. Настоящим. Живым. Пусть сломленным, но живым. Сердце больно колит, когда он продолжает, вновь отвернувшись.

— Ксюше было пятнадцать, когда матери не стало. Отцу на нее было плевать, собственно, как и на всех нас. Ведь мы были только отвлечением. Сестра нашла выход эмоциям в наркоте. Связалась с какими-то уродами. Подсела на колеса, потом кокс и героин, и в семнадцать ее было уже не узнать, — с каждым произнесенным словом комок боли в моей груди растет с бешеной скоростью. — Она устраивала отцу истерики, потому как единственная из нас знала истинную причину гибели матери. Он ее бил и давал бабки, лишь бы не позорила его на людях. А однажды во время очередного выяснения отношений Ксюша крикнула, что ненавидит его, отец в ответ потребовал, чтобы она убиралась из дома. Сестра промчалась мимо меня, а потом оступилась и упала с лестницы. Помню, как отец бежал следом, бил ее по щекам, но бестолку. А через четыре года отдал все ее вещи, хранившиеся до этого на чердаке, на благотворительность.

Матвей снова отпивает из бутылки, даже не морщась от горечи. Вот тебе и розовые сказки о богатых счастливых семьях. Представление о благополучной жизни сильных мира сего рушится в считанные мгновения. А я наивная думала, что деньгами можно решить все проблемы. Похоже, с проблемами Матвея не смогли справиться даже профессиональные доктора в реабилитационном центре.

В мои руки внезапно опускается мягкая ткань, отвлекая от

размышлений. Смотрю на знакомую вещицу, а ощущение словно вижу ее впервые. Теперь это не просто безликая вещь. Не знаю как так получилось, что на протяжении стольких лет она была со мной, но теперь я буду дорожить ею еще больше.

— Знаешь, у тебя ведь есть еще одна сестра, — говорю, понимая, наконец, почему он ведет себя так с Ланой, — и ей очень нужна твоя любовь.

В ответ получаю холодное хмыканье.

— Ей нужно только одно — тусовки и идиотские знакомства.

— Да. Потому что это нормально. Ей семнадцать. Все в этом возрасте тусуются, знакомятся, заводят отношения.

— Трахаются.

— Не обязательно! Просто тем, что ты ее отгораживаешь от всего, только делаешь хуже. Однажды она вырвется на волю, и может случиться именно то, о чем ты говоришь. Она пойдет догонять то, что упустила.

Матвей недовольно цокает. Возможно, он и сам все это понимает, только признаваться себе не станет. Мне даже кажется, что он самому себе не скажет, что подобным поведением печется о ней. После пережитого любой бы предпочел ни с кем не сближаться. Мне эти чувства знакомы как никому.

— Ты делаешь вид, что злишься на нее и третируешь, а на деле просто пытаешься сделать так, чтобы младшую сестру не постигла участь старшей, — делюсь своими умозаключениями.

— Думаешь, что так хорошо знаешь меня, Ри? — в хриплый голос вернулась прежняя баррикада. Он снова закрывается, а мне хочется поймать за хвост этот момент, чтобы хотя бы немного смягчить его отношение к Лане.

— Нет. Я знаю себя, — говорю как есть. — Я никогда никого не подпускала близко, потому что незачем. Я никому не была нужна. Да и кому нужны дети-брошенки? Всю жизнь общалась с такими же, как я, но знала, что друзей среди них нет. Половина разъехались, кто-то уже в тюрьме, другие на наркотиках. А я одна. Так было с самого рождения. Мы дрались за лишний кусок хлеба или игрушку. Дрались за гелевые ручки, случайно попадавшие к нам из благотворительности. Розовые, оранжевые, может помнишь? Они для нас были как что-то прямо таки волшебное. Из совсем другого мира.

Матвей сжимает губы, внимательно скользя глазами по моему лицу, пока я погружаюсь в воспоминания. Аккуратно кладу шарф рядом.

— Или еще йо-йо. Помню, как отобрала красный йо-йо с надписью Кока-Кола у одной девчонки старше меня на год. Я так мечтала о нем, а она не давала поиграть. Я ударила ее по руке.

Больно ударила, выхватила и убежала. Потом правда досталось уже мне, но я была счастлива этим коротким минутам, проведенным с заветной игрушкой.

Грустно улыбаюсь, уплывая в воспоминания, а потом теряюсь, когда Матвей вдруг сгребает меня рукой и целует. Вот так просто. Без лишних слов и предупреждений. На ровном месте. В голове искрит, в висках взрывается, стоит нахальному языку ворваться в мой рот.

Поцелуй глубокий, настойчивый, алчный. Его зубы ударяются о мои, как будто он пытается сейчас этим напором вытеснить все плохое, что только что завладело памятью. И ему это отлично удается. В короткую секунду все, о чем я могу думать, это вкус влажного языка в моем рту, колючая щетина, причиняющая легкую боль коже вокруг губ, обжигающее дыхание, пулей простреливающее заднюю стенку горла. То ли от алкоголя, то ли от коктейля эмоций, вызванных неожиданным острым поцелуем, у меня в голове плывет. Пальцы мелко подрагивают, дыхание заперто в легких от его напора.

Понимаю, что нужно оттолкнуть, прекратить этот кошмар, вызывающий рой мурашек под кожей, но вместо этого целую в ответ. Сильная рука впечатывается в затылок, пальцы больно струятся сквозь волосы, вырывая из горла надрывный стон. Не контролируя себя, обнимаю Матвея за шею и позволяю пересадить меня на себя.

Не знаю что это — сумасшествие или как еще назвать, но отчаянное желание чего-то большего впервые в жизни поселяется в сознании.

Мужская рука скользит по спине, впечатывает меня в себя с такой силой, что позвоночник едва ли не хрустит. Внизу живота стягивает истомой по причине каменной твердости, упирающейся мне в промежность.

— Ри, где ж ты была раньше, а?

Надрывный шепот обжигает шею. Чувствую укус на коже и не сдерживаю громкого стона.

Боже, я всегда умела остановить поцелуи с парнями, потому что продолжение казалось абсолютно ненужным и неважным. А сейчас понимаю, что мне хочется большего. Вот с этим самоуверенным психом, только что открывшимся с другой стороны.

Наглые пальцы ныряют под майку, задирают ее и ловят мою грудь губами прямо через кружевную ткань лифчика. Тело выгибает невидимой силой ему навстречу. Впиваюсь пальцами в короткие волосы и откидываю назад голову. Миллионы звезд на небе сияют так ярко, как никогда. До боли прикусываю губу и

вновь нахожу жесткие губы.

— Рин, ты приехала?

Не знаю, к чему привело бы привело наше обоюдное сумасшествие, но знакомый голос, доносящийся из глубины дома, пробирается в сознание и швыряет плашмя на землю.

Внутренний голос жалобно вопит о том, что я лживая дрянь, предающая человека, два раза спасшего мою задницу. Совесть дубасит кулаками в почти захлопнувшуюся перед её носом дверь.

— Стой, остановись, — хватаю ртом воздух, дрожа от того, как наглые пальцы сдавливают мою талию. — Матвей, нет!

Отрывается от меня и сверлит прищуренными черными глазами, кремируя меня и не отпуская.

Господи, что же я делаю?

Желание оказалось настолько мощным, что я под воздействием выделившихся серотонинов едва не совершила самую ужасную ошибку. Кто такой Матвей? Сволочь, который уже завтра забудет обо мне. Получит свое и потеряет интерес. Какие бы скелеты не таились в его шкафу, надеяться на то, что он может чувствовать к девушке что-то помимо похоти — глупо. О семье он печется и заботится, но примеры поведения с девушками говорят за себя.

Ему нужен только секс. Не я с моими проблемами и тараканами. А мое тело, действующее подобно дезертиру, готовое сдаться его напору.

— Хочешь попытаться сбежать, Рина? Учти, если я догоню, то будет уже совсем по-другому, — от хриплого низкого голоса с угрозой меня почти растирает в порошок.

Спешно встаю с мужских колен и забираю шарф. Пульс шкалит, дыхание не в состоянии восстановиться.

— Я не собираюсь сбегать. И уж тем более мне не интересны догонялки. Меня ты вообще не интересуешь! Никак! Это все алкоголь!

Разворачиваюсь и на непослушных ногах делаю несколько шагов к дому. Навстречу выходит сонная Лана и приветливо мне улыбается.

— Когда ты приехала?

— Пару минут назад, — отвечаю, обнимая ее за плечи и разворачиваю обратно. — Пойдем. Почему ты проснулась?

— Услышала около бассейна шум.

Губы жжет, кожа в местах, грубо обласканных Матвеем, горит, а чувство вины раздирает изнутри. Поднимаясь по ступеням, слышу тяжелые шаги, а потом громкий хлопок дверью. Зажмуриваюсь, стараясь не думать куда можно ехать в такое время суток. Но так будет правильно. Таким, как Матвей, не

нужны отношения. И уж тем более не нужна я. А мне не нужен он.

Телефон вибрирует входящим сообщением. Разблокирую и шумно сглатываю.

«Ненавижу, когда врут»

— Кто там?

Лана бросает взгляд на смартфон, который я тут же быстро блокирую. Откуда только номер взял?

— Никто, — маска с улыбкой на лицо, и как будто все в порядке.

Никто. Никто. Да, никто!

Глава 25

Матвей

Вколачиваю кулаки в отлетающую в разные стороны грушу. Удар. Еще один. Ногой. Шумно выдыхаю и стираю со лба пот. Меня кроет. Охеренно так кроет. Внутри монстр орудует. Черный и яростный. Хочется кого-нибудь убить.

— Кэш, здорова, — голос Рыжего приветливо звучит сзади. Оборачиваюсь и ударяюсь с ним плечами.

— Привет.

— Готовишься к бою? — Саня здоровается кивком головы с другими пацанами.

— Готовлюсь.

Утром позвонил Примат и предложил бой с Митчем. Обычно о боях предупреждают за несколько дней. В сегодняшнем спарринге должен был участвовать другой боец, но ему пришлось отказаться по независящим от него обстоятельствам. Хрен его знает что там за обстоятельства, но заменить выбывшего я не отказался. Настроение хреновое еще с ночи. Нужно выплеснуть это состояние и размазать чью-нибудь рожу. Митч для роли живой груши очень даже подходит.

— А ты чего пришел?

Рыжий пожимает плечами.

— А ты че против?

— Да нет. Думал, опять за Риной бегаешь, а ты решил и меня почтить присутствием.

— Ты че, Мот? Загоняешь херню.

Отворачиваюсь и дубашу по висящему кожаному снаряду. Сам знаю, что банально вымещаю на нем раздражение. Но эта дикарка из головы не выходит, мать ее. Вчера после того, как стерва кинула меня, швырнув слова в рожу о том, что “не интересую” ее, я погнал к Рыжему на хату. Он там как раз с телками двумя зажигал. Одной щедро и по-братски поделился. Только не помогло ни хрена.

Ни волосы жесткие каштановые. Не такие темные показались, как должны были бы быть. Грудь в ладони должна бы помещаться, а та вываливалась с разных боков. Талия шире, глаза не того цвета и кожа отвратительная. Все, блядь, не то. Суррогат дешевый в красивой обертке. Хотя кого я обманываю? Ни черта не такой красивой, как стерва дикарка.

— Сука! — шиплю сквозь зубы, разворачиваясь и ударяя с ноги по снаряду.

Под утро вернулся домой, а когда проснулся с дурной

башкой, ее уже не было. Звонить не стал. Искать не в моих правилах. Вернется, тогда и поговорим. Я ей устрою “не интересен”. На кой хер врать, если далеко все не так? Не был бы интересен — не пила бы со мной и не делилась тем, чем уверен на двести процентов ни с кем еще не делилась. Да у меня самого кран как будто открылся вчера. Как шарф увидел Ксюшин, думал рехнусь.

Не хватает мне сестры. Сколько лет прошло, должно было бы уже отпустить. А хрен. Помню все, каждую мелочь, которая со временем должна была бы стереться и выдавиться под тяжестью новых событий. Моя же память уродливая садистка не дает забыть. Ксю была той, кто умел отдавать себя другим. Она и отдавала. Сначала маме и мне, а потом… потом начала отдавать всем вокруг, когда подсела на наркоту. Только даже тогда я не мог ее ненавидеть и осуждать. В силу возраста ничего не соображал. Это потом начал складывать два плюс два, но не обвинял. Наш отец никогда не давал никому из нас должного внимания, поэтому она искала и находила его у других мужиков, подвозящих ее до дома. Семнадцать лет, блядь. Как Лана. Только если Лана не знает даже как яичницу приготовить, то Ксю уже в этом возрасте учила меня драться.

Сам не знаю почему выложил все это Рине. Показалось, что ей действительно важно это узнать. Девчонка явно к Лане не равнодушна. Вон как в баре защищала. Не посмотрела, что уродов было пятеро. Сама бросилась на одного с ножом. Прям как на меня когда-то. Маленькая, но сильная и уверенная. Она меня восхитила в этот момент.

А когда начала о себе рассказывать и о том, через что пройти прошлось в детском доме, мне вдруг захотелось стереть все эти воспоминания из красивой головы. Столько боли сквозило в словах, столько неразделенных детских радостей, которых она была лишина. Притянул к себе и увяз в крышесносящем запахе, вкусе. До сих пор помню острый сосок на своем языке и тихие стоны, наполненные желанием. Руки сами сминали стройное тело, и насмотреться не мог. Кусал сосок, а сам наблюдал за ее запрокинутой головой и едва не кончил. Такая она горячая, чувственная, но какая-то совсем другая. Не похожая на остальных. Из другого мира. Нет в ней грязи и разврата. Хотя на первый взгляд о дикарке складывается именно такое впечатление. Вот и у меня сложилось ошибочное. Подумал шлюха дешевая, но теперь понимаю, что все не так. И то, что чувствую с каждой минутой, все сильнее нагребает.

Трясу головой, отгоняя воспоминания, а потом слышу голос Рыжего, вынуждающий застыть, прислушиваясь, и выматериться,

когда отлетевшая груша вернулась обратно, врезаясь в плечо.

— И Рину тогда бери с собой, — вещает Рыжий, бросая на меня настороженный взгляд, — Вечером, да. Как обычно. А вы где сейчас?

Имя дикарки вонзается в барабанные перепонки и заставляет лихорадочно раскидывать мозгами, подставляя разные варианты с кем она может быть. Рыжий перед боем часто звонит всем знакомым, зазывая на зрелище. Таким образом поднимает мне заработанный выигрыш, потому что все они всегда ставят на меня и не ошибаются.

Саня недоуменно отодвигает от уха телефон и запихивает смарт в карман. Его молчание раздражает.

— С кем говорил?

— С Серым.

Кулаки самопроизвольно сжимаются, а зубы еще немного и раскрошатся.

— Рина с ним?

Рыжий пробегается по мне оценивающим взглядом, пытаясь понять во что выльется его ответ. Сдерживать эмоций никогда не умел и не любил. И он знает это.

— С ним.

Закидываю голову и шумно выдыхаю. Так это девка к нему сбежала с утра? В висках начинает долбить с такой силой, что мозги превращаются в кашу.

— Где они?

— А тебе нахрена? Не поедешь же за ней?

— Конечно не поеду. Сама придет на бой.

Разворачиваюсь и с удвоенной силой вбиваю кулак в грушу. Внутренности вибрируют.

— Кэш, ты подсел на нее? — Рыжий оказывается справа, осторожно всматриваясь в мое лицо. Говнюк всегда умел вовремя задать вопрос, за что получает грушей по роже.

— Ай, блядь, — трет щеку и, ухмыляясь, бьет меня в плечо. — Ты теперь понял, о чем я говорил тебе в первый вечер?

Отвечать нет смысла. Он и так все видит. Стерва реально обладает какой-то магией подсаживать на себя кобелей и сбегать. Только то, что мудака Серого подпускает ближе остальных, меня бесит. Этот дятел постоянно рядом, и я в который раз задаюсь вопросом, если она к нему раз за разом бегает, значит ли это, что ублюдку удалось получить ее целиком? Вряд ли. Или нет?

От ярких картинок того, как он может прямо сегодня трахать заразу или уже трахнул, раз она сутра с ним, провода закорачиваются и в глазах начинает искрить. Ненавижу это ощущение. Дерьмовое чувство, когда та, кто еще ночью

подставляла свое тело под мои губы и язык, сегодня уже носится с другим. Пиздец!

— Мот, да она Серого к себе не подпустит. Где она и где тот мудак? — Саня бессмысленно пытается достучаться до моего затуманенного сознания.

Не знаю где, но то, что я сегодня же устрою этой стерве разнос и заставлю очень четко стонать и орать мое имя — это факт.

На бой я приезжаю уже накаленный до предела. Можно, блядь, металл на мне гнуть. Заходя в зал, ищу глазами сладкую парочку, но не найдя, отправляюсь в раздевалку. Переодеваюсь в шорты, закрепляю перчатки и разминаю шею. Несколько раз глубоко вдыхаю. Главное, не убить сейчас Митча. По венам течет чистая ярость вперемешку с желанием затащить сюда Рину и заставить по минутам расписать сегодняшний день. Что ж такое — то, а? Нахера я вообще думаю об этом?

С размаха засаживаю кулаком в металлическую дверцу ящика, жалобно прогнувшуюся внутрь от силы удара. Из зала начинают доноситься визги и ор. Митча представляют. Зажмуриваюсь и встряхиваюсь всем туловищем. Окей. Собрался, блядь. Адреналин волной катится под кожей, распаляя на драку. Когда произносят мое имя, выхожу из-за двери и привычным маршрутом победителя прохожу сквозь толпу. Ко мне тянут руки, чтобы поздороваться, и я жму их некоторым особо настырным. Пусть порадуются. Телки скандируют «Кэш», растягивая мои губы в довольную усмешку. Хотят зрелища — сейчас я им устрою зрелище. И Рине в том числе.

Понимаю, что специально замедляю шаг, сканируя помещение и головы, в поисках знакомой брюнетки. И только дойдя до ринга нахожу. Ри стоит в самом первом ряду. На тонкой талии рука дятла, кости которой мне хочется переломать с особым удовольствием.

Широко улыбаюсь. Проходя мимо них, торможу прямо перед девчонкой. Рина встречается со мной взглядом, в котором я снова читаю далеко не безразличие. Подбородок задран, губы сжаты. Сладкие, пухлые, еще ночью стонавшие от моих ласк. Серый напрягается, но мне насрать на него. Не понимает так, буду говорить по-другому. Смотри и наслаждайся, мудак.

Склоняюсь и по-хозяйски кладу ладонь на тонкую шею, обтянутую какой-то дешевой цепочкой. Рина вздрагивает, когда я под сотнями любопытных взглядов говорю ей на ухо:

— Не надо играть со мной, Ри. Это очень опасно.

Демонстративно провожу языком по стремительно покрывающейся мурашками шее, давая понять всем и каждому,

кто здесь кому принадлежит, и вскакиваю на маты.

Под оглушительные скандирования начинаем бой. Несколько ударов наношу сразу, блокирую Митча и умело отскакиваю в сторону. Моя тактика заключает в себе небольшие пробежки и четкие удары в слабые места противников, о которых узнаю заранее или помню с предыдущих боев. Митча я уже укладывал раньше. Не составит проблем и сегодня. Противнику удается пару раз приложиться к моим ребрам и завалить на мат, но во мне сегодня слишком много ярости, чтобы позволить себе проиграть. Заламываю его и начинаю душить. Раз, два. Еще немного, но ему удается вырваться, ударив меня в солнечное сплетение. Шиплю, стараясь как можно скорее встать на ноги, а когда встаю, случайно натыкаюсь взглядом на Рину и Серого. Дятел что-то говорит ей на ухо, а она тем временем внимательно смотрит на меня. А потом…. Потом происходит то, что отбирает у меня драгоценные секунды.

Губы мудака опускаются на плечо, обтянутое топом, замыкая во мне все предохранители. Мне становится насрать на Митча. Хочу втащить уроду, трогающему МОЕ. Где-то на подкорке осознаю, что Рина вдруг что-то мне кричит, зеленые глаза в ужасе распахиваются, а потом внезапный оглушительный звон в ушах ослепляет. Голову пронзает боль. Перед глазами плывет, смазывая все в цветной туман. Рефери отсчитывает до трех, а я, блядь, не нахожу в себе силы чтобы хотя бы встать.

— Митч победил!

Сука!

Глава 26

Марина

— Рина, не надо этого делать! — Сережа крепко сжимает мои плечи, пока я затягиваю на запястьях потертые черные перчатки.

Внутренний мандраж грозится прорваться наружу, но я не собираюсь показывать ни ему, ни требующим хлеба и зрелищ зевакам, что меня легко сломить.

— Давай я заплачу за тебя.

Отрицательно мотаю головой и отстраняюсь. Зуб на зуб не попадает от нервов. Дернул же черт меня поставить сегодня на Матвея. Если бы еще сумму маленькую. Дура. Размечталась, что смогу заработать легкие деньги. В моем случае таковых не бывает. Все своими зубами выгрызаю и трудом. А теперь еще и кулаками придется.

Меня заранее предупредили, что если ставка не сработает, я должна буду принять участие в бою, таким образом отработав ее. Организаторам от подобного только денег больше приплывает. И самое ужасное, что драться нужно с парнем. С девушками-то был опыт потасовок. С ними легче. А вот с профессиональным бойцом сразу понятно, что в нокаут я уйду на первой же минуте.

Липкий страх струится по нервным окончаниям, но я его блокирую. Выхода все равно нет. Брать денег у Сережи не собираюсь. Такую сумму я ему не верну, а значит платить придется по-другому. Подобный вариант никак не входит в мои планы.

Из-за двери слышны крики публики, пока Сережа выхаживает по раздевалке из угла в угол. Правда я не знаю что его больше волнует. Я или потерянная круглая сумма, проигранная из-за Матвея. При воспоминании об угрожающем взгляде голубых глаз там на ринге, мне становится не по себе. Сережа со своими зажиманиями достал. Вот только после того, что произошло ночью, я должна была убедить брата Ланы в том, что он мне действительно безразличен, а для этого пришлось позволить парню себя облапать.

Нервный смешок едва не слетает с губ. Ага, безразличен. Уснуть не могла до самого утра. Кожу жгло и пекло от пережитых властных поцелуев и укусов. Внутри все горело, стоило вспомнить наши одуревшие ласки и хриплый надрывный шепот. А желание повторить все сначала хотя бы еще раз граничило с ненормальным.

Самокопание нарушает жуткий грохот двери о стену. Тот, о ком я очень старалась не думать весь день, кремирует взглядом

сначала меня, потом Сережу, вытаптывающего пол. Сглатываю, подбираясь и готовясь к нападению Матвея, нацеленного совсем не на меня, как оказывается.

Матвей тяжелыми шагами пересекает расстояние до Сережи и одним четким ударом в лицо заставляет парня замычать от боли.

— Какого хера ты разрешил ей ставить в долг?

Матвей

Мудак скулит, выпрямляясь и держась за нос.

— Она не захотела брать деньги.

— Не захотела, или ты решил сыграть по своим правилам? Знал же, что в таком случае нужно будет выходить драться.

Он точно знал. Все осведомлены о подобном исходе для должников. Подонок по всей вероятности надеялся, что Рина испугается и позволит за себя заплатить, а он потом воспользуется этим случаем и потребует благодарного секса. От мысли, что они уже какое-то время могут спать, меня кроет с новой силой. В затылке ноет и пульсирует от силы удара, с которой меня приложил Митч, но как только Рыжий рассказал о том, что Рине придется принимать участие в бою, все остальное ушло на второй план. Злость на эту самонадеянную дуру захлестнула.

— Матвей, я правда не захотела. Сережа мне говорил, что это опасно!

Голос Ри внедряется в сознание и обращает на себя мое вибрирующее внимание.

— Нахер вышел отсюда! — Серый дергается и пулей покидает раздевалку.

Вместо крови через сердце проходит серная кислота при взгляде на дикарку. Она сейчас походит на безумную кошку, готовую к прыжку. Смотрит на меня взглядом, полным вызова. Подбородок задрала, кулаки нервно сжимает.

Ступаю к ней и хватаю за шею. Пригвождаю к шкафчику, стараясь контролировать силу. Но контроль всегда был моей слабой стороной.

— Ты какого мать твою делаешь?

Рычу в даже не вздрогнувшее лицо. Рина сцепляет зубы. Как всегда непроницаемая и несгибаемая.

— Мне деньги нужны. Кто же знал, что ты решишь сегодня сдать позиции?

— Позиции сдать?

Я бы хер их сдал, если бы ты, стерва, не позволила какому-то мудаку себя облизывать.

— Ты хотя бы понимаешь, что тебе там могут отбить к

чертовой матери все внутренние органы, включая матку, дура?

Эмоциональная блокада Рины на короткое мгновение дает брешь, и по лицу проносится едва различимая тень. Чувствую, как она дрожит, но взгляд не отводит. Упрямая стерва!

— А что мне сделать? Через окно предлагаешь сбежать? Или тоже денег заплатишь?

Язва источает яд с пухлых губ, которые мне хочется сожрать.

— Для начала надо было не ставить в долг. Тебе правила объяснили?

— Да! Но ты так кичишься своими победами, что я решила рискнуть!

Блядь! Рычу и едва не ору ей в лицо от того, в какое положение загнала и себя, и меня. Рина прикусывает губу и спешно выдыхает, опаляя мое лицо холодным дыханием. Волнуется. Я и сам на пределе.

— Ты спала с ним?

Задаю единственный вопрос, имеющий сейчас значение. От её ответа зависят мои дальнейшие действия.

В зеленых глазах сверкает непонимание.

— С кем?

Повторять нет никаких сил, и так еле сдерживаюсь, чтобы не сдавить пальцы на шее сильнее. Утыкаюсь носом в напряженную скулу и веду по ней, втягивая запах, почти сутки не покидающий легких. Ожидание вспарывает вены изнутри. Скажи “нет”. Скажи мать твою “нет”!

— Не спала.

Резкий ответ вынуждает закрыть в благоговении глаза, потому что я верю ей. Дикарка не из тех, кто станет врать, нутром чую. Нахожу искусанные от страха губы и делаю то, что сейчас жизненно необходимо. Запускаю язык во влажный рот, улетая от того, как Рина стонет в ответ и сама вдруг яростно подается ко мне всем телом. Жадно встречается своим языком с моим, короткими ногтями вонзается в голый живот. Пожираю гранатовые губы, чувствуя, как ревность покидает тело, а на освобождающееся место заступает липкое чувство собственности. Оно мигает яркой неоновой вывеской и сигнализирует о том, что теперь все будет иначе. Никаких игр. Никакого долбанного пустого флирта. И никаких ублюдков на расстоянии полуметра.

Сгребаю длинные волосы на затылке в кулак, а потом больно кусаю Ри за нижнюю губу.

— Ай, — зараза шипит, отдергивая голову. В зеленых глазах вспыхивает злость, но она девочка умная, понимает за что получила.

— Еще раз пойдешь на подобное — убью! — цежу в

приоткрытый рот и поглаживаю пальцем рану от моих зубов.

Покашливание с порога заставляет нас одновременно обернуться.

— Вы конечно отличный спектакль тут устроили, но нам пора на другой. Готова, девочка?

Мирон едва не светится от радости. Мудак. Подобные случаи здесь редкость, потому что все знают, что бывает в случае проигрыша. Остерегаются ставить в долг. Позади его тучного тела нарисовывается Рыжий и опирается плечом на дверной косяк.

Ри все еще крепко ко мне прижата, что позволяет мне почувствовать, как секунду назад спокойное сердцебиение сбивается. Пульс несется, как сумасшедший. Несмотря на то, что страх от нее исходит волнами, мисс храбрость уверенно кивает головой и собирается оттолкнуть меня, чтобы добровольно пойти на эшафот.

— Нет, не готова, — отвечаю вместо нее.

Мирон вопросительно заламывает бровь, а Ри впивается в меня растерянным взглядом.

— Матвей, отпусти, — обдает мою щеку еще более холодным дыханием.

— Ты не пойдешь туда.

— Кэш, я понимаю, что ты за свою телку переживаешь и все дела, но девка проиграла, а правила ты знаешь, — Мирон потирает большим пальцем циферблат своих наручных часов и разводит руками. Ублюдок херов.

— Еще раз назовешь ее телкой или девкой, я вырву тебе глаз и поставлю на его место циферблат с твоих поддельных Ролексов.

Свинья недовольно выпрямляется, но предусмотрительно отмалчивается. Если меня кроет, я способен на многое. И он в курсе.

— Ей придется выйти. Народ ждет боя. Митч тоже.

— Я пойду вместо нее.

— ЧТО? — три голоса с разными интонациями летят в мою сторону. Обескураженный Рины, не верящий Рыжего и недовольный Мирона.

— Реванш, считай.

— Мот, у тебя и так может быть сотрясение, — Рыжий входит в раздевалку, смотря на меня как на ненормального.

— Ни хрена у меня нет. Потерял ориентацию немного, уже все в порядке.

— Матвей, нет! — тонкие пальцы до боли впиваются в мою кожу. — Я сама должна заплатить за свою ошибку. За меня рассчитываться не надо.

— Рот закрой, Ри! Теперь я решаю что ты и кому должна. А

точнее не должна.

— Кэш, этот бой должен быть слит, ты сечешь? — Мирон тоже подходит и понижает голос. — Когда мы выпускаем тех, кто ставил в долг, это значит, что все те, кто поставит сейчас на Митча — должны выиграть. А это почти сто процентов. Никто не ставит на новичка.

— Я не сливаю бой никогда! — отворачиваюсь от Рины и шагаю вплотную к организатору.

— Значит, пойдет она!

— Нет!

— Кэш, третьего варианта не дано. Либо идет она и отрубается на первой же минуте, либо идешь ты и сливаешься!

Сзади доносится свистящее «Пиздец» от Рыжего и нервное дыхание мне в плечо от Рины.

— Матвей, не надо! — холодные пальцы ложатся на мою лопатку, впрыскивая под кожу уверенность в том, что на этот раз я все делаю правильно.

— Объявляй меня! — киваю Мирону.

Прищуренный взгляд заплывших жиром глаз просверливает в моем лбу дыру, пытаясь сообразить дошел ли до меня его посыл, но так ничего и не поняв, ублюдок грозит указательным пальцем.

— Ты меня услышал!

Разворачивается и выходит.

Шумно выдыхаю, понимая на что себя обрекаю. Никогда не сливал бой. Это мой принцип. Либо дерешься до конца, либо не берись. Шавкой, дерущейся за бабки, не был и не буду. Дерусь, потому что мне это нравится. Меня прет от адреналина.

Перед тем как выйти в зал, оборачиваюсь и встречаюсь с немигающим взглядом зеленых глаз.

— Ни на шаг от Рыжего, поняла?! Если конечно хочешь чтобы я победил.

Глава 27

Марина

— Не волнуйся, — Сашка проталкивает нас в первый ряд и останавливается прямо напротив Матвея. — Он справится.

— Я так и не поняла, ему ведь нужно проиграть? — озвучиваю не до конца понятый диалог. Судя по словам Мирона, Кэш должен слить бой, что совсем не входит в планы этого говнюка. Я все еще пытаюсь осознать масштабы того, что последует за его решением победить. Или же он сольется?

— Нужно. Но сомневаюсь, что он пойдет на это, — неуверенно отвечает Рыжий и чешет затылок.

Встречаюсь с острым взглядом голубых глаз, каждый раз действующим на меня подобно крупной дозе марихуаны. Тело становится ватным, неконтролируемым. Матвей оскаливается, и я точно знаю, что этот оскал сейчас адресован мне. Прикусываю губу. Никогда прежде ни один человек не вступался за меня.

Вот только злость на лице парня, стоило ему узнать о том, на что мне предстоит пойти, точно была не поддельной. А этот вопрос — спала ли я с Сережей… Его не задают просто так…

Меня скрутило в узел от осознания, что Матвей мог действительно пойти вместо меня только потому, что как он сказал «я ему интересна». И ведь ладно если бы это был не второй бой за вечер. Сейчас боец явно слабее после полученного удара в голову.

Не замечаю, как начинаю грызть ногти после начала боя. Митч лыбится довольный недавней победой и чувствует себя королем ринга. Это видно по его ликующему взгляду. Каждый раз, когда противник проходит вблизи от меня, так и хочется наброситься на него сзади и удержать, чтобы Матвей мог быстрее справиться с этим надменным козлом.

Когда Митч заваливает Кэша и валится на него всей своей тушей, мое сердце ухает вниз. Замирает, прекращая биться. «Давай же вставай»!

Можно было бы обмануть саму себя, заверив, что волнуюсь только из-за того, что если он проиграет и отключится, меня могут все-таки вытолкать на ринг. Но на самом деле кусаю губы и даже не дышу оттого, что вдруг осознаю, что парню может быть больно. Лицо Матвея краснеет со скоростью ускоряющегося пульса в моих венах. Желание оттащить от него кретина в красных шортах бьется о плашку отметки максимум.

Вот только Матвей действительно не из тех, кто сдается. Он, оттолкнувшись от пола, умудряется выкрутиться и теперь уже

оказаться сверху на амбале. Сердце радостно подскакивает и ударяется о ребра.

Один удар в лицо черноволосого, второй, третий. Действуя, как машина, и совсем не считаясь с требованием организатора о сливе боя, Матвей буквально уничтожает противника. Зрелище не для слабонервных, но я, вопреки всем законам логики, ликую. Даже кажется визжу громче остальных, когда рефери объявляет его победителем.

Поворачиваюсь к Сашке, готовая наброситься на него с объятиями, чтобы разделить радость, но вместо ожидаемого торжества на лице его лучшего друга нечитаемое выражение. Толпа несется к Кэшу, отталкивая нас куда-то назад. Все о чем-то кричат, разного рода возгласы несутся со всех сторон. Я едва не теряюсь в этой вязкой массе, когда спустя какое-то время мою руку обхватывают и тянут в коридор. Затылок Рыжего мелькает впереди, пока он вытаскивая меня из водоворота скопища орущих и недовольных зрителей.

— Что происходит? — спрашиваю, оказавшись в коридоре.

— Они проиграли, — Саша отпускает мою руку и уверенно идет в коридор, а потом притормаживает и прикладывает палец к губам, давая знак вести себя тихо. Из приоткрытой двери доносятся мужские голоса, которые я тут же узнаю.

Мы останавливаемся и прижимаемся к стене, стараясь вести себя бесшумно. Что-то подсказывает, что этого разговора мы слышать не должны.

— Ты что о себе возомнил, сопляк? — грубо рявкает Мирон, если не ошибаюсь в имени. Но голос точно его.

— Я сказал, что сливать бой не стану.

— Ты хоть понимаешь, сколько бабла теперь мне торчишь, а?

Слышится удар ладонями по поверхности стола. Я щеку прикусываю. Все счастье от победы Матвея в мгновение рассеивается.

— Не ори! — голос парня хоть и не повышен, но отливает сталью. — Я знал на что иду и прекрасно отдаю себе отчет в том, что сделал. Половину я верну тебе частями, а вторую отработаю.

— Будешь драться за бесплатно?

— Да!

Что? Мысли скачут как блохи, а мне отчаянно хочется зайти к ним в кабинет и сказать, чтобы он этого не делал. Саша замечает мой порыв и предусмотрительно хватает за руку. Коротко качает головой.

— Серьезно? Ты готов драться за просто так? Понимаешь, сколько времени придется отрабатывать?

— На умственные способности никогда не жаловался, —

сквозь зубы отвечает Матвей.

— Хм. Ну смотри, — довольный тон мужчины позволяет догадаться, что он счастлив такому расположению вещей. — Коли так, то я согласен. Только стоит ли та шалава таких жертв?

Вместо ответа следует глухой удар и последующий за ним стон.

— Я предупреждал.

Рычание Матвея не сулит ничего хорошего. Действуя скорее на инстинктах, я вырываю руку из захвата Саши и толкаю дверь в кабинет. Матвей оборачивается, а Мирон держится за глаз.

— Выйди, Ри!

— Поехали домой!

Уверенно шагаю внутрь, игнорируя угрожающий взгляд колючих глаз. Вина острой гильотиной висит над головой и грозится сорваться вниз, если я хотя бы не вытащу его отсюда. Эмоции этого ненормального можно пилой пилить и не добиться результата. Он, как бешеный волк, стремится на волю и готов рвать любого, кто скажет хотя бы что-то не укладывающееся в его голове.

— Выйди!

— Да, девочка, выйди. Отрабатывать долго тебе перед ним придется. — рискующий остаться еще и без зубов Мирон усмехается и сплевывает на пол. Матвей переводит на него черный взгляд, но я резко делаю шаг к нему и обхватываю шершавую ладонь пальцами. Тяну на себя.

— Домой, Матвей!

— Езжай домой, парень! — хрипло требует Мирон, смотря на него исподлобья. — Я прощу на этот раз. Но только потому что ты мне должен. А еще потому что знаю, что ты как никто отработаешь долг.

Слава Богам, Матвей поразмыслив несколько секунд, разворачивается и тяжело идет за мной. Обгоняет и теперь уже ведет меня за собой. Можно только догадаться, что могло бы произойти, не покинь мы помещения.

Восстановить дыхание получается только когда мы, забрав его вещи, выходим из душного зала, оставляя позади гул недовольных зрителей, и садимся в машину.

Матвей подкуривает сигарету и со свистом срывается по ночному шоссе. Желваки ходуном ходят, пальцы с силой впечатаны в руль. Он даже не оделся. Как был в одних шортах, так и поехал. От перчаток только избавился, бросив их в спортивную сумку. На правом плече ссадина, кожа, покрасневшая после боя. Удушающее желание провести по каждому синяку оказывается невероятных размеров.

Такие, как Матвей, не принимают факта когда им указывают, а теперь из-за того, что он вышел вместо меня на бой, да еще и выиграл его, говнюк напрямую зависит от организатора. Можно было бы конечно обвинить его в чрезмерной принципиальности и несгибаемости. Свалить все на то, что можно было легко слиться и все остались бы довольны. Но только я бы поступила точно также. В этом мы очень похожи. Идти у других на поводу самое жалкое, что может сделать человек.

— Рина, ты хотя бы когда-нибудь делаешь то, что тебе говорят? — грубый вопрос вырывает из размышлений. Матвей глубоко затягивается и выдувает носом дым, переключая скорость на четвертую.

Автомобиль несется вперед, со свистом рассекая воздух.

— Нет! Так же как и ты!

Мимолетный взгляд царапает мою щеку. Дыхание спирает от скорости, с которой мы несемся по автобану. Слава Богу, что дорога объездная и по встречной почти никого. Только страх от этого не меньше. Ладони мгновенно мокреют и инстинктивно впиваются в дверную ручку.

— Не сравнивай. Ты — баба, Рина! А баба должна слушать меня. Что за привычка лезть туда, куда нельзя, блядь?

Ярость начинает сочиться из него, как сквозь сито. Воздух наполняется не только сигаретным дымом, а еще и электричеством.

— Указывать будешь кому-нибудь другому! — вкладываю в голос весь протест против его идиотских утверждений. — Я не твоя шавка, чтобы диктовать что мне делать, а что нет. Я тебе, конечно, очень благодарна за то, что ты сделал для меня, но не нужно теперь разговаривать со мной, как с должницей. Я не просила этого делать.

Правая нога парня резко давит по тормозам, и одновременно с этим он выбрасывает руку вправо, спасая мою голову от неизбежного удара о торпеду. Машина съезжает на обочину, пронесясь еще метров десять вглубь посадки.

С громким хлопком дверью Матвей обходит мерседес и открывает дверь с моей стороны. Хватает за запястье и рывком вытаскивает на улицу. Едва не падаю, ноги скользят по гравию. Сильная мужская рука сдавливает мои щеки. Спиной вжимаюсь в холодный белый кузов.

— Блядь, ну ты и стерва! — горячее дыхание врезается в мои сжатые длинными пальцами губы. — Будь ты мужиком, я бы тебе уже в рожу дал!

Вниз по позвоночнику струится ток, как по оголенным проводам, проникая в нервные окончания. Плотно сжатые губы

почти касаются моих, вынуждая едва не свалиться от нахлынувших порабощающих острых ощущений.

— Но я «баба», — бросаю в него его же словом, — а что ты сделаешь с бабой?

Упираюсь в каменный торс ладонями и невольно прижимаюсь крепче.

— Баб я обычно трахаю.

Мудак!

Дергаю головой и ногой бью его по внутренней части бедра. Не попадаю куда целилась и завожусь еще сильнее. Трахает он!

Давящее ощущение в грудной клетке в секунду разрастается, но тут же растворяется, стоит уверенным губам припасть к моему рту и буквально атаковать жестким поцелуем. Мужская рука перемещается на затылок, сгребая волосы в кулак. Горячая волна неоправданного желания захлестывает сознание, но я все еще сопротивляясь кусаю его за губу. Явно сильнее, чем сегодня он меня. Надежда на то, что псих отстранится, тает, как только Матвей гортанно зарычав, углубляет поцелуй, сталкивая наши языки.

— Дикарка чертова, — опаляет рот жестким дыханием и задирает майку, чтобы сжать в ладони грудь.

О, Боже! Хочу послать его, но изо рта вылетает громкий стон. Кажется, мир покатился ко всем чертям…

Глава 28

Марина

У каждого в жизни наступает точка кипения. Когда эмоции больше не в состоянии сдерживаться и с бурлящим шипением извергаются наружу. Когда происходящее вокруг теряет всякий смысл, концентрируясь только на градусах, вынуждающих кипяток выплескиваться из сосуда.

В моей жизни точка кипения достигается именно в этот момент. Огнем, поджегшим изнутри, оказался не кто иной, как чертов подонок. Самонадеянный ублюдок, которого с первой встречи хотелось убить, но одновременно с этим было интересно узнать каков он изнутри.

Не знаю что это — безрассудство, основанное на том, что ради меня впервые кто-то совершил значимый поступок, или же слабость перед Матвеем. Но в тот самый момент, когда он вытащил меня из машины, я поняла, что больше не могу сопротивляться. Не хочу. Хоть раз в жизни мне жизненно необходимо не самой решать, а подчиниться.

А этому говнюку сложно не подчиниться. Практически невозможно. Это как пытаться отказаться от воздуха и не дышать. Я старалась закрывать нос, но внутри каждый раз содрогалась, стоило наглой сволочи оказаться рядом и, не прилагая особых усилий, заставить меня разжать пальцы, чтобы сделать глоток нет, не кислорода… ЕГО!

Язык Матвея жестко таранит мой рот, руки властно сминают талию, рывком стаскивают майку и выкидывают в неизвестном направлении.

Волна острого и даже болезненного желания устремляется прямо вниз живота, скапливаясь в одной точке.

Кусаю Матвея за плечо, именно когда он с треском рвет на мне лифчик и отправляет его следом за футболкой. Рывком разворачивает к себе спиной и упирает голой грудью в холодный от ночной прохлады металл.

Громкий вскрик покидает легкие, а по коже проносится рой мурашек. Зажмуриваюсь, ощущая, как мои бриджи скользят вниз по ногам.

Колени слабеют и подкашиваются. Здравый разум вопит о том, что я дура. Столько лет себя беречь, и все ради чего? Чтобы в один момент сдаться мажору прямо на улице? На обочине дороги?

А мне плевать! Возможно, это первый и последний раз когда я поступаю именно так. А может и нет. Кто знает, где я окажусь

через десять лет и окажусь ли вообще. Но знаю точно, что если бы Матвей хотел трахнуть меня раньше, он бы это сделал. Мы не единожды спали под общей крышей, но он дал мне сделать свой выбор. И я его сделала.

— Прогнись, Ри… — мои ягодицы обдает жестким дыханием. Мужские ладони сжимают их и разводят в стороны. Состояние тотального помешательства даже не дает проанализировать его просьбу, а соответственно и выполнить.

Ох, чееерт! В глазах тухнет свет, когда Матвей резко дергает мою ногу вправо, отодвигая ее в сторону, и тянет на себя за бедра, вынуждая прогнуться.

Треск кружевной ткани растворяется в ночной глуши, а потом мою промежность обдает током, стоит острому языку заскользить вдоль сверхчувствительных складок. Мгновенно слабею и почти теряю ориентацию.

Мой стон вырывает из Кэша очередное гортанное рычание.

— Я потом продолжу, — раздается прямо над ухом, когда в ягодицы упирается каменная твердость через слой спортивных шорт, — сейчас до ошизения хочу в тебя!

Наглые руки по-хозяйски накрывают мою грудь, зубы впиваются в шею. Секунда, и я оказываюсь к нему лицом. Твердыми сосками трусь о покрывшуюся каплями пота грудь.

Ощущение, что внутри меня скопилась энергия всего земного шара, и если её не выпустить, она разорвет меня на части. Между ног пульсирует, сердце пытается переплюнуть отбойный молоток по количеству ударов в секунду. Дрожащими пальцами отодвигаю резинку белых шорт и выпускаю наружу тяжелый член. Нервно сглатываю. Видеть парня без штанов далеко не впервой. Вот только подобным размером может похвастаться далеко даже не каждый третий.

Не успеваю поразмыслить над тем, что для первого раза это будет слишком. Мысли выбиваются из головы сразу же когда Матвей снова целует меня. Ласкает ладонями грудь, перекатывая между пальцами соски, и опускает руку вниз, чтобы умело найти клитор и нажать на него.

Мой жалобный стон оседает в его горле. Крошечные змеи расползаются от места, которое он так умело ласкает, и еще немного и я точно кончу.

Широко открываю глаза в момент, когда кажется, что оргазм вот-вот захлестнет, но тут же громко кричу и зажмуриваюсь, ногтями впиваясь в широкие плечи. Тело прожигает режущей болью, потому что в эту секунду Матвей поднимает меня под ягодицы и одним резким толчком входит внутрь.

Кажется, воздух вокруг нас каменеет. Я не дышу, стараясь

почувствовать свое тело, растянутое до предела.

— Твою мать, Ри!

Даже с закрытыми глазами ощущаю на себе пронизывающий взгляд Матвея. Он не движется, словно сам пытается осознать что сейчас произошло. Тяжелое дыхание опаляет мой висок. Пальцы впиваются в ягодицы, а я боюсь даже пошевелиться.

— Открой глаза, Рина! — требовательный голос вибрирует на щеке. Матвей держит меня на весу, давая время на то, чтобы боль стихла.

Поднимаю веки и встречаюсь с черными, как чернильное пятно, глазами. Каких-то пару секунд Матвей сверлит мое лицо нечитаемым взглядом и крепко сжимает зубы. Ожидала ли я увидеть выражение торжества? Возможно. Но его нет. Как нет и превосходства или разочарования. Он будто разделяет со мной этот миг, один на двоих.

В который раз удивляя, Матвей упирает меня спиной в кузов.

— Обопрись на машину и обхвати меня ногами! — распоряжается севшим голосом.

Боль практически уходит, и я могу сделать то, о чем он просит. Переплетаю ноги за мужской спиной. Матвей еще несколько секунд изучает мое лицо, выискивая намеки на то, что мне больно.

— Нормально? — в охрипшем голосе непривычная теплота, оседающая у меня в районе сердца.

На реальную заботу от него я даже и не надеялась. Но в последние дни все словно с ног на голову перевернулось. Киваю, давая зеленый свет.

Матвей обхватывает мое лицо ладонью и проводит большим пальцем по губам. Склоняется, чтобы обвести контур языком, а потом проникнуть им в рот. Возбуждение выбирается из угла, в который забилось загнанное неожиданной болью, и дает о себе знать с новой силой.

— Ри, ты ненормальная, — слова Матвея между поцелуями отдают новым ударом тока, — совсем без тормозов! — бедра Матвея начинают двигаться, порождая абсолютно неизвестные мне ранее ощущения, — и я пиздец как хочу тебя! Теперь еще больше!

Его член скользит внутри меня, растягивая под себя, подстраивая. Сначала медленно, но с каждой секундой все быстрее и резче. Губы опускаются на мое плечо и жадно втягивают кожу. Я откидываю голову, вонзаясь пальцами в короткий ежик волос. Оттягиваю его голову и нахожу жесткие губы.

Спустя каких-то несколько секунд Матвей отпускает себя,

снова алчно набрасываясь на мой рот. Кусая, всасывая язык и сталкиваясь зубами. Да и кто бы сомневался, что такой дикий, как он, способен долго удерживать собственное желание. Он дал мне фору в пару минут, чтобы привыкнуть к нему, а теперь по-хозяйски берет свое. А я и не против. Мне необходимо его зверское желание, его бешеная энергетика, с которой не может посоревноваться ни один из знакомых мне парней.

Резкие глубокие толчки выбивают искры из глаз, закручивая в воронку необратимого удовольствия. Звуки соприкосновения наших тел возбуждают сильнее просмотренных видео на порнхабе. Каждый раз, когда безжалостный член врезается в мое наэлектризованное тело, я кричу. Бесстыдно. Громко. Надрывно.

— Кричи, Рина! — жесткая ладонь обхватывает мою спину и с силой прижимает к себе. — Громче!

Ненормальный способен сломать мне кости, но сейчас это не имеет значения. Я готова пожертвовать несколькими, если это мощное ощущение наконец найдет выход. Толчок, еще один.

— Давай, Риии! — Матвей и сам не замечает, как срывается на рычание.

Я почти уверена, что не смогу кончить. Ощущения гипер захватывающие. Слишком давящие. Интенсивные. Непривычные в своей новизне. Меня разрывает от противоречивых желаний. Взорваться и в этот же момент умолять его остановиться. Я начинаю метаться в его руках, мотая головой из стороны в сторону, пока Матвей продолжает вести меня вперед по горящим углям.

— Нет, — шепчу пересохшими губами, — не могу…

— Можешь! — в ответ гневное рычание.

Влажный язык скользит по моей скуле к уху. Шершавая ладонь накрывает шею спереди и сдавливает.

— Знаешь, сколько раз я представлял этот момент? — хриплый голос уверенно подводит к черте, за которой от меня не останется и следа. — Как сжимал член, зная, что ты спишь за стенкой? А хочешь узнать, что я подумал, когда увидел тебя впервые? — большой палец его левой руки проталкивается сквозь мои губы, и я начинаю его инстинктивно посасывать. — Что мы похожи. Ты и я. И что в сексе ты такая же ненормальная, как я. И я угадал. Ты ненормальная, Рина! Чокнутая! Ты жутко меня бесишь! Выводишь из себя! Вызываешь желание сдавить твое горло и трахать. Трахать так, как буду трахать тебя только я. И ты никогда не сравнишь меня ни с кем другим, потому что я просто не дам тебе такой возможности! Поняла меня?

На последних словах пружина внутри меня со звоном разрывается, пронизывая все нервные окончания, и я с криком

выгибаюсь, вонзая ногти в напряженные плечи Матвея. Он стонет, со звонкими шлепками продляя мое удовольствие, а потом резко вытаскивает член и, удерживая мой плывущий взгляд, кончает мне на живот, орошая его теплой вязкой спермой.

Каждая мышца моего тела дрожит. Чувствую себя обессиленной и выжатой до последней капли. Откидываю голову на кузов машины и слушаю резкое дыхание Матвея. Мыслей нет ни одной. Они все куда-то исчезли. Все завтра. Все потом. Сегодня есть мы.

Глава 29

Матвей

— Ты животное, — сотрясается Ри, глядя на валяющееся порванное белье и испачканную в земле белую майку.

Тяну широкую улыбку, глядя на миниатюрное голое великолепие. МОЕ голое великолепие, старающееся выглядеть недовольной, но тщетно проваливающее этот спектакль.

— Да, — признаю как факт, — и далеко не домашнее.

Открыв капот, достаю из сумки свою футболку и протягиваю ей. Рина одевается и собирается натянуть бриджи, но я вырываю их из ее рук и закидываю в багажник.

— Мне так больше нравится! — захлопнув багажник, притягиваю дикарку к себе за талию и целую, пробегаясь пальцами по голой влажной промежности. Стройные ноги сжимают мои пальцы, не пуская дальше, но я с силой пробиваюсь вперед и обхватываю ладонью лобок. — Это МОЕ!

— Матвей, тебе никто не говорил, что ложное чувство собственности не приносит никакой радости? — Ри заглядывает мне в глаза, но я-то знаю, что это просто демонстрация острых зубов. Зубов, которые, кстати, мне нравятся в ней с первой встречи.

— Ложное — нет, реальное — даааа! — глубоко целую свой сюрприз, почти выбивший почву из-под моих ног.

Усевшись по местам, мы выезжаем снова на трассу. Рина берет с приборной панели пачку сигарет и подкуривает одну.

— И мне подкури!

Спустя секунду протягивает мне сигарету, и я наконец затягиваюсь. Курить хочется дико.

Бросаю взгляд на голые ноги девчонки и все еще не могу поверить в то, что она еще каких-то пятнадцать минут назад была целкой. Скажи мне кто-нибудь, что грид-герл вообще могут не заниматься сексом, я бы заржал в лицо. Но как показывает практика, не все в жизни идет по устоявшимся правилам.

Я, когда вскрик ее услышал и почувствовал, как член сжался узкими стенками, думал искры из глаз повалят. Она даже побледнела в ту секунду, а я почувствовал единственное желание — облегчить причиненную боль. Нелогичное, не вписывающееся в состояние тотального возбуждения, но упрямое и покрывающее остальные. Только покинуть ее тела уже не смог. Дождался, пока привыкнет и с лица сойдет гримаса боли, а потом взял свое. Именно СВОЕ!

Сейчас еду и чувствую легкое покалывание по всему телу,

глядя на свернувшуюся на кресле девчонку. Не то, чтобы я горжусь тем, что она дала мне первому. Я горжусь тем, что она не давала никому до меня! В моем окружении крутятся шлюхи, раздвигающие ноги по первому требованию, потому что считают, что это круто, и мы премся от их готовности отсосать в любом углу. Дуры тупоголовые. Дешевки, потерявшие свою гордость и обесценившиеся до потертого пятака.

Рина же, блядь, эта дикарка вывернула мои мозги наизнанку. Только сейчас замечаю, какая она на самом деле уязвимая. Ри затушила сигарету и, забравшись на сиденье с ногами, уставилась в окно. Обхватила себя за плечи, а у меня правая рука зудит. Не согласовывая действий с мозгом, обхватываю притягательную заразу за шею и тяну к себе. Удивленный взгляд зеленых глаз дает понять, что она не ожидала подобного. Но мне реально хочется, чтобы дикая девочка была ближе.

Одной рукой удерживаю руль, а второй — прижимаю к себе, пока она устраивает голову на моем плече. Носом провожу по растрепанным волосам и замечаю, как долбанное покалывание усиливается. Блядь, кажется, я попал по самые яйца.

Домой мы приезжаем ближе к часу ночи. Мелкая уже спит в это время, поэтому без свидетелей поднимаемся на второй этаж. Рина останавливается у своей спальни и оборачивается ко мне.

— Футболку отдам завтра.

Заламываю бровь и хмыкаю.

— Хорошая шутка, я оценил.

Разворачиваю стерву за талию и, шлепнув по заднице, подталкиваю к своей комнате. Если она думает, что я отпущу ее спать, то очень ошибается. Ри останавливается посреди коридора, демонстрируя непокорность, и оборачивается.

— Я спать собираюсь вообще-то!

— Поспишь. Потом.

Отрезая дальнейшие препирания, закидываю тело весом в максимум пятьдесят килограмм чистого удовольствия на плечо и несу к себе. Несильно впиваюсь зубами в оказавшуюся рядом с лицом задницу и получаю шлепок по собственному заду. Ржу и, толкнув дверь, вхожу в комнату. Защелкиваю замок. Мало ли что мелкой в голову может взбрести. Не хочу, чтобы сестрица потом кошмары видела.

Сбрасываю добычу на кровать и облизываюсь. Произведение искусства, не иначе. На раскрасневшемся лице буря эмоций, включая раздражение и смущение. Не знал, что они могут существовать в гармонии.

— Матвей, еще одного раунда мое тело не выдержит!

Ри приподнимается, но я толкаю ее обратно и нависаю

сверху.

— Ты еще не знаешь возможностей собственного тела, Риии! Мы исследуем каждую, обещаю!

— Тебе не кажется, что ты максималист? — глаза напротив наполняются задорным блеском, пока холодные ладони упираются в мою грудь.

— Только максималистам доступны все мирские блага, потому что минималисты никогда ничего не добиваются. А я всегда получаю то, что хочу.

Тонкие пальцы больно щипают мою кожу. Зараза. Рывком поднимаю ее с кровати, стаскиваю через голову футболку, оставляя голой, и развернув, веду в ванную комнату.

— Мы и душ принимать будем вместе? — Ри складывает руки на груди, пока я настраиваю воду.

— А ты хочешь как в детском лагере? Девочки налево, мальчики направо?

Тихий смех заставляет меня перевести на улыбающееся лицо взгляд.

— Я просто представила в какой ремонт обойдется моя попытка вытолкать тебя за дверь. Одной заменой двери обойдемся?

— Еще и воздвижение новой стены посчитай.

— Я так и подумала.

Ри ослепляет меня искренней улыбкой, а потом прикусывает губу, стоит мне избавиться от шорт.

— Он у тебя вообще ложился?

— Имеешь в виду вообще или несколько минут назад? — уточняю, утаскивая ее за собой в ванну. Задергиваю шторку.

— А есть разница?

— Во время боя лежит. Чревато знаешь ли.

Ри снова смеется, а потом резко замолкает и хватает ртом воздух, когда я, налив в руку гель для душа, опускаю ее и провожу пальцами по атласным складкам. Член дергается, приказывая мне развернуть девчонку спиной и дать ему протолкнуться в горячую влажность, но я затыкаю его. Место, блядь! Я ловлю кайф от затуманившегося взгляда напротив и от стекающих по щекам капель горячей воды.

Я очень медленными дразнящими движениями размазываю пену по упругой коже плоского живота, обхватываю грудь с мгновенно заострившимися розовыми сосками. Большими пальцами ласкаю их и слегка оттягиваю, вынуждая Рину выгнуться ко мне навстречу. Блядь, до чего ж она сексуальная!

Неожиданно ее рука проводит по собственному животу, собирая пену, и опускается на мой член. Оказываюсь не в

состоянии сдержать шипения, когда ловкие пальцы сжимают ствол и растирают по нему белый гель, смывая едва заметные следы своей же крови.

— Ты играешь с огнем, Ри! — тяну уголок губ вверх, и в ответ получаю улыбку с вызовом. Амазонка чертова, знает правила игры и ставит шах.

Изящная рука начинает действовать активнее. Ри приподнимается на носках и сама находит мои губы. Специально крепче вжимает в меня свои соски и начинает мне дрочить.

— А я люблю играть с огнем! — чувственный шепот на ухо закорачивает нервные окончания.

Зеленые глаза встречают мой взгляд. Читаю в них превосходство и откровенное удовольствие от того, что она делает. Радужка почти полностью затянута темным, сердце грохочет как ненормальное. Она чертовски возбуждена и заводится еще сильнее, понимая, что сейчас делает со мной.

Рука движется немного неуверенно и не совсем там, где сейчас нужно. У самого основания. Опираюсь кулаком на стену позади Рины.

— Остановись и просто сдави его! — требую, смотря в мои персональные заводи.

Рука послушно замирает, захват усиливается. Начинаю двигать бедрами вперед, скользя в том темпе, в котором мне нужно, и головкой толкаюсь в мокрую ладонь. Ри не сводит с моего лица взгляда. Едва касается губами моих. Не целует, просто ловит мое рваное дыхание. Сама дышит через раз, пока я скольжу членом в кольце ее пальцев. Мышцы начинают гореть от напряжения. В затуманенных глазах столько неприкрытого желания и чертовщины, что мне снова хочется ее сожрать. Захватываю в плен истерзанные губы и, оттянув нижнюю зубами, ныряю языком в рот. Ри протяжно стонет и свободной рукой притягивает меня к себе за талию. Такое простое движение, а мой мозг его воспринимает как нечто, что вышибает разум. Она впервые притягивает меня сама.

Резче толкаюсь членом вперед, каждый раз ударяясь головкой ей в живот, а спустя несколько секунд бурно кончаю прямо в покрытую пеной руку. Глаза Рины наполняются торжеством, пока я восстанавливаю дыхание.

— Довольна? — ухмыляюсь, оставляя поцелуй в уголке пухлых губ. — Теперь моя очередь.

Вымывшись и наспех обтеревшись полотенцем, я буквально выталкиваю дикарку в комнату и сразу же заваливаю на кровать, чтобы наконец насладиться ее терпким вкусом. Ри уже охренеть какая влажная, когда мой язык оказывается на чувствительных

складках и раздвигает их, чтобы нырнуть внутрь нее. Выгнувшись дугой, она прикусывает руку и рефлекторно шире раздвигает ноги.

— Умничка, Риии! — мурлычу в ее горячую влажность и осторожно поглаживаю пальцами манящее отверстие. В мозгах долбит «Моеееее».

За несколько минут активных ласк языком она хватает меня за волосы и кончает, стараясь громко не стонать, а меня это бесит. Хочу ее сумасшедших криков, как на улице. Освобождаюсь от оков из холодных пальцев и нависаю сверху.

— Хочешь попробовать себя? — говорю ей в губы и трусь о них своими.

Темные глаза вспыхивают огнем, когда я склоняюсь и начинаю ее целовать, вместе с этим медленно проникая во все еще пульсирующую плоть. Ри сжимается, но я кладу руку ей на шею и поглаживаю, продолжая целовать.

Появляется стойкое ощущение, что мне теперь всегда будет ее мало. Сентиментальный бред, основанный на передозировке гормонов и ударившей в голову сперме, но как еще объяснить то, что я снова думаю о том, чтобы сделать приятно в первую очередь девушке, а не использовать ее как носителя вагины и рабочего рта?

Отрываюсь от истерзанных губ, чтобы взглянуть в затянутые дымкой желания глаза. Рина не жеманничает, не пытается соблазнительно кусать губы и наигранно постанывать каждый раз, когда я толкаюсь в нее членом. Просто смотрит на меня своими глазищами и сгребает простынь в кулаки. От её неподдельной искренности меня ломает.

— Высунь язык, Ри!

Кончик острого языка спешно пробегается по красным после поцелуев губам, а потом она делает то, о чем я прошу. Достает язык. Медленно опускаю голову и обхватываю его губами. Всасываю в рот и придавливаю своим языком, поглаживаю, дразню, теряясь от тихого стона, простреливающего мое горло.

Я ведь только кончил в душе. А теперь снова чувствую эту наэлектризованную волну в пояснице. Давно я так не хотел никого.

Отпускаю язык Рины не в состоянии сдержать ухмылки. Кажется, она еще немного и кончит.

Резко выхожу из нее и переворачиваю дикарку на живот, упиваясь удивленным возгласом. Не давая возможности прийти в себя, вытаскиваю из-под покрывала подушку и заталкиваю её девчонке под живот, тем самым приподнимая задницу кверху.

Ох и вид. Член наливается еще сильнее, хотя я думал, что это

уже невозможно.

Ложусь сверху и осторожно ввожу его обратно в горячую мокрую плоть. Стенки туго обхватывают ствол, пока я стараюсь продержаться хотя бы еще немного. Это блядь нереально!

— Ты такая узкая, — впиваюсь зубами в покрытое капельками пота плечо и прикусываю кожу. Охеренно вкусная. Особенная. Никем не тронутая. В затылке глухо пульсирует, когда осознание полностью внедряется в разум. Мне себя отдала. Не кому-то другому. Сердце вырывается из грудной клетки и бомбит как ненормальное.

Ри обнимает меня за шею рукой и стонет в простыню. Чувствую, как хаотично подрагивают мышцы на её ногах, пока я наращиваю темп.

Подаюсь назад и тут же вперед, просовываю руки под небольшую грудь и обхватываю идеальные полушария ладонями. Меня стремительно несет вперед, в голове мутнеет, перестаю соображать.

— Рииииии, — её имя выдыхается само собой.

— Матвей, — летит надсадное в ответ.

— Рииии.

— Матвей.

И я знаю от чего меня кроет еще сильнее. Марина первая кто называет меня Матвеем. Не Мот. Не Кэш. А Матвей.

Рина поворачивает ко мне лицо и целует. Теперь уже сама ловит мой язык, кусает его, сосет, пока я почти отпустив себя, вколачиваюсь в соблазнительное тело.

— Я бы тебя затрахал, не будь это твоя первая ночь! — в перерывах между поцелуями выдыхаю ей в рот и тут же сильно сжимаю грудь с торчащими сосками, когда она начинает пульсировать вокруг моего члена и содрогаться от оргазма.

Эти хаотичные сдавливания выжимают из меня протяжный стон, и я еле успев вынуть член из скользкой влажности, кончаю на упругие ягодицы.

Девочка с трудом дышит, побелевшими пальцами вцепившись в покрывало, а я пытаюсь собрать себя по частям. В висках бомбит, сердце на разрыве, мышцы дрожат от перенапряжения. Растираю ладонью сперму по упругой заднице и съезжаю на бок, чтобы притянуть к себе едва живую малышку.

— Болит?

Кончиками пальцев пробегаюсь по гладкому лобку. Кожа Рины покрывается мурашками.

— Пока не очень. Думаю, завтра будет, — в мелодичном и удовлетворенном голосе улыбка и едва заметное смущение.

Не понимаю почему мне хочется улыбаться, как придурку, но

я это делаю.

Хочу эту заразу еще. В разных позах. На всех поверхностях. Чтобы с поцелуями и дикими воплями. Укусами и сносящим крышу сумасшествием. Знаю, что уже через несколько минут буду готов и дальше трахать её, но понимаю, что для непривычного к гонкам тела это будет слишком. Ничего, я подожду. Теперь я свою дикарку никуда, блядь, не отпущу!

Глава 30

Марина

Матвей отключился почти мгновенно. Думаю, от участи полноправной ночи секса меня спасло то, что еще вчера я была девственницей. Сомнительно, чтобы этот зверь выпустил меня из своих лап раньше рассвета.

Глупо улыбаюсь, в темноте рассматривая расслабленные мужские черты лица. Волчара на отдыхе, не иначе.

Он действительно дикий. Можно только представить, во что вылилась бы эта ночь, будь я подготовлена к его аппетиту.

Переворачиваюсь на другой бок и устремляю взгляд в темную стену. По-хорошему нужно как-то вернуться в свою спальню. Не хочется, чтобы утром Лана обнаружила меня здесь. Полежу еще немного и пойду. Стойкое желание, чтобы эта ночь не заканчивалась, буквально витает в воздухе. Я обязательно поговорю с девчонкой. Понятия не имею, чем обернется моя слабость и чего ждать от следующего дня, но врать в ее честные глаза я больше не смогу. И так в последние дни вела себя неправильно по отношению к ней.

Сейчас, когда я понимаю Матвея и причины его поведения с сестрой, смотрю на ситуацию с другой стороны. Возможно, мне удастся каким-то образом сблизить этих двоих. Естественно, что дело непростое, и Матвею в первую очередь нужно признаться самому себе в своих мотивах, но я хотя бы смогу объяснить Лане, что он не такой козел, каким кажется. Понятия не имею как она отреагирует на мое чистосердечное признание, и думаю, что это именно та причина, по которой сейчас не получается уснуть. Терзает червяк сомнения. Она ведь может не принять того, что я как очередная шлюха раздвинула ноги перед ненавистным братом. Может додумать что угодно. Со стороны оно, наверное, так и выглядит.

Я действительно больше не нашла в себе сил сопротивляться. Да и не хотела искать их. Дело не в том, что он пошел ради меня на поступок. Скорее в том, что это дало мне понять каков Матвей на самом деле.

Сжимаю ноги, вспоминая его дерзкие ласки, распирающий член и самое главное взгляд, полный прикрытой заботы. Он действительно не хотел причинить мне боль и, как оказалось, именно в этот момент я сдалась не только телом.

Боже, как все это глупо. Неужели я лежу и размышляю о парне? Как дура вспоминаю каждое его слово, а кожа все еще горит, тая в себе отголоски наших сумасшедших кувырканий в

постели. В груди растекается несвойственное тепло, от которого даже сердце стучит чаще.

Не знаю, на протяжении какого времени устраиваю себе мозговой штурм, но солнце успевает окрасить утренним светом стену напротив. Начинаю проваливаться в сон, когда телефон на тумбочке выдергивает меня из неги грубой вибрацией. Приподнимаю голову. Кто бы мог звонить в такое время?

Пять букв на экране смартфона Матвея заставляют напрячься. “Настя”.

Шевеление позади меня намекает на то, что парень проснулся. Кладу голову на кровать и прикрываю глаза. Зачем? Пока не понимаю, но скорее всего это глупое желание понять, что он будет делать.

Матвей осторожно перегибается через меня, тихо сматерившись берет телефон и отправляется в ванну.

Прикрывает дверь, но я все равно отчетливо слышу каждое произнесенное слово.

— Да. Узнал. Соскучилась? — расслабленный голос с легкой издевательской интонацией не дает усомниться в том, что эта Настя для него явно не чужая. — Кто бы сомневался. Ну приходи днем, покажешь, как ты соскучилась!

На последних словах мое тело каменеет, а сердце начинает остервенело колотиться в грудную клетку. Желание вскочить, дать ему по морде так сильно, что приходится до боли впиться зубами в щеку с такой силой, что на глазах выступают слезы, но я продолжаю делать вид что сплю, пока ублюдок возвращается и ложится обратно в кровать. Если бы через две спальни не спала Лана, я бы разбила о его голову лампу, но сейчас я не готова к выяснению отношений еще и с ней.

Матрас под тяжелым весом прогибается, а я не могу пошевелиться. Чувствую себя самой последней дурой. Наивной дурой, коей никогда не была. Всегда умела расставить границы, увидеть ложь и лицемерие. Раскусить мужиков на раз-два. А сейчас так адски ошиблась.

Сама же внушила себе то, что говнюк не скотина. Повелась на пацанские штучки и теперь выгребаю. Отлично, Рина, браво.

Едва дождавшись, что дыхание позади меня станет размеренным, тихо встаю с кровати и, даже не оглянувшись, отправляюсь в свою комнату. Собираю сумку, оставив вещи Ланы в шкафу. Я их не заслуживаю. Как же девчонка была права. А я идиотка еще собралась их сближать. Оборачиваюсь к зеркалу и наспех завязываю хвост. Врастаю в пол, когда замечаю, как из глаз текут слезы.

Я столько лет не плакала. Ограждала себя от эмоций и теперь

из-за этого подонка снова ощущаю это отвратительное чувство. Дрянное чувство ненужности и слабости.

Крепко сжимаю зубы и со злостью растираю по щекам ненавистную влагу.

Ненавижу его! В груди больно давит, но я стараюсь игнорировать это чувство.

Хватаю сумку, быстро оглядываюсь, проверяя, чтобы ничего забыла, и бесшумно спустившись по лестнице, выхожу из дома. Пешком бреду в сторону ближайшей остановки. Упрямо вперед. Не оборачиваясь. Солнце только поднялось из-за горизонта, обещая новый день, а мне кажется, что его свет потух.

Посреди дороги обессиленно приседаю на корточки и обхватываю голову руками. Дышать тяжело, огромный ком в горле душит, но я раз за разом его проглатываю. Не смей плакать! Не смей, Рина! Этот говнюк этого не достоин!

Ты с самого начала знала, что так будет. Такие как Матвей чудесным образом не меняются. Сегодня я, завтра другая, послезавтра третья. Кобели по натуре не станут верными и преданными. Нужно было уже давно это понять. Оказывается, я тоже не потеряла способность верить в сказки. Жалею ли о том, что сделала? Нет. Я никогда не жалею о своих поступках. Они помогают набраться опыта и стать сильнее. Вот только почему-то именно сегодня боль от очередного падения по-особенному острая.

Рвано втягиваю в легкие воздух, стараясь изгнать из памяти улыбающийся образ подонка. Кажется, я вся пропахла его запахом, потому что он буквально зудит по всей коже, принося мучение. Зажмуриваюсь, остервенело стирая чертовы слезы и рывком выпрямляюсь.

На секунду задумываюсь куда же теперь пойти. Квартиру еще не нашла. В бар отправляться нет сил и желания. Мне нужно пространство, чтобы вернуть растрепанные чувства в норму. Остается только один вариант. Мои друзья, от которых я съехала несколько месяцев назад, чтобы окончательно не слететь с катушек.

Набираю Вику. Спустя несколько гудков подруга сонно ворчит:

— Ринка? Офигела в такую рань звонить?

— Вик, я возвращаюсь!

Глава 31

Матвей

— Кэш, харе спать, — голос Рыжего внедряется в мой до одурения приятный сон, в котором Рина в кожаных перчатках, забравшись на меня сверху, дубасит меня, а потом стаскивает свою майку и просовывает мне язык в рот.

Распахиваю глаза, когда в сознание врывается мысль о том, что Рина ведь должна тоже спать. Бросаю взгляд на пустую половину кровати, но не обнаружив дикарки, откидываюсь на подушку. Сбежала, девочка. Глупо улыбаюсь самому себе, когда представляю, как найду ее и зажму где-нибудь у стены, засосу пухлые губы и вторгнусь пальцами в тугое отверстие. Член тут же с готовностью упирается в матрас. Просовываю под себя руку и сдавливаю его. Лежать, брат. С нами хотят поиграть в прятки. Разве мы можем отказать девушке в таком простом желании?

— Что ты тут делаешь, Рыжий?

Вспоминаю о Сане и рывком встаю с постели, несколько раз потягиваюсь и растираю лицо ладонями. Не совсем в такой компании я представлял сегодня проснуться.

Саня заваливается в кресло и с шипением открывает банку пива, точно найденную в моем холодильнике.

— Решил узнать, как ты после вчерашнего. С Мироном уладили?

— Ага, — кричу ему из ванной комнаты, параллельно включая воду. — Бабки ему заплачу и пару месяцев бесплатно подерусь.

Принимаю наспех душ и, вытеревшись полотенцем, надеваю спортивки. Когда выхожу, нахожу Саню у окна, пристально всматривающимся во двор. Друг выглядит, мягко говоря, озадаченным.

— Слушай, это не Настя?

При упоминании имени бывшей автоматически сцепляю зубы и подхожу, чтобы тоже выглянуть наружу. Сучка. Ее бы я узнал из миллиарда. Те же светлые волосы, черные джинсы с дырками на коленях и майка в обтяг, чтобы сиськи лучше выделялись. Дрянь подходит к двери, и в этот момент по дому раздается звонок.

— Идем, — киваю Рыжему на дверь.

— А че она здесь потеряла?

— А хер его. Щас узнаем. Ночью звонила, говорила соскучилась.

— Нихуя себе.

Не один я охренел от ее звонка. Рыжий как никто в курсе, что

эта сука сделала для меня. На то чтобы спуститься у нас уходит несколько секунд. Валя уже впустила гостью и как раз собиралась подниматься звать меня.

— Доброе утро, — вежливо кидаю Вале и махнув рукой отпускаю ее по своим делам.

Обращаю взгляд на стерву, неуверенно топчущуюся на пороге. Прислушиваюсь к себе, стараясь найти отголоски прежних чувств, но ни черта. Тихо, как на минном поле.

— Ну привет, — склоняю на бок голову, исследуя глазами когда-то любимое лицо. Скулы острые, кажется, она похудела еще больше. Под глазами синяки, губы изжёваны. Значит проблемы, а за их решением приперлась ко мне.

— Привет, Матвей. Мы можем поговорить?

Издаю смешок и кошусь на Рыжего.

— Поговорить она, блядь, хочет.

Рыжий тоже скалится, цокнув языком.

— Ну давай поговорим, — предлагает, хлопая себя по карманам в поисках пачки сигарет.

— Ну давай. Пойдем, — прохожу мимо нее, даже не заботясь о том, что толкаю в плечо, и выхожу на улицу. Солнце тут же впечатывается лучами в рожу, заставляя щуриться.

— Сколько щас хоть времени? — кидаю вопросом в друга.

— Начало первого, — Рыжий отвечает, сверившись с телефоном.

— Нихуево я поспал.

Тут же вспомнив о причине своей бессонной ночи, чувствую очередное покалывание в груди. Щас с этой сукой разберусь и пойду как можно скорее найду мою дикарку.

Вхожу в гараж, специально оборудованный для личных «переговоров по душам». Хлопаю в ладоши, и темное помещение озаряется светом. Люблю себя радовать такими штуками. У отца отдельный гараж с его элитными тачками, у меня все попроще. Зато комфорт на высшем уровне.

Заваливаюсь на диван. Саня садится рядом. Настя жмется, не зная куда ей усадить задницу, и я киваю ей на стул в паре метров.

— Что же тебя заставило после всего рискнуть прийти ко мне? — подкуриваю сигарету и, посмотрев на тлеющий огонек, выпускаю вверх струю дыма.

— У меня проблемы, Матвей.

Ну естественно. И почему я не удивлен? Поднимаю на нее глаза и вдруг четко понимаю, каким дебилом был полгода назад. Это ж надо было увидеть в этой суке ангела. Нет, внешность у нее реально обманчива. С виду скромная правильная девка, а на деле…

— Моими проблемами ты не интересовалась после того, как подсадила на наркоту.

Зашуганный взгляд устремляется в пол. Боится меня. Правильно.

— Видать проблемы немаленькие, раз приползла?

У Насти уходит несколько мгновений на то, чтобы обосновать причину. Тонкие бледные пальцы сдирают лаг на ногтях, а носок кроссовка тарабанит по полу. Пусть понервничает. Теперь ее очередь передо мной стелиться, тварь. Смотрю на нее, а чувствую только позывы к рвоте.

— Я продала партию наркотиков, — наконец облачает мысли в слова, — не совсем качественных, и теперь с меня требуют большие деньги.

— Аааа, вот оно что! — громко ржу, понимая комичность ситуации. — То есть ровно полгода назад ты с меня тянула бабки на таблетки, а теперь вдруг потребовалось, чтобы я вытащил тебя из жопы, в которую сама себя и затянула? А как же твой доблестный рыцарь? Как его там звали?

— Паша.

Точно. Дубнов, кажется, его фамилия была. Помню, как под кайфом с пацанами сломали ему руку, потому что эта сука рассказывала, как он ее донимает и прохода не дает.

— Он самый. Пусть и дает денег.

— Мы уже давно не вместе.

Запрокидывая голову, ржу еще громче. Жизнь бумеранг, блядь.

— А что так? Пацан оказался не так падок на твой передок, как я?

Настя сжимает губы, молча принимая мои издевательства. Походу ей реально не к кому больше обратиться, раз готова сожрать всю желчь в свой адрес. Только я не долбанный благотворительный фонд.

— Я поняла, что он мне не подходит, — отвечает, поднимая на меня глаза, как будто сейчас ее загнанный взгляд может чем-то помочь.

— Или ты ему? — дальше добиваю, получая кайф от ситуации. — Послушай, Настя, — опираюсь локтями на колени, — когда-то давно я бы тебе, блядь, звезду с неба подпрыгнув достал. Но тебе это было нахер ненужно. Ты подсадила меня на наркоту, а потом чтобы избавиться, придумала какую-то хуйню о том, что я тебя бедную несчастную избиваю, дыхнуть не даю, и вообще я ублюдок такой держу тебя на поводке. Так было?

Молчит. Жует губы и нервно дышит. Тварь. Мне хочется

схватить ее за волосы и хорошенько приложить к стене. Ну раз уж она сама обо мне подобное распускала, надо соответствовать.

— Рыжий, так же было? — ядовито переспрашиваю еще и у Сани, на случай вдруг в наркотическом дурмане тогда что-то попутал.

— Ну да. Только ты не только руку ему сломал, а и дом поджег.

Фыркаю, не сдерживая смешок. Поддержал, блядь.

— Не отрицаю. Но никто ж не пострадал. Почему? Потому что ты, Рыжий, проверил, чтобы все находились в другой комнате. Тогда я думал, что наказываю мудака. А все потому что ты, сука, — тычу пальцем в бывшую, — не могла нормально со мной поговорить. Сказать, что я тебе нахуй не нужен, и ты тупо меня использовала, чтобы наработать себе важного клиента. А потом, когда я крепко подсел, решила свалить. Но нееет.

Тушу сигарету в пепельнице рядом с диваном и откидываюсь на спинку, раскинув руки в стороны.

— Что дало тебе хотя бы малейший повод подумать, что я дам тебе денег после всего?

Настя зажмуривается, а потом вдруг подрывается и несколькими шагами преодолевает до меня расстояние.

— Пожалуйста, Мот! Я была не права. Уже миллион раз пожалела о том, как все случилось. Но если ты не поможешь мне, они меня по кругу пустят, отрабатывать заставят. Я этого не вынесу. Дай денег, прошу тебя, и больше ты меня не увидишь!

Подбородок дуры начинает дрожать в момент, когда она в отчаянии падает передо мной на колени, явно не просто так. Тупик заставляет идти людей на самые низкие поступки, и сейчас она совершает свой.

— Работу себе надо нормальную найти было, а не толкать дурь, — презрительно цежу, отказываясь верить в то, что был в адеквате, когда влюбился в эту тварь.

— Я найду, — белобрысая голова начинает кивать болванчиком, пока тонкие пальцы тянутся к моим штанам и хватаются за резинку, стаскивая ее вниз и выпуская наружу вялый член. — Я все сделаю, только, пожалуйста, дай денег!

Обмениваемся с Рыжим взглядами. Девку даже не смущает его присутствие. Я никогда не позволял себе лишнего с Настей. Воздвигал ее в особый ранг своей «девушки», уничтожая каждого, кто хотя бы смотрел в ее сторону, а сейчас подстилка готова отсосать мне при моем друге просто потому, что ей нужно спасти собственную задницу.

Пальцы с облущенным маникюром обхватывают мой член, пока она уверенно склоняет голову, намереваясь взять его в рот.

Кривлюсь от отвращения. У самого паха дергаю ее за волосы, запрокидывая назад голову.

— И Рыжему отсосешь?

Когда-то казавшиеся мне красивыми глаза перемещаются на Саню. На раздумье уходит мгновение, и уже спустя секунду шлюха кивает.

Не знаю, что изменилось бы, скажи она «нет». Возможно, мое бы отвращение не достигло максимума по отношению к ней, но теперь последние капли безнадежно утеряны.

— Проблема в том, что у меня сегодня был самый охуенный секс, и в дополнительном допинге я больше не нуждаюсь. А что насчет тебя, Рыжий?

Друг усмехается, явно довольный моим ответом. Он терпеть не мог Настю еще с нашего знакомства. Первый мне говорил о том, что она тварь, а я не верил.

— Не пользуюсь услугами половых тряпок.

Я собираюсь заржать, когда в дверях нарисовывается фигура Ланы. Сестра в долю секунды оценивает положение и тут же смущенно отворачивается. Бляяяядь.

— Выйди! — рявкаю на мелкую, заправляя член в штаны и отталкивая Настю на пол. Та приземляется на задницу, ища в моем лице хотя бы намек на помощь, которой я ей естественно не дам.

— Матвей, я… — младшая запинается, стараясь не смотреть в мою сторону, но выглядит слишком взволнованной как просто для случая, когда увидела перед мной телку на коленях.

— Что? Телефон сломался? Айпад разбила?

— Нет. Рина… Я не хотела ее будить, думала спит. Но когда зашла в комнату, то поняла, что все ее вещи исчезли. Она, кажется, уехала.

Что, блядь? Подрываюсь с дивана, слыша, как Рыжий встает следом.

— Мооот! А как же я? — жалобный стон противным писком бьет по барабанным перепонкам.

— Нахрен пошла! — бросаю через плечо и быстрым шагом направляюсь в дом. Лана молча семенит следом.

— Это была твоя бывшая?

— Была. Именно бывшая, Лана!

Рявкаю, чувствуя, как набат в ушах растет в геометрической прогрессии. Пустая комната с оставленными на полках вещами Ланы служит подтверждением догадки мелкой. Рина свалила. Пиздец…

Глава 32

Матвей

— Это ты? Ты! Я уверена, что ты что-то ей сказал, раз она просто так ушла! — Лана начинает истерить, раздражая мое и так воспаленное воображение. Лихорадочно оборачиваюсь, подмечая вещи мелкой, оставленные в шкафу.

Что должно было случиться, чтобы Рина свалила без объяснений?

— Матвей, зачем? Ей же некуда совсем идти! Зачем ты ее прогнал?

— Заткнись, Лана! Ничего я ей не делал!

Если не считать того, что мы трахались полночи. Но блядь… Это не может быть причиной, потому что ей нравилось. Мне нравилось. Да мы оба улетали. Она мое имя так стонала, что меня изнутри выворачивало!

После того как Лана вылетает из комнаты, я достаю из кармана телефон и под пристальным взглядом Рыжего набираю Рину. Идут гудки. Первый, второй, третий… Давай отвечай! Только попробуй проигнорить, я ж тебя убью, когда найду!

— Алло, — равнодушный тон на другом конце провода взвивает внутри пока еще необъяснимую волну сомнения.

— Ты где?

— У друзей. А что?

— Что? Ты охуела? Адрес говори!

Циничный смешок бьет по барабанным перепонкам.

— С чего бы? Только не говори, что поедешь меня искать! Или… Оу, Матвей, ты думал, что я буду преданно ждать тебя утром у себя в спальне? Прости.

Голос, полный издевки, просачивается в каждую пору, воспламеняя во мне то, что я обычно не выпускаю или выпускаю во время боя. Непонимание ситуации начинает нагребать, а я ненавижу, когда чего-то не понимаю.

— Ты должна была спать рядом со мной, когда я проснулся.

Рина смеется, как по мне слишком громко и резко.

— Ой, ну прости, что не оправдала ожиданий. Просто в мою благодарность не входило еще и продолжение ночи.

— В какую благодарность?

— За то, что ты меня вчера так героически спас от боя. Я же не глупая девочка, понимаю, что за подобное нужно расплачиваться. Надеюсь то, что я была девственницей, с лихвой окупило твои материальные потери.

Пальцы трещат от того, с какой силой я сжимаю смарт.

Дыхание спирается в грудной клетке, комком становясь на выходе из горла.

— А чтобы больше не беспокоить вас своим присутствием, решила уехать к друзьям. С Ланой свяжусь, поблагодарю за гостеприимство. Ну, а тебе спасибо за качественный первый секс. Удачи!

Сучка скидывает вызов. Я медленно, превозмогая тупую пульсацию в затылке, опускаю взгляд на потухнувший экран, а потом с размаху хреначу телефоном об стену. Сука!

Марина

Зажмуриваюсь, роняя телефон прямо на диван. Глаза жжет от слез, в груди печет как будто ее изнутри обдали серной кислотой. Я знала, что он позвонит. С самого утра не выпускала телефон из руки, повторяя заученный текст как мантру.

Хватаю со стола наполовину допитый бокал домашней отвертки и одним большим глотком опустошаю его. Какой он по счету? Третий? Четвертый? Сбилась уже. На трезвую бы, наверное, не вынесла звука голоса Матвея.

Сволочь ублюдочный! Я не собиралась показывать ему свою слабость. Теперь я хотя бы в его глазах не буду выглядеть наивной идиоткой, раздвинувшей ноги из-за того, что подсела на этого говнюка.

А ведь подсела, черт меня раздери! Одна мысль о том, что он сегодня развлекается с той Настей, причиняет едва ли не физическую боль. Да, я привыкла справляться со всеми видами болевых ощущений, отхватывала не раз. Моральный удар тоже выдерживаю, а нанесенный Матвеем сбил с ног и заставил повалиться коленями на землю. Столько лет защищала себя от подонков, а в итоге… собственноручно сдала себя одному из них в личное пользование.

— Ри? — Вика показывается на пороге с сигаретой в руке. — Поговорила? Эй, ты чего?

Подруга усаживается рядом на диван, пока я пытаюсь проморгаться. Подгибаю под себя ноги, а между ними больно стягивает. Последствия секса с Матвеем еще несколько дней точно будут напоминать о себе тянущими ощущениями.

— Ничего, все в порядке.

— Кто звонил?

— Да так, никто.

— Ну да. От никого не сидят с красными глазами. Колись!

Поднимаю взгляд на девчонку, с которой с самого детства спали на соседних кроватях. Вика. Мы вместе выбивали себе место под солнцем. Она старательно училась, правда и гуляла

тоже старательно. Не знаю, как ей удавалось все и сразу, но она даже поступила на бесплатное в университет. Правда, как оказалось, не доучилась. Ее отчислили несколько месяцев назад. Результат печального события отпечатался на когда-то привлекательном лице пятном обреченности. Из светлой девчонки она превратилась в подобие себя бывшей. Под глазами синяки, взгляд потерянный, на руках следы от уколов.

Когда я вошла в квартиру несколько часов назад, меня словно в прошлое затянуло мощным потоком ветра. Обшарпанные обои, пустые бутылки под столом, а на подоконнике шприцы и разноцветные таблетки. Может подобный исход ждет всех, кто оказался в этой жизни мусором? Никому ненужные, потерянные, забытые. Ни одна душа ведь даже не вспомнит ни о ком из детского дома, если с нами что-то случится. Нас сторонятся, опасаются, изначально вешают ярлыки, и мы невольно принимаем их и вживаемся в роль, как те хамелеоны, подстраиваясь под всеобщее мнение. Я очень старалась стать исключением из правила. Работала в разных местах, но каждый начальник не преминул ткнуть моим происхождением из ниоткуда. Возможно, и стараться не стоило? Рыбы ведь не могут жить на суше. Так и мы. Нормальная жизнь не светит такой как я.

Подруга, увидев меня, сразу налила мне отвертки, а я поняла, что сейчас это именно то, что мне необходимо. Просто вытравить из организма надежду на светлую жизнь, которая рухнула всего пару часов назад и больно порезала осколками.

— Нечего рассказать, Ви. Лучше скажи где парни?

— Скоро придут. Они мешки разгружают на складе с пяти утра. Я им уже написала, должны притащить добавку, — кивком головы указывает на пустой бокал.

Я звоню Кате, прошу о том, чтобы заменила меня на несколько дней. Получаю в ответ град недовольства, но оно быстро сглаживается, когда я обещаю возместить ей все заработанное за мои прогулы. Не знаю что изменят эти дни, может, я больше никогда и не выйду обратно в бар… Но я все равно оставляю себе путь к отступлению. Мое нутро сопротивляется такой жизни, я очень стараюсь прислушиваться, хоть это и сложно.

Девятнадцатый пропущенный от Ланы заставляет меня, сцепив зубы, набрать девчонку. С ней разговаривать особенно сложно, наверное, именно поэтому я не могла ответить сразу. Она была первой, кто поверил в меня и столько раз помогала. Понимаю, что нужно объяснить, потому что уверена на все сто процентов, что моя розовая единорожка жутко переживает, а держать ее в неведении с моей стороны жестоко. Просто я

эгоистично пытаюсь удержать нашу с ней недолгую дружбу хотя бы еще на короткое мгновение.

— Боже, Рина! — сердце больно сжимается, стоит взволнованному голосу буквально проплакать мое имя. — Где ты? Что случилось? Почему ты ушла?

Дробь вопросов больно бьет по коже, потому что я уже знаю, что через пару минут я ее потеряю. Единственного искреннего человека в моей жизни, открывшего двери в свой дом и свое сердце.

— Лан, я у друзей.

— Скажи мне адрес, я приеду.

— Нет, не нужно.

— Рин, не бросай меня! Мне так хорошо с тобой, пожалуйста, — прикусываю щеку изнутри, чтобы не выдать себя нервным выдохом. — Это Матвей, да? Он тебя обидел?

— Лан…

— Я ненавижу его! Он всегда всех у меня отбирает! Но ты же обещала, что ему не удастся нас поссорить! А сама меня бросила.

— Лан…

— Рин, не пропадай только! Я так тебя полюбила! Ты единственная, кто обращался со мной хорошо, пожалуйста! — сердце практически останавливается, но я быстро выпаливаю, боясь, что передумаю признаваться и потом буду себя обвинять во лжи, а она этого не заслуживает:

— Лан, я переспала с Матвеем.

Поток слов резко прекращается. Тишина кажется оглушительной. Я дышать не могу, просто смотрю в одну точку перед собой, пока слушаю, как Лана тяжело дышит.

— Ну и глупая. Я полюбила тебя, полюбила, а ты! — срывается почти на крик, а потом без оружия стреляет в висок, — Ему сегодня минет бывшая делала! Ему на тебя наплевать! Предательница!

И бросает трубку.

В висках грохочут опустошение, презрение к себе и ненависть к Матвею. Я потеряла действительно заботливого друга из-за того, что не смогла совладать с собственными слабостями. Пустота забирается в ноздри, поселяясь в легких, проникает в уши, глаза, заполняя собой полностью. Сама не заметив того, я позволила этим двоим стать частью моей жизни, и если Лана с болью оторвалась сама, то Матвея теперь нужно выдирать клещами.

Глава 33

Матвей

Чего я блядь ждал? А хер его знает. Разучился ожидать от людей вообще чего-либо, а тут вдруг какая-то надежда родилась на то, что впервые в жизни встретил нормальную бабу. Такую, которую по утрам рядом видеть захочу и которая не вызывает чувства приедания. Еще ночью поймал себя на мысли, что впервые за долгое время засыпаю без долбанного чувства пустоты. К себе стерву прижимал, а меня выворачивало осознанием, что это правильно. Так должно быть. Идеально. Она рядом. Длинные волосы щекочут ноздри, а я блядь тяну лыбу, как долбоеб.

Сжимаю кожу на руле с такой силой, что она начинает хрустеть. Мимо проносится город, пока я глубоко затягиваюсь сигаретой и выпускаю дым в окно.

«Надеюсь, то, что я была девственницей, с лихвой окупило твои материальные потери» как на репите выедает мозг противным напоминанием ее язвительного тона. Сука!

С размаха хреначу раскрытой ладонью по рулю.

Тупым никогда не был, но сейчас сжирает непонимание. Я уверен на миллион процентов, что зараза сама с ума сходила. Так натурально дрожать от оргазма девственница не сумеет. Да и нет в ней того мастерства наученных блядей, которые одним стоном могут поставить член мужика.

А с другой стороны, что я знаю о Рине? Ни черта. Только то, что она бегала от меня как от чумы, а вчера вдруг дала мне прямо на обочине дороги. Как бы мне не хотелось верить в то, что наш секс был из благодарности, всё указывает именно на это.

Чувствую себя так, словно меня в дерьмо рожей окунули.

Лучше бы вообще не давала, чем так. Хочется найти дрянь и на колени поставить. Раз уж расплачиваться решила, то пусть бы сделала это по всем пунктам и всеми местами.

— Куда мы едем? — Рыжий первый раз за полчаса подает голос, выдирая меня из круговорота мыслей.

— Бухать и трахаться.

Мне нужно вытравить из себя это чувство гадливости. Я привык брать от телок то, что они сами дают. Даже если это благодарный перепих, мне в принципе было насрать. Раньше. До прошлой ночи.

— Рину не будем искать?

— Нахера? Я ее трахнул раз и хватит.

— Ну-ну.

— Заткнись, Рыжий!

Марина

За окном давно стемнело, а у меня все прекрасно. Яркий свет перед глазами пестрит разнообразием оттенков, внося в ночную тьму утреннюю зарю. Или это не заря? Склоняю голову на бок и вытягиваю руку вперед, пытаясь поймать ускользающий солнечный луч, почему-то вдруг превратившийся в неонового странного зверя.

Я улыбаюсь. Мне так хорошо, как давно не было. Все тяжелые мысли куда-то испарились, оставляя себе на смену легкость и одухотворенность.

Даааа, это прекрасное ощущение. Всегда бы так! Ни тебе переживаний о завтрашнем дне. Ни мыслей об отсутствии образования. Ни осуждения от тех, кому посчастливилось чего-то добиться в этой гребанной жизни.

Все плохое, кажется, покинуло планету и принесло долгожданную утопию.

— Риииии, — томный голос, наполненный хриплой вибрацией, раздается откуда-то извне, но на этот раз мне не больно. Сердце не сжимается. Оно наоборот будто открывается, впуская в себя Матвея.

Говнюк, который по необъяснимым причинам стал для меня так важен, улыбается своей наглой ухмылкой, голубые глаза прямо напротив. Мне не просто хорошо. Мне идеально. Как же хорошо, что он здесь. Я соскучилась. Всего одна ночь смогла поделить мою жизнь на ДО и ПОСЛЕ. Жизнь до Матвея была серой и однообразной. А этот псих взорвал ее насыщенной цветовой гаммой эмоций. Я впервые открылась парню настолько, что позволила себе отдаться ему. Но сейчас нет ожидаемой боли предательства. Сейчас он здесь. Я чувствую его влажный язык, скользящий по моей шее. Мужские руки, жадно блуждающие по телу. Это не может быть иллюзией. Слишком натурально. Настолько, что рецепторы оживают, стоит его языку оказаться в моем рту.

С маниакальной алчностью пытаюсь насытиться моментом. Возможно, завтра боль вернется и он исчезнет. Страх опять остаться одной сковывает, но снова быстро испаряется, стоит Матвею впиться губами в мою шею и больно втянуть кожу.

На подкорке сознания проносится едва различимая мысль о том, что он так делает впервые. Говнюк обычно кусает, но засосы не оставляет. Но возможно сейчас ему захотелось сделать именно это. Купаясь в солнечном свете и приятной неге, подпитанной нарастающим возбуждением, запускаю пальцы в мужские волосы,

и снова диссонанс. С каких пор они не короткие?

Губы Матвея все еще сосут мою кожу, принося неприятную боль и силой выдирая из моего «райского» состояния.

— Риии!

Голос вдруг кажется другим. Хриплым, но с иной тональностью хрипоты. Наполненный грязной и развратной похотью. Не той игриво-чувственной, к которой я привыкла за последнее время.

Прохладные пальцы ныряют мне в джинсы и как только касаются обнаженной плоти, плывущее сознание возвращается на свое законное место. Начинаю задыхаться под тяжестью свалившихся воспоминаний и точно понимаю, что на мне сейчас не Матвей. Сердце снова начинает ныть, мозг лихорадочно соображать, вытаскивая из задурманенной травой памяти обрывки воспоминаний того, как вернулись парни и принесли понику. Мы пили и курили. Этой дряни много не нужно, особенно мне. Черт. Чееееерт!

— Как же я скучал по тебе, малышка!

Теперь я отчетливо узнаю голос Антона. Парень отчаянно пытается расстегнуть мои джинсы, и когда ему это удается, пытается стащить их вместе с трусиками, но я быстро хватаю белье и не даю спустить вниз. Дурман не позволяет сразу же прийти в себя, но одна только мысль о том, что под действием наркоты я разрешу другу засунуть в себя свой член, практически отрезвляет.

Упираюсь ладонями в широкую обнаженную грудь и пытаюсь оттолкнуть.

— Антон, перестань!

— Ринка, наконец ты вернулась! Мне так тебя не хватало, — рваные фразы доносятся до меня, как сквозь вату. Антон всегда питал ко мне самые разные чувства, но сейчас они как нельзя некстати. Его влажные губы снова утыкаются в мою шею, вызывая приступ тошноты, паники и злости на саму себя.

— Антон, остановись. Стой!

Он не слышит. Меня начинает мутить, когда его член через тонкую ткань трусов касается внутренней стороны моего бедра. Даже сквозь джинсы это противно.

— Я не хочу тебя, нет!

Начинаю больно дубасить его по плечам, а потом извернувшись, бью коленом по яйцам. Мгновенная реакция парня, схватившегося за пах, дает такую необходимую фору. Подскакиваю с дивана, отлетая в сторону на пару метров, и тут же застегиваю джинсы.

Как в первый раз оглядываю пространство.

На столике валяются несколько пустых бутылок из-под дешевого коньяка. Пакетики с травой и таблетки, которыми закидывались парни и Вика. Я только курила. Из соседней спальни доносятся стоны друзей и, повернув голову, я даже вижу широко расставленные ноги подруги и задницу Димы.

К горлу подкатывает тошнота. Срываюсь с места и несусь в туалет. На последней секунде успеваю открыть крышку и вывернуть содержимое желудка в унитаз. Чувствую себя грязью и ничтожеством. Пустым местом.

В висках стучит осознанием, что я только что могла совершить непоправимую ошибку, о которой точно сожалела бы всю оставшуюся жизнь. Одно дело пойти на секс с трезвой головой и желанием, а другое — под действием наркотиков. Желудок сводит еще одним спазмом.

Спустя несколько минут ополаскиваю лицо и рот холодной водой. Отражение в зеркале пугает. Волосы растрепаны, на шее огромный засос, зрачки расширены, на губе кровь. Неужели Антон укусил?

В голове бардак, и меня начинает трясти изнутри. Морозить, как во время лихорадки. Запускаю дрожащие пальцы в волосы и зачем-то пытаюсь расчесаться. Привести себя в порядок. Для чего? Не понимаю. Только то, что я вижу в зеркале, наводит ужас. Разве это я? Вот это потерянное чудовище я? Лихорадочно натягиваю лямки майки и поправляю лифчик, который успел стащить Антон. Обхватываю себя руками. Желание забиться в угол так сильно, что я начинаю оборачиваться в поисках подходящего.

Только ответ на вопрос «А кто же на самом деле я?» так и остается без ответа. Я не знаю. Я, черт меня раздери, понятия не имею, кто я в этой жизни. Слезы отчаяния собираются в уголках глаз, пока я остервенело стираю ладонью со щеки размазанную тушь.

Что мне делать? Еще несколько мгновений назад все было так хорошо, легко и беззаботно. Я летала в каком-то другом измерении, где не имело значения вообще ничего, кроме плывущих рядом облаков и чувства блаженства, а теперь все вернулось на круги своя.

Дверь в ванную открывается, и на пороге показывается Вика, обмотанная простыней. Окидывает меня плывущим взглядом.

— Эээй, ты чего Антона двинула? — губы подруги изгибаются в кривой улыбке. — Парень так без яиц остаться может.

Смотрю на нее и сглатываю собравшуюся горечь во рту. Я не хочу так. Не хочу быть грязью.

— Не останется, — Присаживаюсь на край ванны.

— Ринка, что ты маешься? Ну все же хорошо было. Парень по тебе сохнет столько лет, — Ви садится рядом, одной рукой обнимая меня за плечо, а второй придерживая простынь.

— Вик, и вот так вы живете? — обращаю на подругу взгляд, пытаясь понять, неужели это и есть конечный пункт?

— Да. Мы работаем. Парни грузят мешки, а я … я обслуживаю клиентов. — каких именно клиентов стало понятно еще два часа назад, стоило увидеть синяки на ее бедрах. — Нас устраивает. Мы получаем деньги, тратим их на еду и вкусные таблетосики. Ходим в клубы. Тусуемся.

— А как же нормальная работа? Семья…

— Какая семья, эй? — издевательский смех подруги бьет под дых. — У тебя есть семья?

Молча утыкаюсь в пол, так как ответ очевиден.

— Вот и у меня нет. И у Тоши с Димкой. Мы друг другу и есть семья. А нормальная работа у нас есть. Не сидеть же мне на кассе с утра до ночи и пикать продукты! Хватит летать в облаках, Марина! Нормальной жизни для таких как мы не существует! Признай это уже и возвращайся! Мы тебя любим. Принимаем даже после того, как ты свалила. Где еще ты найдешь такую же преданную семью, м?

Иногда сомнения бывают настолько сильными, что нужно время, чтобы понять, что для тебя важнее. Попытаться найти себя в жизни, отыскать верные пути… Но что если их просто нет? Что если вот это все и есть конечный пункт назначения?

Глава 34

Марина

На следующий день я поехала в бар забрать зарплату за прошлый месяц. Наталья Ашотовна, к моему огромному удивлению, не стала орать или упрекать в прогулах. Мой внешний вид, вероятно, был слишком красноречив, чтобы задавать дополнительные вопросы. Начальница только спросила, буду ли я готова через два дня приступить к работе и, получив утвердительный ответ, протянула конверт с наличкой.

Я сразу же отправилась к своей бывшей хозяйке и всучила ей деньги за неполный месяц проживания. Бегемотиха с недовольным видом выхватила у меня из рук пару купюр, не упустив шанса бросить в спину колкость о том, что не удивится, если увидит меня через полгода на обочине дороги. Сука.

Полдня в хосписе хотя бы ненадолго, но выветрили из головы мысли о нависшей тучей реальности. Ольга Павловна искренне была рада меня видеть, поселяя крошечную надежду на то, что хотя бы кому-то в этом мире есть до меня дело.

Я прочитала ей главу «Графа Монте-Кристо», в которой герой перебирался вплавь по бескрайним просторам моря, и почему-то в этот момент подумала о том, что Эдмон ведь тоже был одинок. Против него ополчился весь мир, но он выстоял. Выгрыз себе новую жизнь. И ведь это не выдумка. Хотя в реальной жизни для прототипа данного литературного произведения все закончилось печально. Но он все же через многое смог пройти. Чего только стоит побег из тюрьмы. Так может и для меня все же есть что-то еще в этой жизни кроме натирания стаканов?

Домой я шла пешком. Купила на ближайшей остановке хот-дог с бутылкой газировки и пошла вдоль дороги. Погода, правда, абсолютно не располагала к прогулке. Дул сильный ветер, в воздухе пахло влагой, а темное небо над головой угрожало пролиться настоящим ливнем. Но выхода все равно не было. Автобус только уехал, а ждать его полчаса на остановке без крыши явно бестолковее, чем просто идти по направлению в город. Проще отправиться пешком и словить попутку.

Но, кажется, даже природа сегодня ополчилась против меня. Спустя каких-то десять минут пути небо таки пролилось холодным дождем. Я стащила с себя джинсовую куртку и, набросив ее на голову, ускорила шаг.

Поднялся пронизывающий ветер, пробирающийся под кожу, капли больно хлестали по щекам. Я шла вдоль дороги, время от времени оборачиваясь назад, и голосовала, но тщетно. Козлы!

Никто не остановился! А один даже из лужи окатил, олень чертов!

Пока я добралась до ближайшей остановки, продрогла до нитки. Зубы отбивали звонкой дробью, пальцы дрожали, пока передавала за проезд в автобусе. Надеюсь, завтра эта прогулка не выльется мне простудой. Я пообещала выйти на работу и болеть никак нельзя.

Добравшись домой в хлюпающих кроссовках, я быстро избавилась от одежды и влезла под горячий душ. Вика, завидев меня, только присвистнула и сказала, что мне необходимо согреться чаем. Пока подруга колдовала на кухне, я старалась унять ледяную дрожь под кожей. Даже не разбавляла горячую воду холодной. Когда заветное тепло поселилось в каждой поре и стало тяжело дышать от собравшегося в крошечном помещении пара, я наконец выбралась из душа, а спустя пару минут уже красная, как помидор, заходила на кухню.

— Согрелась?

На столе услужливо ждали бутерброды и чашка с кофе.

— Кажется, речь шла о чае?

Проходя мимо Вики, я благодарно сжимаю ее локоть и сажусь на стул. Голод после незапланированной прогулки скрутил желудок в узел, поэтому недолго думая, я вонзаю зубы в колбасу и отпиваю горячий напиток.

— Я подумала, что кофе с коньяком сейчас тебе подойдет куда лучше.

Как подтверждение ее слов, трахею начинает жечь знакомым привкусом.

— Спасибо, но не стоило.

После вчерашнего пить не было желания вообще. Благо, проблем с Антоном хоть получилось избежать. Друг почти сразу отрубился после произошедшего, а когда проснулся, даже не вспомнил о том, как я едва не превратила его яйца в пюре.

— Стоило, стоило. Заболеешь еще. А пятьдесят грамм даже полезно для иммунитета.

Вика, следуя своему совету, наливает себе в чашку с кофе коньяк и усаживается рядом.

— Ринка, у тебя есть нормальное платье? — вопросительно изгибает бровь после того, как делает несколько глотков.

— Нет. А к чему вопрос?

— У меня есть четыре пригласительных в новый клуб. На сегодня. Клиент подогнал, у него друг хозяин. Ему не нужно, жену не водит, а мне подарил. Думаю сходить.

— Сходи. Для меня это не очень хорошая идея. Я лучше займусь поиском квартиры.

— Все же решила съезжать? — в голосе Ви звучит искреннее изумление.

— Да.

— Тогда тем более давай гульнем. Когда я тебя в следующий раз увижу.

— Не хочется, — пожимаю плечами, расправляясь с первым бутербродом и тут же начиная второй.

— Не хотеться тебе будет после того, как наступит кризис, детка. А сегодня ты пойдешь с нами в клуб. Хватит ныть уже. Думаешь, я не видела твоих слез вчера? Ты вообще как вернулась, сама не своя. Я не лезу к тебе в душу, по ходу у тебя что-то произошло, и вернулась ты как побитая собака, но это не значит, что теперь нужно забиться в конуру и скулить.

Вика всегда была прямолинейной. И надо смотреть правде в глаза, сейчас с ней нельзя не согласиться. Я действительно почти не спала всю ночь. Даже сегодня один раз порывалась позвонить Лане. Особенно больно было за то, что из-за её ублюдка брата я потеряла девчонку. Но что тут можно сказать? Ничего такого, что меня бы оправдало.

— Эй, Марин, ты из-за мужика так грузишься?

— Нет, — звучит довольно резко, да и по тому, как я допиваю чашку кофе практически залпом, Вика делает правильные выводы.

— Ну ясно. Тогда тем более, мы пойдем в клуб. Я не оставлю тебя в таком состоянии одну. А платье так уж и быть, мы тебе подыщем.

В клуб мы приезжаем ближе к полуночи.

На каблуках Вики ощущение такое, словно мне на ноги прицепили палочки для поедания суши, и я пытаюсь на них удержаться.

Короткое серебристое платье так и норовит задраться выше, пока мы, пройдя мимо фейс контроля, направляемся вверх по ступеням вдоль черных стен.

Антон с Димой держатся рядом, Вика сразу же вливается в толпу, стоит нам оказаться в центре феерии музыки и отрыва.

Биты просачиваются сквозь барабанные перепонки, народ качается, двигаясь в ритм пульсирующим нотам.

— Пойдем, выпьем! — орет на ухо Вика, перекрикивая музыку. Парни заказывают всем текилу и, лизнув с тыльной стороны ладони щепотку соли, я отправляю в рот первую стопку.

Алкоголь согревает изнутри, стекая в желудок, и быстро всасывается в организм. Повторив по еще одной, мы оборачиваемся и устремляем глаза в центр зала.

Народу тьма. Видно, что клуб не из тех, к которым я

привыкла. Раньше мы ходили только на дешевые дискотеки, где отродясь охраны не было. Здесь же все иначе. Даже молодежь другая. Золотая.

При мысли о мажорах, мне в память назойливо врывается образ Матвея, расколупывая внутреннюю ноющую язву, которую я со вчерашнего дня старалась усердно залечить игнорированием. Зачем-то задаюсь вопросом — чем он сейчас может быть занят, но тут же сама на себя злюсь и трясу головой, отгоняя непрошеные мысли. Мне совсем не интересно чем может быть занят подонок. Даже если он сейчас трахает очередную девку, меня это не заботит.

На каблуках разворачиваюсь и заказываю еще один шот текилы.

— Эй, без меня пить собралась?

Вика, толкнув меня в плечо, дает знак бармену, чтобы налил две, и когда мы выпиваем, хватает меня за руку и тащит в середину зала.

Танцевать мне сегодня не хотелось, но я все равно это делаю. Мне срочно нужно забить чем-то мысли, потому что чем я больше пью, тем почему-то больше думаю о том, о чем совсем не нужно. А точнее о ком.

— Вик, привет!

В наш танцующий дуэт вдруг с довольным визгом врезаются две девчонки и набрасывается на Ви с объятиями. Судя по одежде, девочки не из “ городских трущоб”.

Ответив таким же визгом, Вика чмокает каждую в щеку.

— Привет, девчонки. Сколько лет.

— Ну не лет, а месяцев, — смеется блондинка, — блин, так рада тебя видеть. Пойдем, поболтаем. Мы тут компанией. У нас столик в випке.

— Пойдем, — не раздумывая, кивает Ви и тут же вонзает мне в ладонь свою, — только я с друзьями.

— Бери друзей и пошли. Места всем хватит.

Спустя несколько секунд и примерно десять ступеней наверх мы оказываемся на широком балкончике, вдоль которого установлены черные кожаные диваны вокруг таких же черных столов.

Здесь музыка звучит гораздо тише, поэтому девчонкам уже не приходится кричать, чтобы услышать друг друга.

— Ты как ушла из универа, мы так и не слышали ничего о тебе, — брюнетка царским жестом откидывает назад волосы, ведя нас за собой к одному из столов. — Как ты вообще?

— Ой, да отлично! — я бы и сама поверила в её утверждения. Настолько искренним был тон. Сложно представить, чтобы такая

девушка как Ви делила квартиру с двумя парнями, да еще и подрабатывала, торгуя собой. — Думаю, к черту мне сдалось это образование… Я же..

Дальше я подругу уже не слышу. Как не слышу ни музыки, ни смеха, как я правильно догадалась, ее бывших однокурсниц.

Оглушающий стук сердца набатом бьет в ушах, разгоняя кровь, когда мы, остановившись около одного из столиков, оказываемся перед небольшой компанией. Прямо в метре от меня, развалившись на диване, сидит Матвей. Он, закинув голову на диван, подносит сигарету к губам и глубоко затягивается. Меня прошибает озноб, лавиной прокатывающийся под кожей.

— Ничего, что мы подруг привели? — как сквозь вату слышу голос одной из барби.

Вонзив ногти в ладони, борюсь с желанием проделать то же самое с его физиономией, но за последние сутки мне удалось напомнить себе о том, что показывать слабость — жалко.

Поэтому я только нервно сглатываю, когда голова Матвея лениво поворачивается в нашу сторону. Абсолютно незаинтересованный взгляд сначала приходится по Вике, потом переезжает на меня и тут же застывает.

— Эй, Марин, ты из-за мужика так грузишься?

— Нет, — звучит довольно резко, да и по тому, как я допиваю чашку кофе практически залпом, Вика делает правильные выводы.

— Ну ясно. Тогда тем более, мы пойдем в клуб. Я не оставлю тебя в таком состоянии одну. А платье так уж и быть, мы тебе подыщем.

В клуб мы приезжаем ближе к полуночи.

На каблуках Вики ощущение такое, словно мне на ноги прицепили палочки для поедания суши, и я пытаюсь на них удержаться.

Короткое серебристое платье так и норовит задраться выше, пока мы, пройдя мимо фейс контроля, направляемся вверх по ступеням вдоль черных стен.

Антон с Димой держатся рядом, Вика сразу же вливается в толпу, стоит нам оказаться в центре феерии музыки и отрыва.

Биты просачиваются сквозь барабанные перепонки, народ качается, двигаясь в ритм пульсирующим нотам.

— Пойдем, выпьем! — орет на ухо Вика, перекрикивая музыку. Парни заказывают всем текилу и, лизнув с тыльной стороны ладони щепотку соли, я отправляю в рот первую стопку.

Алкоголь согревает изнутри, стекая в желудок, и быстро всасывается в организм. Повторив по еще одной, мы оборачиваемся и устремляем глаза в центр зала.

Народу тьма. Видно, что клуб не из тех, к которым я привыкла. Раньше мы ходили только на дешевые дискотеки, где отродясь охраны не было. Здесь же все иначе. Даже молодежь другая. Золотая.

При мысли о мажорах, мне в память назойливо врывается образ Матвея, расколупывая внутреннюю ноющую язву, которую я со вчерашнего дня старалась усердно залечить игнорированием. Зачем-то задаюсь вопросом — чем он сейчас может быть занят, но тут же сама на себя злюсь и трясу головой, отгоняя непрошеные мысли. Мне совсем не интересно чем может быть занят подонок. Даже если он сейчас трахает очередную девку, меня это не заботит.

На каблуках разворачиваюсь и заказываю еще один шот текилы.

— Эй, без меня пить собралась?

Вика, толкнув меня в плечо, дает знак бармену, чтобы налил две, и когда мы выпиваем, хватает меня за руку и тащит в середину зала.

Танцевать мне сегодня не хотелось, но я все равно это делаю. Мне срочно нужно забить чем-то мысли, потому что чем я больше пью, тем почему-то больше думаю о том, о чем совсем не нужно. А точнее о ком.

— Вик, привет!

В наш танцующий дуэт вдруг с довольным визгом врезаются две девчонки и набрасывается на Ви с объятиями. Судя по одежде, девочки не из “ городских трущоб”.

Ответив таким же визгом, Вика чмокает каждую в щеку.

— Привет, девчонки. Сколько лет.

— Ну не лет, а месяцев, — смеется блондинка, — блин, так рада тебя видеть. Пойдем, поболтаем. Мы тут компанией. У нас столик в випке.

— Пойдем, — не раздумывая, кивает Ви и тут же вонзает мне в ладонь свою, — только я с друзьями.

— Бери друзей и пошли. Места всем хватит.

Спустя несколько секунд и примерно десять ступеней наверх мы оказываемся на широком балкончике, вдоль которого установлены черные кожаные диваны вокруг таких же черных столов.

Здесь музыка звучит гораздо тише, поэтому девчонкам уже не приходится кричать, чтобы услышать друг друга.

— Ты как ушла из универа, мы так и не слышали ничего о тебе, — брюнетка царским жестом откидывает назад волосы, ведя нас за собой к одному из столов. — Как ты вообще?

— Ой, да отлично! — я бы и сама поверила в её утверждения.

Настолько искренним был тон. Сложно представить, чтобы такая девушка как Ви делила квартиру с двумя парнями, да еще и подрабатывала, торгуя собой. — Думаю, к черту мне сдалось это образование… Я же..

Дальше я подругу уже не слышу. Как не слышу ни музыки, ни смеха, как я правильно догадалась, ее бывших однокурсниц.

Оглушающий стук сердца набатом бьет в ушах, разгоняя кровь, когда мы, остановившись около одного из столиков, оказываемся перед небольшой компанией. Прямо в метре от меня, развалившись на диване, сидит Матвей. Он, закинув голову на диван, подносит сигарету к губам и глубоко затягивается. Меня прошибает озноб, лавиной прокатывающийся под кожей.

— Ничего, что мы подруг привели? — как сквозь вату слышу голос одной из барби.

Вонзив ногти в ладони, борюсь с желанием проделать то же самое с его физиономией, но за последние сутки мне удалось напомнить себе о том, что показывать слабость — жалко.

Поэтому я только нервно сглатываю, когда голова Матвея лениво поворачивается в нашу сторону. Абсолютно незаинтересованный взгляд сначала приходится по Вике, потом переезжает на меня и тут же застывает.

Глава 35

Матвей

Переламываю сигарету пополам, как только впечатываюсь взглядом в зеленые глаза, вторые сутки клеймом въевшиеся в памяти. На Рине короткое платье с глубоким декольте, из которого вот-вот вывалятся сиськи. Высокие каблуки, как тогда в первый вечер на треке, визуально делающие ее выше, а ноги длиннее. Мгновенно закипаю. Охеренно вырядилась. Видно не скучала эти дни. Царапает меня своими осколками бездны.

— Ри, — Рыжий подает голос первый, — привет, крошка!

— Вы знакомы? — ее подружка блондинка удивленно распахивает глаза и тычет в Рину локтем.

— Познакомишь?

Моргнув, дикарка переводит глаза на Саню.

— Да, это Саша, а это Вика, моя подруга детства.

— А меня не представишь? — склоняю голову на бок, обращая на себя всеобщее внимание.

По тому как на вдохе высоко поднимается грудь, обтянутая тонкой материей, понимаю, что ей это особо не доставляет удовольствия, за что желание разодрать стерву к чертям летит на максимум.

— А ты сам не в состоянии? Языка нет?

— Ты как никто должна знать о способностях моего языка, — демонстративно опускаю глаза в область ее промежности и заламываю бровь.

Узкие зрачки заполняются пламенем, в то время как зараза безразлично пожимает плечами.

— Видимо, они не такие уж и выдающиеся, раз успела забыть.

— Тебе напомнить?

— Лиши меня подобной радости!

Народ вокруг столика предусмотрительно замолкает, и только Рыжий резко подорвавшись, подходит к Рине и, обнимая ее за талию, усаживает со своей стороны. Меня начинает крыть, нехило так бомбить в висках от того, как прямо напротив моих глаз оказывается декольте, сквозь тонкую ткань просвечивающее напряженные соски.

— Будете пить? У нас тут вискарь, девчонки по коктейлям, — Саня протягивает им сиропную дрянь, и стукнувшись бокалами, Рина обхватывает губами трубочку, которую мне тут же хочется выдрать у нее изо рта. Упрямо не смотрит в мою сторону. Улыбается, о чем-то трепясь с Рыжим.

Алина падает рядом со мной и вжимается губами в ухо.

— Откуда ты знаешь ее?

— Тебе какая разница?

Сучка деланно равнодушно трясет гривой.

— Никакой. Просто подумала, что это твоя бывшая.

— У меня много бывших. Все, кто на одну ночь, априори уже бывшие, — произношу так громко, чтобы Рина услышала, и судя по тому, как она едва заметно вздрагивает, мой посыл дошел до адресата.

Я продолжаю откинувшись сидеть на своем месте и, протянув руку, медленно накручиваю на палец локон, развалившейся на моем плече Алины. Рыжий откуда-то притащил двух телок, хотя потребности в этом нет абсолютно. Меня тошнит от шлюх. От их доступности, дешевизны. Должно бы и от Рины тошнить, а нет. Эта сексуальная дрянь вызывает мощный внутренний коллапс.

Спустя несколько минут к нашему столику подкатывает какой-то хмырь.

— Я вас обыскался, — Садится рядом с Риной и, рискуя собственной конечностью, кладет пятерню на ее талию. Нихрена себе. Это что за смертник?

Ошибка номер один. Мое самообладание жалобно трещит под тяжестью рушащихся стен.

Замираю, наблюдая за реакцией дикарки. Вместо того, чтобы убрать клешню, она поворачивает голову и мило улыбается мудаку. Ошибка номер два.

— Мы знакомых встретили.

— Да? Я Антон, — хмырь протягивает руку Сане, но друг только кивает в ответ, игнорируя протянутую ладонь. За это он всегда со мной. Знает, когда меня нагребает, и старается оттянуть момент расплаты.

— Я — Саня. Это Кир, Алина, Ира и Мот, — перечисляет и, остановившись на мне, посылает мне предупреждающий взгляд.

Он давно в курсе — третья ошибка, и я вынесу мудаку челюсть. Хотя блядь? Кто будет считать?

— Руку убрал! — приказываю темноволосому придурку.

Рина упирается в меня своими глазищами, а тупоголовый ошарашенно лупает глазами.

— Ты мне?

— А ты видишь еще чью-то лапу на ее талии?

— А кто ты такой, чтобы указывать мне?

— Матвей, тебе заняться нечем? — подает голос дикарка, со звоном поставив бокал на стол. — Развлекай свою девушку. Кажется, она очень жаждет внимания.

Оооо, зубы прорезались. Я скучал.

Не прекращая накручивать локон жестких волос Алины, я

оскаливаюсь. Рыжий напрягается. Только ему известно, что обычно следует за этим оскалом.

— Я сказал руку убрать. Что непонятного?

— Если ты не можешь держать себя в руках, нам лучше уйти, — Рина встает, дергая стоп кран моей и так крепкой в данной ситуации выдержки. Подрываюсь, едва не сваливая прилипшую телку на пол.

В два шага обхожу стол. Долбоеб отстраняется назад, а потом вспомнив о том, что у него есть член, выпрямляется во весь рост.

Толкаю дылду выше себя на полголовы обратно на диван.

— Сидеть! — рявкаю и перевожу взгляд на Рину, — а ты сюда иди!

Стерва умная. Хорошо помнит, что если не сделает то, что я скажу, рожу ее знакомого можно будет отдирать от моих кулаков.

Выходит из-за стола и, сильно толкнув меня в грудь, проходит мимо.

— Пошел к черту!

К черту, блядь? Только с тобой! Управляемый яростью, хватаю Рину за шею и подталкиваю в сторону небольшого коридора.

Сзади летят едва различимые угрозы, тут же затыкаемые Рыжим.

Рина на половине пути вырывается из захвата и, развернувшись, с размаху лупит меня по щеке. Все, блядь. Финиш. Волна одержимой липкой ярости затапливает сознание.

Сжимаю тонкое горло и толкаю вперед, вперившись бешеным взглядом в приоткрывшийся рот. Сука. Как же меня ломало эти дни.

Как последний мудак, сменив мобильный, пялился на заученный наизусть номер и горел изнутри одним желанием: найти и размазать сучку. Меня подрывало от мыслей, что все то, что казалось настоящим, на самом деле не стоило и гроша ломаного.

Рина спотыкается, едва не падая, и вонзает ногти мне в руку в попытке удержаться и не свалиться на задницу. Ни хрена не чувствую. Ослеп нахрен. Оглох. Только ее глаза и пухлые губы, ловящие воздух. Дойдя до первого попавшегося поворота, сворачиваю в коридор и впечатываю стерву в стену.

Дикарка тяжело дышит, с ненавистью исполосовывая мое лицо своими осколками моей персональной бездны.

— Ненавижу тебя! — цедит сквозь зубы.

— Это взаимно!

Кончики пальцев хреначит током от искр, исходящих от мягкой кожи. Ладонь горит. Член вопреки тому, что я на грани,

налился так, что еще немного и его разорвет к чертовой матери.

Опускаю глаза в разрез платья и мгновенно цепляюсь за торчащие соски. Накрываю один ладонью и выкручиваю. Блядь, что ж я так хочу ее? Шумно втягиваю носом запах, исходящий от ненавистного тела. Ри обдает меня рваным стоном, но тут же снова бьет по щеке. Скулу дергает, жжет, впрыскивая в кровь чистый яд.

— Не трогай меня, животное!

В мозгах замыкание происходит, отключая остатки здравого разума. Раздвинув коленом стройные ноги, задираю юбку и, схватив тонкую ткань трусиков, с треском дергаю их вниз. Ри, как дикая кошка, брыкается, царапая мою щеку ногтями.

Сучка свирепая. Ненавижу ее. Так сильно, что кости изнутри трещат. Игнорируя отпор, ловлю размалеванные красным губы и насильно проникаю в рот языком. Зараза кусает мой язык, нижнюю губу. Бьет по плечу, брыкаясь и шля проклятия, а меня изнутри жарит одним единственным желанием — оказаться внутри нее. Сделать так, чтобы стерва забрала свои слова обратно и заставить пожалеть о каждом из них.

Ладонью грубо отодвигаю ворот платья и по-хозяйски сжимаю грудь. Тело Рины пробивает дрожью одновременно с тем, как мое горло простреливает до боли знакомый хриплый стон. Вот таааак! Дааа!

Соскальзываю к ее промежности и, прижав собой к стене, вторгаюсь в горячее отверстие пальцем.

— И так не трогать? — в ответ острые ногти больно царапают мою шею, а стенки плоти туго сжимаются. — Кажется, ты прешься, Риииии! — добавляю второй палец, легко проскальзывающий внутрь благодаря обильному количеству смазки. — Врунья чертова!

— Ненавижу! — выстреливает мне в рот и тут же откидывает голову назад, стоит мне убрать пальцы и, быстро расстегнув ширинку, рывком протаранить ее собой.

Уже не соображаю чей это протяжный хрип. Мой или ее. Все перед глазами смешалось в наэлектрезованную кашу. Удерживая стройную ногу поднятой, без промедления начинаю трахать. Меня лихорадит. Чувствую, как вдоль позвоночника стекают капли пота от напряжения. Виной тому стонущая мне на ухо дикарка, которая больше не брыкается и не старается оттолкнуть. Цепкие пальцы на моей шее, горячее дыхание обдает ухо. Мне кажется, я схожу с ума. Улетаю куда-то, где не бывал даже под дурью. Я с этой стервой как на игле. Изнутри трясет, шкварит и раздирает.

Ненавижу ее. Хочу. Хочу, как дурной. Чокнутый,

помешанный. Она моя паранойя. Вспыхнувшая, как вирус, и определенно грозящая стать хронической. Никогда так не был помешан на бабе, как на этой дикарке.

— Ри, — обхватываю зубами мочку уха и делаю резкий толчок вперед, проникая в нее до самого основания. Рина всхлипывает. — Течешь ты тоже из благодарности?

Вместо ответа стерва в третий раз со звоном прикладывается ладонью к моей щеке. Из горла вырывается неконтролируемое рычание. Поясницу простреливает, а по ногам стремительно несется судорога.

— Говнюк!

— Сучка!

Сгребаю растрепанные волосы в кулак и, запрокинув ее голову назад, вколачиваю член в горячую истекающую влажность. Меня закручивает в потемневшие глаза напротив. Ри не отводит взгляд. На каждом толчке дергается и кусает губы. Орать хочет, но из принципа не станет. Зараза!

— Эй… — слева вдруг доносится голос мудака, оставленного нами за столиком.

Синхронно поворачиваем головы.

— Нахрен пошел, — рычу, крепче прижимая к себе Рину.

Придурок на мгновение теряется, но обнаружив на лице Рины печать неприкрытого наслаждения, разворачивается и сваливает.

— Чтоб больше лапы свои на тебя не ложил, поняла меня?

Дикарка стонет, цепляясь за мои плечи, и начинает содрогаться, сдавливая мой член собой так сильно, что у меня искры из глаз сыплются.

Поясницу прошибает высоковольтным электричеством как раз, когда я достаю себя из нее и с сиплым шипением кончаю прямо на бедро. Кровь с шумом несется по венам, уши заложило, а сердце дубасит в грудную клетку. Такое, блядь, у меня впервые. Запах Рины оседает в легких, а ее сбившееся дыхание ласкает слух. Пусть что хочет говорит, но это… Это было по-настоящему.

Упираюсь лбом в ее, готовый прямо сейчас сгрести ее в охапку и отвезти домой. Побегала и баста!

Но когда отвожу руку, все это время сжимающую волосы, вдруг замечаю на покрасневшей шее темные следы. Точно не мои.

Что за нахрен?

Резко дергаю лямку платья вниз, мгновенно трезвея. Ри ведет плечом, но я не пускаю. Медленно поднимаю взгляд и отстраняюсь. Машинально застегиваю ширинку. Сердце спотыкается и со свистом останавливается.

— Это он? — секунда… две…три… Кажется, мир вокруг замер в ожидании ее ответа, — Он? — рявкаю, не в состоянии

больше ждать.

— Он.

Рука инстинктивно взлетает, и я, размахнувшись, со звонким шлепком приземляю ладонь в стену, прямо рядом с головой сучки.

— Ну ты и дура, Рина!

Отшатываюсь назад, понимая, что то, что сейчас мной овладевает не что иное, как состояние аффекта. Глаза затягивает пеленой, внутри пузырится серная кислота. Опускаю глаза на следы своей спермы на ее ноге.

Закидываю руку за спину и стаскиваю через голову футболку, чтобы швырнуть в нее.

— Вытрись!

Разворачиваюсь и не оборачиваясь спускаюсь вниз. Мне, блядь, надо свалить, иначе я ее убью.

Глава 36

Марина

— Эй, — кричу вслед удаляющейся фигуре Матвея.

То, что сделал только что этот ублюдок, не делал никто и никогда. Меня еще ни разу в жизни не окунали в грязь настолько глубоко. Я пошла за ним следом, едва не переломав ноги на ходулях Вики.

Выскочив на улицу, тут же нашла глазами уходящего прочь говнюка. Меня понесло вперед невидимой силой отчаянной ярости.

— Матвей, мать твою! — слова даются сипло, потому что горло свело судорогой.

Сволочь даже не останавливается. Тяжелым шагом прет вперед.

Оступившись, психую и, наспех расстегнув застежки, сбрасываю чертовы туфли. Теперь идти намного легче. В несколько шагов догоняю ублюдка и швыряю ему в спину его гребанную футболку.

— Подавись!

В ответ он только оборачивается и больно хватает меня за руку, чтобы оттолкнуть от себя и прорычать сквозь сжатые зубы:

— Уйди, Рина!

Наполненное угрозой требование проносится мимо меня. Черта с два ему снова удастся втоптать меня в грязь. Скотина снова поворачивается ко мне спиной, но не контролируя раздирающих эмоций, я с силой толкаю его.

Мне плевать на то, что этот самовлюбленный себе придумал. Плевать, что Матвей и адекватность совершенно несовместимые понятия. Эмоции взяли верх, и сейчас единственное, что мне нужно — это выплеснуть их на того, кто породил всю эту черноту.

— Ты, говнюк чертов! Ты в своем эгоистичном мире вообще ни черта не соображаешь? — сама не узнаю свой голос, криком раздающийся на наполненной народом парковке.

Со всей силы бью игнорирующего меня козла в плечо, а потом едва не врезаюсь в него. Матвей резко оборачивается и хватает меня за шею.

— Я сказал, уйди! — черный взгляд пригвождает к месту, уничтожает, подавляет. Сильные пальцы сжимают горло. Выжигают, въедаясь в кожу. Воздух практически перестает проникать в легкие.

— А то что? Что ты сделаешь? — выдыхаю в лицо, находящееся на расстоянии миллиметра. — Снова трахнешь и

свалишь? Так ведь все происходит в твоей жизни? Проще простого!

— А ты, я смотрю, тоже не ищешь сложных путей! Этому за что дала? За бесплатное проживание?

Меня трясет. Выкручивает до боли изнутри.

— Ты… ты, блядь… — Матвей хватает ртом воздух, как будто это его сейчас душат, а не меня. Странно, но мне не страшно. Страх — последнее, что я сейчас ощущаю. Поэтому упрямо смотрю в бешеные глаза, пока пульс одурело стучит в висках, — думал, что ты не одна из них…

Резко разжимает пальцы, позволяя мне глотнуть наконец воздуха, а потом выплюнуть ему в лицо:

— Из кого? Из кого, Матвей? Из легкодоступных шлюх? Не меряй всех по себе и своему окружению! Если тебе звонят посреди ночи, и ты уже готов засунуть свой член в первую же телку, то я не такая! У меня есть гордость, мать твою! Чувство собственного достоинства! — не замечаю, как на последних словах голос ломается, потому что картинки того, как он спал с той девкой, снова взрываются перед глазами, а чувство использованности в очередной раз грызет нутро. — Для тебя секс — развлечение! Не важно с кем, когда, как. Но это не значит, что для меня все точно также. Я себя не на помойке нашла, чтобы трахать меня, а потом вышвыривать за ненадобностью и идти к своей бывшей!.. Черт!

Понимаю, что последние слова слетели с губ в порыве ярости, и чувствую себя за это еще отвратительнее. Разворачиваюсь на негнущихся ногах и упрямо иду назад. Я хочу уехать. Забрать ключи и свалить отсюда, потому что сил нет никаких что-либо делать дальше. Мелкий камушек на асфальте впивается острым краем в ступню, заставляя зашипеть от боли. Горло сдавливает кольцом, как будто Матвей и не убирал с него руки. Душит, раздирает. Слезы грозятся прорваться потоком, но я быстро жмурю глаза и часто сглатываю.

А потом вдруг чувствую, как меня резко останавливают, и сзади к спине со всей силы прижимается Матвей. Обхватывает за талию, замирает, а после лихорадочно скользит ладонями вверх по животу. Тяжелое рваное дыхание на ухо опьяняет, будоражит… рвет на части… Пошевелиться нет никаких сил. Их будто высосали до последней. Опустошили. Растерли в порошок.

— Ринка…. — Матвей жадно утыкается носом мне в волосы, ведет по ним, глубоко вдыхает, а у меня не получается даже снабдить организм кислородом. С такой силой он сжимает мои ребра, что еще немного и они точно захрустят. Ком становится все невыносимее. Мне больно. Так больно, что я не понимаю в

какой части тела локализуется эта боль. То ли колющая от щетины, которой Матвей жестко вдавливается в плечо, что-то тихо нашептывая, то ли это так саднят ребра от силы его давления… Или же это внутренняя боль. — Ринка моя…

Крепко сжимаю веки. Тепло ставшего почти родным тела обжигает спину, дыхание оглушает. Мое тело отчаянно борется за то, чтобы выстоять в этом напоре. Жесткие пальцы ныряют в мои волосы, но не тянут, не сгребают в кулак. Он хаотично водит ими, словно пытается так проверить что-то, удостовериться, что перед ним именно я, а не кто-то иной.

— Матвей, отпусти, — слова едва слышны, но я чувствую, как он сзади отрицательно качает головой.

— Рин, никаких бывших не было, — замираю, когда смысл сказанного проникает до воспаленного разума, — ни бывших, ни будущих. Никаких, Ринаааа, — Матвей рывком разворачивает меня к себе и обхватывает ладонями за голову, путаясь пальцами в волосах.

Наверное, я должна была бы почувствовать облегчение, но оно не приходит. Сумасшедшие глаза напротив кажутся нереальными. В них столько боли, отчаяния, ярости. Внутри Матвея хаос, рвущийся наружу. Я на физическом уровне ощущаю, как его трясет. Или это меня. Зуб на зуб не попадает.

Он большими пальцами гладит мои губы, слишком резко проводит своей щекой по моей, словно извиняется так за произошедшее там в клубе.

В кармане его джинс начинает звонить мобильный, мелодию которого мы игнорируем бесконечные мгновения. Мимо проходят люди, нас объезжают машины, недовольно сигналя, а мы как будто провалились в какое-то параллельное измерение. Ни он, ни я не можем разорвать эту наэлектризованную связь.

Звонок прекращается, но уже через секунду снова разрезает пространство.

— Да блядь… — не позволяя мне отойти, Матвей достает телефон и принимает вызов. — Алло… Что? — хватка на моем теле сначала ослабевает, а потом и вовсе исчезает. Матвей отшатывается назад. Выражение его лица мгновенно меняется, смертельно бледнея. — Как она? Куда ее скорая повезла?

Я внутренне сжимаюсь. Шестое чувство вопит о том, что случилось что-то ужасное. Он так переживает только за семью, а значит… Внимательно всматриваюсь в ставшее подобно маске лицо. Пытаюсь уловить хотя бы малейшую эмоцию, но их нет. Только крепко сжатая челюсть.

— Я понял. Сейчас поеду туда.

— Что случилось? — выпаливаю, как только заканчивается

разговор.

— Лана в больнице.

Глава 37

Марина

Светлый пустынный коридор морально давит. За прозрачным стеклом на идеально белой кушетке спит Лана под капельницей абсорбирующего вещества, как нам объяснил врач. В частной клинике все совсем не так, как в государственной. Там бы пришлось долго добиваться хотя бы выхода к нам доктора, здесь все иначе. Высокий статный мужчина в белом халате подошел сразу же как только узнал о приезде Матвея. Похоже, это был семейный врач Кешновых, так как они общались достаточно тесно.

Доктор Лемешев объяснил нам, что жизни девчонки ничего не угрожает. Валя увидела ее падение, поспешила за Кириллом, и пока перепуганный брат мчался к бассейну, вызвала бригаду скорой помощи. Когда они приехали, Лана уже была в сознании, но ее все равно забрали сделать необходимые анализы и провести осмотр. Судя по внешним признакам, она была сильно под градусом, но употребляла ли наркотики, как раз сейчас выясняется.

Пока мы гнали по трассе, я впервые поняла, каково это бояться за чужую жизнь. Страх был такой сильный, что буквально сковал изнутри, покрывая внутренности ледяной коркой. Матвей всю дорогу молчал. Просто смотрел вперед, резко выкручивая руль на поворотах. Его напряжение передавалось мне невидимыми волнами, и я понимала почему. Для него все было страшнее, чем для меня. Он переживал подобное состояние во второй раз. Взгляд парня остекленел, тело превратилось в гранит. Он был похож скорее на машину, чем на живого человека.

Чувство потери всегда было чуждо для меня. Дети в интернате приходили и уходили. С теми, с кем мы делили игрушки, наша связь прервалась несколько лет назад. Вика… Она подруга. Но она не семья. А для Матвея Лана родная кровь. Сегодня впервые за все время нашего знакомства я увидела в его глазах искренний страх. В момент, когда по телефону сообщили о произошедшем, эта эмоция не смогла укрыться под маской извечной бравады.

Говнюк любит девчонку. Любит, хоть и возвел вокруг себя железобетонные стены. Всю жизнь он живет в ожидании повторения того, что случилось с Ксюшей, и эта боль не дает ему подпустить ближе младшую сестру. Только разве не мы сейчас довели ее до случившегося? Эта мысль настойчивой догадкой зудела в ушах всю дорогу, пока мы неслись по трассе.

Девчонка не выдержала груза предательства с моей стороны и безразличия с его. Мнимого безразличия.

— Матвей? Кирилл? — голос доктора раздается по коридору, где мы сидим в ожидании вердикта.

Матвея подбрасывает с места, Кирилла следом. Я тоже встаю.

— Ну что, Матвей? В крови наркотических веществ не обнаружено. Анализы относительно хорошие. Благо, воды не много наглоталась. Ты вовремя успел, Кирилл, — мужчина обращает взгляд на Кира, который сейчас больше похож на ходячего трупа, — если бы ваша прислуга не заметила ее падения, все могло бы закончиться гораздо хуже. И это мы еще не знаем упала она случайно или намеренно….

Ему не нужно договаривать, чтобы мы поняли ужасающую картину возможного исхода. Болезненные мурашки пробегают по коже, стоит представить, что доверчивой девочки вдруг не стало бы. Наверное, я бы всю жизнь винила себя в этом.

— К ней можно? — голос Матвея едва ли похож на свой собственный.

— Конечно. Вы вообще можете поехать домой, а завтра заберете ее.

Резко мотнув головой, Матвей сжимает плечо Кирилла.

— Кир поедет. Я останусь.

— Как скажешь, если что нужно будет, ты знаешь, как меня вызвать. Медсестра все необходимые процедуры сделает сама.

Кивнув, доктор удаляется.

— Вызови такси, Кир, я завтра на своей мелкую привезу.

Опустошение и дикая усталость. Именно так можно описать сейчас внешний вид Матвея. Он изнуренно трет переносицу. Кирилл даже не думает противоречить. Как я поняла, в их семье все поступают так, как говорит Матвей. Но сейчас им двоим действительно в больнице делать нечего. Да и мне тоже. Наверное, нужно бы испытывать облегчение, что с Ланой все в порядке, и так и было, как только я узнала, что ей ничего не угрожает. Но лишь ненадолго. Пустота внутри растет так быстро, что справиться с ней становится все сложнее.

Пока парни перекидываются фразами, я бросаю последний взгляд на мирно спящую девчонку и разворачиваюсь, чтобы направиться к выходу.

— Рина! Ты куда?

Голос Матвея останавливает.

— Домой.

Оборачиваюсь и встречаюсь с ним взглядом. Кирилл проходит мимо, кивнув мне на прощание.

— Где ты сейчас живешь? Я завтра тебя заберу.

Несколькими шагами Матвей сокращает между нами расстояние. Мне до дрожи в пальцах хочется разгладить морщинку на его лбу, но титаническим усилием приходится себя сдержать.

— Не нужно. Я сама оттуда скоро съеду.

— Живи у нас.

Горько усмехаюсь.

— Думаю, это невозможно.

— Почему?

— Знаешь, почему Лана напилась? — широкая бровь вопросительно взлетает. — Из-за нас. Я когда-то ей пообещала, что не предпочту ей тебя. Что не стану одной из череды тех доступных девок, которые подружившись с ней, раздвигали перед тобой ноги и сваливали, потому что в итоге не нужны были тебе. И… — пожимаю плечами, признавая поражение и позволяя додумать дальше самому. Горечь обжигает кончик языка.

Матвей хмурится. Долгие секунды обдумывает сказанное, потом нервно проводит пальцами по волосам и утыкается взглядом в стекло палаты.

— Бред, — выдыхает… — Ее и спрашивать никто не будет, — поворачивает на меня голову, — Рина, ей придется смириться с тем, что мы вместе.

— Нет, — все, что получается — это отрицательно качнуть головой. — Нет, Матвей. Мы не вместе. Пока ты не приведешь в порядок весь хаос, происходящий в твоей жизни и самое главное внутри тебя самого, мы не сможем быть вместе. Вот это, — указываю пальцем на подростка по ту сторону стекла, — это из-за нас. Из-за тебя. Если бы ты обращался с Ланой не как с чужим человеком, такого бы никогда не произошло. Пойми это наконец. У меня не было родных. Я не знала, что значит прийти домой и поделиться сокровенным с сестрой или братом. Потянуть носом запах жареной картошки на ужин, приготовленной матерью, или скривить нос от аромата табака отца. И знаешь, что самое страшное? Лана тоже не может всего этого сделать. У нее есть отец и два брата. Два, — зачем-то складываю пальцы в цифру два, как будто просто слов не достаточно, — а на деле она одинока. Ей не нужна твоя опека. Твое ежедневное гестапо. Ей необходимо совершать ошибки на собственном опыте, а потом если вдруг какой-то мудак ее обидит, прийти к тебе и пожаловаться. И тогда уже можешь бить морду смертнику. После. После того, как она нарастит опыт из предательств и начнет различать белое и черное. Она заняла мне денег спустя две недели знакомства. Понимаешь? Чужому человеку отдала все карманные, лишь бы купить себе дружбу.

Матвей слушает, внимательно всматриваясь в мои глаза. Крепко сжимает губы и как будто силится обдумать все сказанное. Надеюсь, он услышит. Хотелось бы, чтобы эти двое уже смогли стать настоящей семьей, а не видимостью таковой. Мне очень хочется сейчас прижаться к нему, зажмуриться, втянуть носом запах кожи, ставшей родной за короткий период, сказать, что все будет хорошо, но … я не уверена, что все так и будет.

— Ты в секунду вспыхнул и чуть не убил меня, увидев засос. Даже не спросил откуда. Не выяснил причины. Ты привык жить так, что все вокруг предают. Общаются с тобой из-за денег или еще по каким-то причинам, а нужно просто попробовать открыться, — горько улыбаюсь, понимая ироничность ситуации. — И мне тоже. Нам обоим нужно учиться доверять. Разговаривать. Нам нужно время….

— Рин…

— Я хочу тебе верить, но я боюсь. Боюсь привязаться, а потом быть выброшенной. Находишь сходства? Ты пытаешься казаться непоколебимым. Весь такой самодостаточный. Делаешь вид, что ни в ком не нуждаешься. Но если бы с Ланой что-то случилось, ты бы себе этого не простил. Так скажи ей об этом. Дай знать, что она не одна.

Слова даются с трудом, потому что я понимаю, что нам обоим действительно необходимо успокоиться и переосмыслить последствия того эмоционального взрыва, который оставил после себя серый пепел. Мне нужно начать все с чистого листа, избавиться от грязи, собравшейся за последние дни, а ему — ему пустить в свою жизнь родных и быть готовым испытывать боль и совершать ошибки.

Осторожно касаюсь пальцами напряженной колючей скулы. Не могу сдержать порыва и отказаться хотя бы от такой мелочи. Мне необходимо это мимолетное касание. Желание остаться с Матвеем настолько велико, что противоречия внутри начинают войну. Горло стягивает спазмом. Убираю руку и с твердой уверенностью, что поступаю правильно, разворачиваюсь, и выхожу из клиники.

Глава 38

— Что ты здесь делаешь?

Голос мелкой просачивается сквозь дремоту, в которую как мне кажется я провалился буквально только что. Разлепляю глаза. Стрелки на настенных часах показывают девять утра. Странно, что нас не разбудили. Хотя медсестра заходила около шести и видимо решила больше не беспокоить.

— Ждал, когда ты проснешься.

Тяну мышцы шеи и встав с кресла, разминаю затекшию спину и руки. Позвонки хрустят после долгого сидения в кресле.

— Убивать меня будешь?

Не сильно-то удивлена тому, где находится. Значит, память не подводит. Затравленный взгляд Ланы красноречивее любых слов. Рина права. Мелкая боится меня сильнее возможной высадки на землю инопланетян.

— Ты сама себя чуть не убила ночью. Нахрена ты напилась?

Лана приседает на кушетке и отводит глаза. Пожимает плечами.

— Не думаю, что мой ответ тебе интересен. Можешь сразу наорать и лишить меня… чего там? Выхода из комнаты. Я и так дом не покидаю без веской причины. Хорошо, что у меня ванная комната собственная, а то пришлось бы звонить тебе каждый раз, когда приспичит.

— Язык прикуси, мелкая! И собирайся. Проедемся кое-куда.

— Куда?

Карие глаза взметаются, обжигая неподдельным ужасом.

— Матвей, не надо меня отправлять в закрытую школу, пожалуйста.

Голос мелкой вибрирует, наполненный умоляющими нотками. И я впервые за много лет позволяю себе отреагировать на него.

— Лана, лето на дворе. Все школы закрыты.

— Тогда куда?

— Увидишь. Собирайся.

Пока мелкая, стреляя в меня недоверчивыми взглядами, расчесывается и приводит себя в порядок, я опираюсь на дверной косяк и исподлобья наблюдаю за ней. Мелкая блядь, ага. Мелкой она была, когда беззубая верещала, оставаясь одна в комнате. Или когда играла с Киром на заднем дворе в мяч и безнадежно пыталась вовлечь в игру и меня. Брызгалась водой из бассейна, а я орал на нее, потому что видеть не мог того, как мы все живем дальше, а Ксю больше нет. И не понимал как можно вообще быть

способным на то, чтобы ощущать чувство радости.

Сначала я ненавидел Лану, да. Из-за нее умерла мать. Я тогда думал, что это произошло из-за нее. Потом понял, конечно, что причина крылась намного глубже, но с самого ее рождения я питал к сестре самые негативные чувства. А еще мне резко пришлось стать старшим братом. Быстро повзрослеть и забыть об играх с пацанами. Я следил за Киром и мелкой. И чем старше становился, тем навязчивее были мысли о том, что если ослаблю поводок, эти двое обязательно свалятся в какую-нибудь дыру. И так и происходило. Что Кир, что мелкая так и норовили куда-то вляпаться, блядь. По очереди проверяли мои нервы на прочность.

— Я готова, — Лана, засунув руки в карманы, несмело подходит ко мне.

— Вещи забрала?

— У меня нет ничего с собой.

Перекинувшись с врачом рекомендациями и отвалив нехилую сумму за «качественно выполненную работу», мы садимся в тачку и выезжаем с парковки.

— Это правда, что ты говорила Рине держаться от меня подальше?

Подкуриваю сигарету и выдыхаю дым в открытое окно.

Мелочь замирает и заламывает пальцы рук.

— Да. Мне надоело, что все с кем я не познакомлюсь в итоге оказываются на коленях перед тобой. Надеялась, хотя бы Рина окажется другой.

Замечаю, с какой злостью выстреливает в меня взглядом, но тут же его прячет, стоит мне повернуться.

— Рина другая.

Вместо ответа тихое саркастическое фырканье.

— Наверное. Но тебе ведь все равно. Ты уже на следующий день развлекался со своей той… Как ее звали?

— Настей?

— Да, Настей.

— Хоть это и не твое дело, Лана, но Настя — грязь. А я не люблю пачкаться в грязи. И хочу, чтобы ты была в курсе. Я буду с Риной. Нравится тебе это или нет, — удерживаю ее взгляд, давая понять серьезность своего решения.

Как же она похожа на Ксю. На мгновение зависаю, рассматривая черты лица. Тот же разлет глаз, вздернутый нос и едва заметная россыпь веснушек на носу. Даже брови хмурит одинаково. Сердце сжимается, уплывая в этих настолько очевидных сходствах.

— Ты серьезно?

— Да. И с твоей стороны было бы лучше пойти ей навстречу.

Ри переживает из-за того, как все произошло.

Лана предпочитает оставить мое настояние без ответа. Несколько секунд рассматривает меня, как будто видит впервые, а потом отворачивается к окну.

Судя по всему, эти двое действительно сблизились. Не знаю когда только успели. Совместная ненависть ко мне объединила? Или мелкая увидела в ней ту, кого никогда не имела?

Не удивительно. Дикарка хоть и дерзкая, но настоящая. Вон как за мелкую вступилась. Уже не впервые проявляет заботу по отношению к ней. Да и Лане она не безразлична. Что там Лане?

Я сам помешался так, что думать ни о чем кроме как о Ри не получается.

Мы подъезжаем к кладбищу спустя минут тридцать. Утреннее солнце нещадно лупит в физиономию, прилипает к коже, удушает высокой температурой, но мне не жарко. Каждый раз, приезжая сюда, я чувствую холод.

— Что мы здесь делаем?

Лана бывала в этом месте всего раз пять за всю жизнь. Она ежится, рассматривая могильные плиты, и ступает за мной по заученной до каждого валяющегося кирпича на обочинах, тропинке. Наверное я выучил имена и фамилии тех, кто здесь похоронены еще когда только начал бегло читать. Двадцать шагов вперед и семнадцать направо. Накрененное дерево, пригнуться, еще двадцать три шага. Тишина здесь особенно оцепеняющая, но мне никогда не было страшно. Знаю, другие стремаются находиться в подобном месте, но не я. Ведь здесь Ксю. А она всегда меня защищала.

Останавливаюсь около гранитного памятника. Лана становится за моей спиной и прижимается крепче, словно боится. А меня прошибает. Я привык ее запугивать, а мелкая вопреки всему, ищет у меня защиту. Вскидываю глаза к ясному небу.

— Помнишь, отчего умерла Ксюша?

— Ну да. Она попала в аварию, — отвечает тихо, как будто боясь, что повысь она голос, её могут услышать.

— Нет, Лана. Не было никакой аварии.

— В каком смысле?

— Она умерла из-за отца и наркоты.

Нервное дыхание позади замирает.

— Как это?

— Пора тебе снять розовые очки, мелкая.

Рассказ будет непростым. Скорее всего, после сегодняшнего дня она по-другому посмотрит на мир. А может и нет. Не знаю сделаю ли я лучше тем, что вылью на нее всю дерьмовую правду о нашей семейке, но Рина права. Лане нужно повзрослеть и понять,

что не все в жизни радужно и играет цветными красками. Что искать хорошее нужно, ровно как и быть готовой к тому, что судьба способна дать под дых и вывернуть наизнанку. И возможно, если она будет знать о случившемся, осторожнее станет относиться к новым знакомствам и не искать приключений.

А я… не знаю изменится ли что-то во мне, но я реально заебался гнать на максималках в одиночестве.

Глава 39

Марина

— Марин, давай помогу, — Глеб забирает у меня пакеты с овощами для Натальи Ашотовны, которые ей попросила передать баб Вера.

— Спасибо, — поворачиваю замок и дергаю ручку, проверяя закрыла ли дверь.

— Ты сейчас в бар?

— Да.

— Давай подвезу.

— Если тебе по пути, буду благодарна.

— Даже если бы мне было не по пути, я бы все равно тебя подвез.

Парень тепло улыбается и пропускает меня вперед вниз по ступеням.

Мы с Глебом познакомились в первый же день, когда я сняла квартиру. Оказывается, выход находился у меня перед самым носом. Случайно обмолвившись хозяйке бара о том, что ищу недорогую квартиру, я тут же ее и нашла. Наталья Ашотовна обрадовала меня тем, что ее собственная бабушка уезжает на дачу и хочет на несколько месяцев сдать однушку.

Денег она брала к моему огромному счастью копейки по сравнению с остальными вариантами, да и сам дом находился всего в нескольких кварталах от бара. Вариант идеальный, не смотря на довольно скромный ремонт. Но даже если бы квартира кишела живностью, я бы скорее всего согласилась. Образ жизни Вики и ребят меня не устраивал.

В первый вечер, выйдя в магазин за продуктами, я не смогла справиться с замком. Ключ иногда заедал, как мне объяснил потом Глеб, который и услышал копошение в замке и очень удивился, увидев на месте привычной старушки меня.

Сосед частенько помогал пожилой женщине справиться с проблемным замком, и в этот раз ему не составило труда впустить меня в квартиру. С того вечера мы общаемся. Парень довольно милый, воспитанный и веселый. Он уже несколько раз звал меня в кафе или прогуляться в парк, но…

Но ничего кроме дружеской симпатии он во мне не вызывает, в чем я ему и призналась сразу же, как поняла его намерения вывести общение из фрэндзоны.

Понимаю, что невольно сравниваю Глеба с говнюком, пронесшимся по моей жизни подобно метеориту и подорвавшим ее к чертовой матери.

Возможно, если бы я никогда не знала Матвея, то не раздумывая отправилась с Глебом на свидание и даже посмотрела бы на него как на парня, а не на друга. Но вот уже третью неделю я мыслями все еще живу в доме Ланы и Матвея.

Когда Глеб заходил ко мне однажды утром на кофе, и я повернулась к нему задом, мне не прилетело в спину похабных фразочек, никто не посмел обжечь бедро шлепком и впиться зубами в плечо. А когда довольно-таки симпатичный парень попытался меня поцеловать, провожая домой после работы, и я отвернулась, он не обхватил лицо лапищей и не засунул в рот язык насильно.

Да, он замечательный и чуткий. Внимательный, заботливый. Он… совсем не как Матвей. И это только моя проблема, что я вместо того, чтобы искать в жизни стабильности, каждый раз вздрагиваю при трели звонка над дверью в баре.

Но Матвей не заявляется. Нагло не вваливается в бар, не звонит и не приезжает. Возможно, он подумал и решил не усложнять себе жизнь, а может налаживает отношения с Ланой, я не знаю. Я просто жду. Стараюсь верить его словам и тому, что почувствовала в нашу последнюю встречу.

— Спасибо, что подвез, — благодарно улыбаюсь Глебу, пока он достает из багажника пакеты с овощами.

— Пойдем, я отнесу и посижу немного. Мне на работу чуть позже.

Я сменяю Катю и пока кручусь за барной стойкой, наполняя бокалы пивом для нескольких клиентов, Глеб рассказывает о том, что уже через год закончит обучение в университете.

Некоторые уже диплом получают, знают кем станут, имеют планы, цели. А я…

На днях я ездила в медицинский, перечитала перечень вступительных экзаменов и поняла, что за месяц мне при всем желании не подготовиться. Разве что брать с собой в бар учебники, но тоже не вариант. Нужно выбрать что-то одно. Работа и подготовка к экзаменам несовместимые понятия. А отказаться от работы я не могу. Даже такой божий одуванчик как баб Вера не будет держать меня у себя бесплатно. Поэтому, скорее всего, поступление снова придется отложить. Хотя я и раньше знала, что поступить в этом году не удастся, но все же глубоко в душе надеялась, что каким-то образом справлюсь. Глупая.

— Я отойду, — голос Глеба заставляет бросить на него мимолетный взгляд. Кажется, я прослушала все, что он говорил последние минут десять.

Киваю в ответ и отворачиваюсь, чтобы взять бокал и начать его протирать. Увлекаюсь, уйдя снова в свои мысли, когда слышу

сзади:

— Можно мне бокал вашего самого дерьмового крафтового?

Сердце с размаху валится с обрыва, а бокал в руках вздрагивает, едва не падая на пол. Знакомый хриплый голос стремительно внедряется сквозь барабанные перепонки и моментально заставляет кровь бежать быстрее по венам.

Резко оборачиваюсь. Матвей сидит на стуле и смотрит на меня в упор. За ухом сигарета, руки в замке на барной стойке. Губы играют легкой улыбкой. Понимаю, что нужно ответить, но язык присох к небу. Сердце отмирает и начинает пробивать дыру в грудной клетке.

— Оно у нас подорожало, — отвечаю, чувствуя, как губы сами вытягиваются в улыбку.

— Да ты что? — широкая бровь дерзко взлетает, возвращая в мою жизнь краски, смытые последним нашим разговором. — Даже если бы оно стало стоить как Джеймсон, я бы не отказался от нескольких глотков из твоего рта.

Мы смотрим друг на друга бесконечные секунды, проваливаясь куда-то глубоко и выпадая из реальности. Мне кажется, я слышу его дыхание и даже запах сигарет на расстоянии метра. Пробегаюсь глазами по мимическим морщинкам в уголках глаз, по шраму над бровью и жестким губам, не раз терзающим меня жадными поцелуями. Матвей точно также исследует мое лицо. Его взгляд как и всегда обжигает, проникает под кожу и распаляет.

Но сейчас все иначе. Тем, что он пришел, Матвей показывает, что принял решение, и сейчас в моем лице пытается найти ответ на свое действие. А я понимаю, что дико скучала по засранцу. И что даже такая мелочь, как просто видеть его взгляд, вызывает внутри живота щекочущие ощущения.

— Марин, я тут фильм один заприметил, может сходим сегодня? — откуда-то как будто издалека звучит голос Глеба.

Он подходит к барной стойке и поворачивает ко мне экраном телефон, демонстрируя постер новинки кино.

Матвей медленно моргает и переводит на него глаза, выныривая из нашей глубины. Я пристально наблюдаю за его реакцией. Если он пришел, сделал этот важный шаг, значит должен был поверить мне. Я за эти две недели прикладывала огромные усилия, чтобы не думать о том, чем он может заниматься. Пыталась учиться ждать и верить в него. Если мы хотим, чтобы у нас что-то получилось, нужно научиться доверять друг другу. И сейчас… в лице Глеба происходит проверка, и мне как никогда хочется, чтобы он почувствовал, что у меня ничего не было с этим парнем.

Крепко сжимаю полотенце, пока голубые глаза снова возвращаются на меня, несколько мгновений всматриваются в лицо.

— На трек сегодня едешь?

Хриплый голос звучит ровно, нечитаемо.

— Да.

— Отлично. Тогда увидимся, Ри!

Матвей хлопает ладонями по столешнице и соскакивает со стула. Делает несколько шагов к двери, а я не могу оторвать взгляда от удаляющейся спины. Пытаюсь понять, что все это значит и как расценивать такую реакцию. Вот только долго гадать не приходится.

Матвей вдруг останавливается. Секунда, две, три. Качает головой, и мне кажется, я даже слышу тихий смешок.

Разворот. Три тяжелых шага по направлению к бару. Уперевшись руками на стойку, говнюк подтягивается и перескакивает через нее, приземляясь рядом со мной.

Я не успеваю отшатнуться, как тут же оказываюсь прижатой бедрами к столешнице. В ноздри врывается терпкий запах горячего тела Матвея, а пульс как по выстрелу несется вперед.

Наглые губы растягиваются в ухмылку, а ладони ложатся на мою талию и сильно сжимают.

— Если ты думала, что я так просто уйду, то тебе придется узнать меня лучше, Риии!

В груди растекается жалящее тепло, пока я, отбросив полотенце, оплетаю руками крепкую шею.

— Если бы ты ушел, я бы предпочла тебя больше не знать!

Хриплый смех вызывает рой мурашек по коже. Я приподнимаюсь навстречу к стремительно приближающимся к моему лицу губам. В волосах запутываются властные пальцы и запрокидывают мою голову для поцелуя. Язык по-хозяйски врывается в рот, устремляя своими бессовестными манипуляциями волну горячего желания вниз живота.

Как же я ненавижу его за то, что целых две недели приводил свои мысли в порядок. И как невыносимо обожаю за то, что ни капли не изменился! Он не спрашивает разрешения. Не ждет позволения. Матвей делает то, что хочет, точно зная, что я сама с ума схожу по нему. Думаю, это очень отчетливо ощущается тем, как жадно я вжимаюсь в его крепкое тело. Кусаю любимые жесткие губы и сгребаю пальцами короткий ежик светлых волос.

Оказывается, я не гожусь для спокойной жизни. Ну и к черту ее.

Глава 40

Матвей

Газую, подкатывая байк на старт. Изнутри жарит адреналин в предчувствии гонки. Соскучился по треку. Сколько я не гонял? Еще в прошлом году в последний раз. Тогда чуть с байка не слетел на одном из поворотов. Под дурью сел форсить. Сегодня я тоже под дурью, но на этот раз моя дурь не связана с проходящим кайфом. Она, облаченная в новую форму для грид-герл, выходит на середину дороги и, мазнув по Косте, второму гонщику, быстрым взглядом, устремляет глазища на меня.

Внутри все бурлит при виде дикарки. На подтянутом теле короткая юбка, настолько короткая, что если присесть рядом завязать шнурки, можно рассмотреть родинку на её левой ягодице, блядь. И кожаный топ, обтягивающий мои любимые небольшие сиськи.

Член дергается, наливается и болезненно упирается в ширинку. Если бы он мог говорить, то обвинил бы меня в двухнедельном преднамеренном целибате. Смирно, брат! Еще немного, и мы дорвемся до нашей сладкой косточки.

Поправляю каменный стояк рукой, чувствуя, как плечо обдает ноющей болью. Последствия вчерашнего боя. За четырнадцать дней я провел их уже два. Кажется, Мирон решил использовать мои возможности по полной, потому что теперь ставит меня на каждый спарринг, хотя раньше я проводил их не чаше, чем раз в три недели. Мудак решил вернуть свои бабки быстрее и выжать меня по максимуму. Но так даже лучше. Скорее долг отдам и освобожусь от татарского ига.

Ри встряхивает волосами, возвращая меня из мыслей о боях в реальность. Четырнадцать дней. Четырнадцать долбаных дней я не видел ее.

Знал… нутром чувствовал, что так надо. Ей нужно было это время. Мне оно было нужно. Вдохнуть полной грудью и постараться просто дышать. Игнорировать тусовки, по сути меня ничем не привлекающие. Сделать удар на спорте и уделить время Киру. Брат, оказывается, тоже не шибко горел желанием коротать ночи в клубах.

После разговора с Ланой, мелкая перестала фыркать на любую мою реплику и закатывать глаза. Из её взгляда исчезла ненависть и презрение. Хлопки дверью прекратились, а позавчера вечером, когда мы с Киром завалились смотреть Джона Уика в гостиной, Лана уселась рядом на диван с тарелкой чипсов и притащила три бутылки пива.

А еще за это время я нашел себе квартиру в центре. Внушительных размеров трешка с панорамными окнами, как любит Ри. Однажды, когда она еще жила у нас, я слышал ее разговор с сестрой о том, что ей хотелось бы тоже жить в квартире, где много света и окна во всю стену. В моей квартире дохрена света.

Младшие еще не в курсе грядущих перемен, пока пусть не радуются. Я конечно готов слегка послабить поводок и дать им чуть больше свободы, но уже представляю, в какую задницу на радостях полученной свободы может вляпаться Лана.

Тонкие руки Ри медленно поднимаются, в то время как ее взгляд направлен только на меня. Вокруг хренова туча народа, биты музыки вибрируют в воздухе, а зеленые глаза утаскивают меня в себя. Она скучала. Скучала не меньше моего. Пока мы ехали сюда, меня бомбило от того, с какой силой Ри прижималась ко мне сзади.

Погоди, маленькая, еще какой-то час, и я тебе напомню, каково это вилять своей задницей перед моим носом.

Пристегиваю ремешки шлема и наклоняюсь, готовясь к старту. Как только пальцы Рины расстегивают топ, я с ревом срываюсь с места, успев при этом заценить ее скромный белый лифчик.

Мимо несется воздух, свистящий в ушах, музыка отдаляется, оставляя биты позади. Вены шипят от температуры плавления. На короткое мгновение меня обгоняет Костян, подхлестывая выжимать скорость на максимум. Хрен тебе, чувак! Победа будет моей. Подыши пылью немного. И вырвавшись вперед, на повороте взвиваю вверх столб сухой пыли. Под оглушительный визг телок предсказуемо финиширую первым.

Толпа несется ко мне, даже не дав слезть с байка. Широко им улыбаюсь, позволяя себе на недолгое мгновение покупаться в лучах победы. Но только вкус ее не безупречный. Моя самая главная специя, придающая остроты и пикантности, где-то прохлаждается в то время, когда ее присутствие необходимо именно здесь и сейчас.

Встав с байка, откатываю его сторону и, больше не отвечая на лестные рассыпания, ищу глазами темную макушку.

— Рину не видел? — спрашиваю у Рыжего, когда тому удается ко мне пробиться.

— Да, она с Максом о чем-то трет у гаражей.

Окей. Мысли разного рода начинают роиться под коркой головного мозга, но я просто иду туда, куда сказал Рыжий.

— Ри, ты же знаешь правила. Дэн тебе объяснял. Он говорил, что вначале тебе сделает поблажку, но ты здесь уже месяц. Я не

могу платить тебе столько же, сколько и остальным, если ты не выполняешь все условия договора. Девчонки недовольны.

Голос Макса звучит требовательно, пока я приближаюсь к ним по пустынной тропинке, покрытой мелкой крошкой камней.

— Меня мало волнует, чем они там недовольны, — моя дикарка огрызается и складывает руки на груди. — Им в отличие от меня платят.

— В каком смысле? Что значит в отличие от тебя? Дэн всем отсчитывает одну сумму.

Макс, похоже, не в курсе выходок своего напарника. Выглядит удивленно и раздраженно.

— Дэн мне ничего не платит. Я здесь отрабатываю долг. Не свой. — Ри достает из сумочки сигарету и подкуривает. — Спроси у него, пусть лучше он тебе расскажет.

— А почему не ты?

— Потому что не хочу распространяться о том человеке, за кого я сейчас здесь нахожусь.

— Я не могу ничего решать, пока ничего не знаю, Марина.

Меня начинает вымораживать его требовательный тон.

— А знать есть что, Макс!

Ри оборачивается на мою реплику, а недовольная физиономия Макса выглядывает из-за её плеча.

Подхожу ближе и обнимаю Рину за шею. Глаза организатора гонок удивленно расширяются, пока он складывает пазл в голове. Да, все верно. Хрен вам удастся раздеть эту сексуальную чертовку. Лифчик одно дело. На него мне срать. А вот то, что находится под ним, принадлежит мне. И видеть это другим чревато лишением зрения.

— Может расскажешь? — Макс, следуя примеру Рины, тоже прикуривает и выжидающе смотрит на меня, еще раз оценивающим взглядом пробегаясь по моим рукам вокруг ее шеи.

— С удовольствием, — парирую, чувствуя, как пальцы Рины ложатся на мои руки. — Дэн решил выпустить на трек мою мелкую. И когда та упала на повороте, разбив его байк, потребовал у нее отработать сумму, потраченную на ремонт. Естественно, Лана не могла этого сделать, зная, что так просто ей с рук это не сойдет, как не сошло и Дэну. А Рина согласилась отработать за нее. Абсолютно бесплатно.

Судя по охреневшему выражению лица, Макс точно был не в курсе. Хотя, из этих двоих именно он всегда и отличался справедливостью и честностью, в отличие от своего мудилы напарника. Удивительно, как долго он не замечает его выходок. Или тупо закрывает на них глаза.

— Пиздец, — и да, он также в курсе, что мелкая

несовершеннолетняя, именно поэтому сейчас бледнеет на глазах. — Он говорил, что после истории с той девчонкой, что позвоночник сломала, больше такой херней заниматься не будет.

— Факты доказывают обратное.

— Теперь я понимаю твои мотивы в поджоге его гаража.

— Ты поджег гараж Дэна? — Ри стреляет в меня ошарашенным взглядом, резко поворачивая ко мне лицо.

— Да, — отвечаю, наблюдая за реакцией. Вместо ожидаемого осуждения на хитром лице появляется удовлетворенная улыбка.

— Хотела бы я на это посмотреть.

— Можем повторить.

Взгляд зеленых глаз сползает на мои улыбающиеся губы. Желание сожрать эту бестию вспыхивает с новой силой.

— Мда, — голос Макса непрошенным напоминанием о своем присутствии разрезает наши гляделки, — тогда я понял тебя, Ри. Но смотри, если хочешь, можешь гридить и дальше. Я решу вопрос с девчонками, а тебе буду платить. Как смотришь на это?

— Отлично, мне подходит, — ей даже время на раздумья не требуется. Надо что-то решать скорее с её финансовым положением, чтобы не хваталась за любую подвернувшуюся возможность.

— Только лифчик она снимать не будет! — чувствую, как ногти Рины впиваются в мою руку, услышав единственное условие, согласно которому она реально сможет выходить на трек.

Встречаюсь со смеющимся взглядом, буквально обвиняющим меня в чувстве собственности. Крепче сжимаю руки, без лишних слов подтверждая обоснованное обвинение.

Макс явно недоволен, судя по шумному выдоху, но он и сам понимает, что ради этой чертовки здесь собирается половина зевак, и не согласись он с условием, лишится ее на раз. А бабки терять никто не хочет.

— Я понял. Ладно, ребят, я все обмозгую.

Пожав мне руку, Макс, наконец, оставляет нас одних, и я могу сделать то, о чем мечтал добрые тридцать минут. Развернуть заразу к себе и поцеловать.

— Ммм, — руки Ри оплетают мою шею, пока я спускаю ладони вниз по упругой заднице и, задрав большими пальцами юбку, обхватываю ягодицы. — Тебя можно поздравить с победой? — мурлычет на ухо, поскребывая ногтями по задней части моей шеи.

Испытывает терпение, которое и так почти на нуле.

— Конечно. Можно было даже заранее, не прогадала бы.

— Самоуверенный говнюк!

— Поехали домой, Риииии!

Глава 41

Матвей

Нереальный кайф лететь по трассе, когда сзади в меня впечатана Рина. Ее коленки по обе стороны от моих бедер не дают расслабиться ни на секунду. Хотя мне даже становится в какой-то момент плевать, что дом находится так далеко от трека, потому что вот так разрезать пространство с ней вместе уже вызывает в груди жгучее чувство, сравнимо разве что с… да ни с чем несравнимое.

Шаловливые руки Рины в какой-то момент вместо того, чтобы держаться, сползают ниже, и меня тут же подбрасывает, когда ловкие пальцы оказываются на моем паху. Вашу ж мать! Перед глазами рассыпается сварочная пыль, а в мозгах коротит. Едва не теряю управление. Чувствую, как зараза прилипает еще ближе, расстегивает пуговицу на джинсах и тянет вниз ширинку. Шумно выдыхаю, понимая, что до дома мы конечно доедем, но позже. Намного позже. Сейчас мне нужно свернуть подальше от дороги, потому что как назло поехал сегодня оживленной трассой. Дернул же черт.

Изнутри начинает шкварить, стоит этой ненормальной обхватить член прохладными пальцами и сильно сжать ствол. Все, блядь. Аут. Додразнилась.

Резко сворачиваю на первом же повороте. Дорога к какому-то поселку кажется. Похрен. Ни фонарей, ни черта. Но мысль о том, что мы можем застрять в трясине, даже не возникает в голове. Здесь хотя бы машины не ездят.

С визгом торможу на обочине, взвивая столп пыли.

— Рииии, ты забыла с кем играешь! — угрожающе рычу, заглушая двигатель.

Спину обдает теплым ветром, означая, что дикарка слезла с байка.

— О, нееет, — игривым тоном доносится сбоку, и уже через секунду я забываю блядь собственное имя, потому что тонкие пальцы вешают на руль белые стринги. Перевожу взгляд на оторву, уже точно зная, что сделаю с ней через секунду. Прикусив губу, моя хитрая лиса дерзко расстегивает топ и сбрасывает его. Освещенная только лунным светом местность впитывает сексуальность, исходящую от каждого ее движения. — Я очень хорошо помню! — добавляет и, обхватив кромку юбки, начинает ее медленно задирать, играя бедрами из стороны в сторону и открывая мне вид на гладкий лобок.

Глаза жадно впитывают картину, на которой меня разводят,

как пацана, а я поддаюсь, потому что тащусь от нее. Облизываю взглядом стройные ноги, которые стерва расставляет шире, явно ожидая моих дальнейших действий. А мне даже ширинку расстегивать не надо, она все сделала за меня. Становлюсь на землю и рывком притягиваю чертовку к себе, чтобы сожрать в глубоком поцелуе. Член упирается в плоский живот и тут же дергается, когда я провожу пальцами по гладким складкам. Удовлетворенно ухмыляюсь, ощущая, как они скользят, увлажненные смазкой.

— Сегодня без прелюдий, Ри!

— К черту прелюдии!

Разворачиваю дикарку лицом к дереву, в ствол которого Рина предусмотрительно упирается ладонями. Удерживая стояк рукой, направляю его в нее и не могу сдержать шипения, пока узкие стенки впитывают меня до основания. Повернув ко мне лицо, Ри громко стонет. Пухлый рот напротив открывается шире по мере моего проникновения. Приближаюсь и запускаю в него язык, цепляя кончиком ее собственный. Ломка охватывает каждую клетку тела. Сумасшедший жар распространяется со скоростью света, пожирая собой внутренности. Как же это охуенно. Ладонями обхватываю талию и начинаю без промедления двигаться внутри горячей плоти.

Не было так ни с кем и никогда. Чтобы до искр под кожей, до аномального желания раздавить, затрахать и не выпускать из рук. Раздается звук царапанья коры. Меня глушит громкими стонами и тем, как Рина прогибает спину, принимая меня еще глубже. Дергаю вниз лифчик и в помешательстве сжимаю сосок. Впиваюсь зубами в плечо, и в этот же момент Ри тянет меня за волосы к своим губам. Целует так жадно, что меня начинает трясти от потребности слиться с ней в какое-то необъяснимое одно целое.

Меня никогда не целовали настолько жадно, как будто я единственное, что ей необходимо. Нет, обычно телки умеют целоваться, когда им это нужно, но вот так — с бешеной одержимостью — никогда. И это подрывает фундамент, рушит нахрен всякое устоявшееся понимание всего того, что у меня раньше было с другими.

— Ринка, — накрываю ее скулы ладонью, пока второй рукой продолжаю удерживать бедра.

Не могу отлепить глаз от поплывшего взгляда напротив, от того как изгибаются красные губы на каждом резком толчке, как искажается от удовольствия лицо.

Острые ногти впиваются в кору, горячее дыхание опаляет кожу лица. Громкость стонов увеличивается, а член спустя

несколько мгновений сильно сжимается тугими стенками, пока Рину бросает в дрожь от разрядки.

Я продолжаю долбиться в нее, уже не соображая ничего от приближения мощной волны оргазма. Успеваю вовремя рывком вытащить себя из нее, чтобы выплеснуть сперму на ягодицу.

Тело сводит острым наслаждением, затапливающим каждую клетку. Оно вспыхивает и облизывает языками жалящего пламени до такой степени, что я на какое-то время теряюсь в пространстве.

С ней каждый раз остро. Ново. По-особенному.

Губы Ри касаются моего влажного от пота виска, пока я пытаюсь восстановить дыхание.

— И ты хотела, чтобы я кончил на скорости, Ри?

Одарив меня шаловливой улыбкой, Рина достает из небольшой сумки на талии салфетки и приводит себя в порядок.

— Я хотела тебя, Матвей. И согласись, я получила то, что хотела.

Ржу, откидывая голову назад. Тяжело не согласиться.

— А теперь давай домой.

Обещание в моих глазах не позволяет ей ослушаться. Поправив одежду, дикарка уже собирается встать и пересесть, как я разворачиваю ее передом и кладу ладони на руль. Сверху накрываю своими.

— Готова довезти нас с ветерком?

Хлестнув меня волосами, Ри оборачивается. Не верящий взгляд шокировано впивается в мое лицо.

— Матвей, я никогда не рулила мотоциклом.

— Не хочешь?

По глазам вижу — еще как хочет. Предвкушение буквально расцветает на алых губах ослепляющей улыбкой.

— Конечно, хочу!

— Тогда поехали.

Завожу байк и медленно трогаюсь с места, пытаясь приловчиться управлять с преградой спереди. Ароматной, пахнущей сексом и мной преградой. Спина Рины напрягается, она до побелевших костяшек сжимает рукоятки, но звонко смеется, когда мы более менее выравниваемся и начинаем набирать скорость. Ехать так вдвоем сложнее, но я не могу удержаться и не улыбаться ее искренней радости. Ночной город несется навстречу, ветер нещадно лупит в рожу, но все это где-то там, за пределами мотоцикла. Я слышу только счастливый визг Рины, ее смех и голос, кричащий что-то невразумительное, и понимаю, что именно так и только с ней хочу гнать вперед.

В обшарпанной однушке Рины мы нагоняем все то, что упустили за две недели. Наверное, соседи охренели, и я даже

удивлен, что молча и без претензий всю ночь слушали перелив стонов дикарки.

Марина

Ставлю на стол тарелку с бутербродами и две чашки растворимого кофе. Себе добавляю молоко и ложку сахара.

Половица скрипит, выдавая приближения Матвея, а потом его руки собственническим жестом обвивает мою шею. Крепкое тело, слегка влажное после душа, прижимается сзади, вызывая улыбку на губах. Оказывается, просыпаться с ним вместе лучше, чем в одиночестве. Пока правая рука говнюка обхватывает мои скулы и поворачивает к себе лицом, вторая наглым образом врывается в шорты спереди и гладит чувствительные складки. Ох, чееерт.

Разве возможно, чтобы измученное сексом тело могло так бурно реагировать на непрошенное вторжение?

Губы Матвея находят мои и целуют сразу глубоко и с языком. Этот ненормальный либо берет все, либо ничего. Он никогда не спрашивает, не ждет разрешения. Прет напролом, и именно это меня в нем так привлекает. Его стоило ждать, теперь я точно знаю.

Как голодная кошка трусь о дерзкие пальцы, уже сама чувствуя, как всего за пару секунд намокла, но тут же тело саднящей болью выдает напоминание о том, что оно не привыкло к такому количеству мужских частей тела внутри себя. В данном случае это пальцы Матвея, которые тут же прекращают движение, ощутив, как я непреднамеренно сжалась, стоило им оказаться внутри.

Матвей замирает, прерывая поцелуй. Удерживает мой взгляд.

— Вымотал я тебя?

— Не все занимаются сексом большую часть своей жизни. Некоторые только начали, — прищуриваюсь, но тут же чувствую, как щеки начинает печь от непривычного мне смущения, когда Матвей аккуратно выводит из меня пальцы, а потом подносит их к губам и облизывает.

О, боже. Казалось бы, разве можно ощущать стыд после развратной ночи, полной наших оргазмов? Оказывается да.

— Садись, ешь!

Выбираюсь из объятий и, подогнув ногу, усаживаюсь на стул.

— Я уже, — бросает в меня многоговорящим взглядом, — но не прочь получить добавку, — засранец берет бутерброд и откусывает его.

— Не Мортаделла, конечно, но другой у меня нет, — последовав его примеру, тоже начинаю завтракать. Голодный желудок требует восстановить силы и мгновенно всасывает полученную пищевую дозу.

— Побалую себя деликатесом, — со смехом выдает Матвей и отпивает кофе, а потом уже серьезно добавляет, — сегодня день рождения Ланы.

Кусок бутерброда застреет в горле, и мне приходится запить его глотком кофе, чтобы протолкнуть.

— Я помню. Хотела позвонить ей поздравить, пока ты был в душе, но думаю, она не возьмет трубку.

— Зачем звонить? Мы поедем. Сегодня тусовка дома. Диджей, кальян, народ.

Ого. Мне послышалось, или Лане действительно разрешили отпраздновать свое совершеннолетие?

— Неужели ты организовал это все для нее?

— Я? Она сама занималась всей этой херней. Я еще только организатором дней рождений не был.

Ну да, логично. Улыбаюсь, наблюдая за тем, как Матвей, расправившись с таким бутербродом, берется за второй. И только заметив его пристальный взгляд, понимаю, что улыбка сползла с губ, потому что я все еще думаю о Лане и о том, что скорее всего девчонка будет мне не особо рада на своей вечеринке.

— Эй, — Матвей протягивает руку и поднимает мое лицо за подбородок, заставляя посмотреть себе в глаза, — Ри, расслабься. Я купил ей подарок от нас двоих. Все будет в порядке.

— У меня есть для нее подарок, дело не в этом, — покачав головой, откидываюсь на стуле. — Я подумала, что могу быть нежеланным гостем.

— Бред. Все хорошо будет. Лана отходчивая, хоть и дует губы мастерски. Но она тоже скучает по тебе, я уверен.

Глава 42

Марина

— С днем рождения, — улыбаюсь Лане, стараясь не выдать внутреннее напряжение.

Девчонка как всегда выглядит идеально. Малинового цвета бикини подчеркивает совершенную фигуру, а на талии красуется золотистый поясок. Удивительно, как Матвей не заставил сестру надеть паранджу, хотя если вспомнить, они и раньше устраивали вечеринки у бассейна, значит, под надзором ей разрешается так одеваться.

— Спасибо.

Лана не бросается на меня с объятиями и даже не пытается выглядеть счастливой от встречи. Чувствую укол вины. Она потеряла доверие, и это можно понять.

— Для начала, я хочу попросить прощения за то, как все произошло, — мне сложно извиняться. Но признавать вину я умею. Да и обязана ей очень. Хотя кому я вру? Мне просто хочется, чтобы вместо этой сдержанной статуи с затаенной обидой в глазах на меня смотрела прежняя веселая девчонка, доверившая мне однажды свое сердце. — Так получилось. И я… Я действительно подсела на твоего брата. Но я хочу, чтобы ты знала, что несмотря на то, как у нас с ним сложится, для тебя всегда будет открыта дверь в мой дом и в мое сердце. Я не хочу и не буду выбирать между вами двумя. Вы оба мне дороги. Я никого не пускала в свое сердце до знакомства с тобой. Ты там поселилась первая, не Матвей. Но и ему удалось отвоевать свое место рядом с тобой.

Лана не облегчает задачу. Ничего не отвечает. С внимательным видом слушает мою речь, но хотя бы не выглядит раздраженной. Снаружи доносится музыка, веселый визг и крики, а здесь на кухне мы только вдвоем. Молчание затягивается, поэтому я просто протягиваю ей бархатную коробочку.

На самом деле подарок жалко дешевый.

— Когда я была маленькая, нам из гуманитарки приносили не только игрушки и одежду, но еще иногда попадались украшения. Дешевые, потертые временем. Мы с одной из моих тогдашних подруг выбрали себе амулет, делившийся на две части. На одной из них было написано бест, на другой френд. Детский такой, знаешь? Тогда у многих такие были, а у нас нет.

— У меня тоже не было, — с грустью подмечает именинница. И мне хочется надеяться, что она все же оценит то, что другие уже давно повыбрасывали, так как мода на эти вещи канула в лето.

— Так вот, однажды моя лучшая подружка предала меня, рассказав, что это я стащила у старшей девчонки помаду. И мне устроили темную. Синяки очень долго сходили. Было больно и обидно. Я сорвала тогда с её шеи половинку и сначала хотела выбросить, а потом все же оставила и подумала, что если у меня появится по-настоящему дорогой человек, то я отдам это ему. Ты первая, кому мне захотелось подарить его.

Лана осторожно открывает коробочку, купленную заранее в магазине, и достает подвеску со словом «френд».

В карих глазах мелькает сомнение, хорошо припрятанная благодарность и что-то еще. Я не сразу замечаю, что задерживаю дыхание. Умолять её взять подарок конечно не стану, если вдруг посчитает его идиотским. В её ушах сейчас бриллианты, если не ошибаюсь, и, наверное, рядом с ними эта вещица будет смотреться смешно, но мне до слез хочется, чтобы она ее оставила.

— Спасибо, Рина, — голос девчонки звучит тихо, но когда она поднимает на меня глаза, я больше не вижу в них обвинения. Но и рвения обнять тоже нет. — Это очень ценный подарок. Я надеюсь, что у вас с Матвеем и правда все сложится, потому что характер у него говнистый, но в последнее время мне все чаще кажется, что я его совсем не знаю. И только начинаю узнавать.

Я не знаю, что ей ответить, потому что не понимаю, как расценивать услышанную реплику. Подарок она приняла, но, наверное, легкость в общении сложно будет вернуть вот так сразу.

— Проходи ко всем, я пригласила крутого диджея, есть шампанское и вино.

Киваю, понимая, что на этом откровения закончены. Ладно. Я сделала шаг навстречу. Если она посчитает нужным, то сделает ответный.

Переодевшись в купальник, выхожу к бассейну.

Сейчас все в точности, как было в прошлый раз. Полуголые напичканные силиконом тела, парни, играющие в волейбол, диджей и громкая музыка. Кажется, что даже приглашенные не изменились. Наверное, Лана позвала знакомых Матвея, потому как вряд ли бы у нее набралось столько, чтобы заполнить весь задний двор.

Обвожу глазами присутствующих, но не найдя тех, с кем хотелось бы поздороваться, отправлюсь к импровизированному бару. Заказываю Моет и, взяв бокал, направляюсь в тень деревьев. День близится к вечеру, но солнце все ещё неумолимо печет.

— Ри, привет, — по пути передо мной вырастает фигура Сережи.

Несмотря на накладку на переносице, выглядит он довольно неплохо. Судя по всему, в нашу последнюю встречу Матвей сломал ему нос.

— Привет, — отпиваю шампанское и улыбаюсь в ответ.

— Слушай, я хотел извиниться за тот случай. Вышло все некрасиво.

— Ты не виноват ни в чем. Я сама сделала ставку, тебе бы не удалось меня отговорить.

Это правда. Возможно, у Сережи действительно были свои корыстные цели от моего проигрыша, но в действительности это было только моим решением. И его цели я бы отправила глубоко в задницу.

— Я уже понял, что ты упертая, — улыбнувшись мне, парень протягивает бокал и ударяется с моим, — я рад, что между нами не осталось недопониманий.

— Каких недопониманий? — сзади звучит довольно резкий голос Матвея, а потом его руки демонстративно оплетают мою талию, вызывая на лице Сергея шок.

И почему все так реагируют? Сначала Макс, теперь этот.

— Эээ, да мы общались по поводу того случая со ставкой, — невнятно начинает оправдываться парень, изучая наши фигуры и наконец понимания, что он с самого начала был в пролете.

На самом деле слушать мне его уже не хочется, потому как тепло пристроившегося тела сзади не дает думать ни о чем кроме него.

— Херовый случай, — выдыхает Матвей, потираясь о мое плечо щетиной.

Я невольно обвожу глазами местность и замечаю, что внимание с разных сторон направлено именно в нашу. Наверное, половина присутствующих успела побывать в постели говнюка или как минимум перед ним на коленях. Прислушиваюсь к себе и понимаю, что мне плевать. Не важно сколько их было до. Важно, чтобы ни одной не было после.

— Что ты здесь делаешь, Серый? — Матвей отбирает у меня бокал и, нагло допив остатки пузырящегося напитка, ставит его на стол рядом.

Несложно заметить, как собеседник теряется. Пожимает плечами и шарит глазами по присутствующим, словно ища поддержки.

— Со всеми пришел.

— Тебя звали?

— Ну, Лана звонила, сказала приходить всем.

— И дурь принес?

В мгновение на лице Сережи появляется уверенность в себе и

даже легкое выражение превосходства, которое можно обозначить как “Разве ты сомневался во мне?”

— Конечно. У меня всегда в карманах есть запасы для того, чтобы круто затусить.

Для подтверждения парень хлопает себя по карманам пляжных шорт.

Матвей цокает, а я чувствую, как напрягается его грудь. Похоже, рано Сергей решил показаться ему на глаза. Придется вновь обращаться к пластическому хирургу.

— Ммм, говорю один раз, второй повторять не стану, — доносится стальным голосом рядом с моим ухом, — пакуй свои карманы и пошел нахрен из моего дома. Чтобы ни тебя, ни твоих цацек здесь больше не было.

Похоже, этого Сергей никак не ожидал. Его взгляд мечется, а сам он переступает с ноги на ногу.

— Кэш, но ты же любил…

Не давая ему договорить, Матвей резко выставляет руку вперед, пугая тем самым бедного парня едва ли не до обморока. Он даже отшатывается, полагая, что ему сейчас прилетит в физиономию. На самом деле, я тоже думала, что именно так и произойдет. Но Матвей складывает пальцы, демонстрируя ими закрывающийся замок и вызывая у меня едва ли не приступ смеха.

— Серый, я повторять не стану. Вытолкаю с ноги на раз-два и начну прямо отсюда.

Он не шутит. Конечно, засранец не шутит. Серый это и сам знает, и поэтому, стушевавшись, быстро удаляется в сторону выхода.

Я разворачиваюсь в руках моего психа и щурюсь от закатного солнца, в лучах которого играет его лицо.

— Знаешь, тебе не надо устраивать разборки при мне.

Хмыкнув, он прижимает меня к себе и ухмыляется.

— Это еще почему?

— Потому что это заводит.

Широкая улыбка растекается на довольной физиономии.

— Тогда я буду брать тебя на все разборки, Рина, чтобы трахать сразу по окончании каждой.

Вместо ответа я смеюсь, чувствуя неизменную волну возбуждения внизу живота.

После долгого поцелуя, приведшего меня в шаткое состояние, к нам подтягиваются знакомые, вынуждая нехотя разлепить губы, и пока Матвей с ними здоровается, я замечаю направленный на нас пристальный взгляд Ланы. Она стоит с девчонками около бара, игнорируя их оживленное общение, и смотрит на меня.

Несколько секунд полосует нечитаемым взглядом, который тут же перехватывает Матвей.

Когда девчонка отворачивается, он прижимает меня к себе и шепчет на ухо:

— Ри, она свыкнется. И сама к тебе придет. Сейчас в ней борются детская обида и дружеская ревность. Дай ей время.

Я киваю, стараясь поверить. Даже Вику, знакомую с детства, мне было не так сложно оставить позади, как эту девчонку.

Глава 43

Матвей

— Занят? Надо поговорить!

Заваливаюсь в кресло напротив отца. Его дубовый стол заложен кучей бумаг. Документы, старые фото, от которых он нехотя отрывает взгляд, чтобы (снизойти до меня.

— Вообще-то, Матвей, когда хотят войти — стучат.

— Я невоспитанный, — пожимаю плечами и закидываю ноги на стол.

Знаю, отца всегда бесит, когда к его вещам относятся с пренебрежением, но мне насрать. Он точно также всю жизнь относится к нам.

— Я заметил. Говори быстрее, я занят.

Окидываю глазами кучу пожухлых бумаг. Ну да, они явно важнее.

— Я съезжаю.

Возможно, если бы я не знал собственного отца, то удивился тому, что новость даже не заставила его оторвать глаз от просматриваемой папки. Но я привык.

— И куда же?

— Снял себе квартиру в центре.

— Хмм. Ну что ж, давно пора было. Не маленький мальчик. Только учти, что я буду контролировать все твои траты. Если ты думаешь, что начав жить самостоятельно, сможешь снова подсесть на наркотики, то сильно ошибаешься. Я не собираюсь больше оправдываться перед своими знакомыми, что мой сын — наркоман. Закрою тебя в клинике на этот раз не на полгода, а как минимум на несколько лет.

— Ну да, ведь самое важное, что о тебе подумают знакомые, — смешок сам срывается с губ, пока я безразлично обвожу глазами несколько разбросанных фотографий.

Беру некоторые из них скорее для того, чтобы занять руки, и безразлично рассматриваю лица.

— Не ерничай! Ты прекрасно знаешь, что моя репутация для меня очень дорога! И больше позорить тебе меня не удастся.

— Конечно, не удастся! Как и тебе не получится держать меня под контролем, потому что зарабатываю я на себя сам.

На одной фотографии изображен отец с матерью. Им лет по двадцать на вид. Подношу фотку ближе, всматриваясь в почти незнакомые лица. Мама выглядит по-настоящему счастливой. Улыбается и жмется к нему. Тогда они даже женаты не были. На второй мама с двумя девчонками, смотрят в камеру и смеются.

Сердце сжимается, глядя на нее такую. Я и не помню, когда она в последний раз смеялась. Напрягаю память, стараясь откопать хотя бы звук ее смеха, но нет. Тщетно. Кажется, она не смеялась никогда.

— И каким образом ты зарабатываешь на себя? — голос отца пропитан сарказмом, но я давно умею не обращать на это внимания.

Для него мы — пыль, которой нужно выделять бабки, лишь бы его не трогали. И еще стабильно быть уверенным в том, что заработанная годами репутация не будет подпорчена этой же пылью.

Беру третью фотографию, на которой большая компания отдыхает на природе. Отца нахожу сразу. Мать тоже. По остальным равнодушно мажу взглядом, когда вдруг один какой-то молодой хрен привлекает внимание. Он стоит рядом с отцом и обнимает его за плечи. Пока не понимаю почему я на нем завис, но что-то в мужском выражении лица не отпускает. Всматриваюсь в улыбку и широкие скулы. Прищуриваюсь, улавливая детали. Странно. Сменяю фото следующим, на котором этот же чувак изображен уже ближе. Здесь они с отцом только вдвоем. Портретное изображение дает возможность рассмотреть ближе. И я только сейчас понимаю, почему он меня не отпускает. Черты лица, темные волосы, дерзкий взгляд, разлет бровей…

— Кто это? — разворачиваю фото к отцу.

Мазнув по карточке взглядом, он снова опускает глаза в бумаги.

— Игорь.

— Какой Игорь?

— Довлатов.

Ощущаю странный диссонанс. Довлатова я знаю. Давний знакомый нашей семьи. Часто пересекаемся на мероприятиях, по которым нас таскает папаша. Этот чувак напрямую зависит от отца и вот уже сколько лет находится под ним со своей крупной фирмой. Вот только…

— Разве Довлатова не Олег зовут?

От меня не укрывается, как отец на мгновение перестает черкать в документе ручкой. Всего секунда, но я замечаю.

— Да, Олег. Я оговорился.

В эту секунду не могу точно сформулировать мысль, потому как нитки связи слишком запутаны, но пока отец не видит, я зачем-то прячу последнее фото в карман ветровки.

— Ты так и не ответил, на какие шиши собираешься жить? — доносится мне вслед, когда я опускаю дверную ручку.

— На собственные, па, на собственные.

— Зачем мы сюда приехали?

Ри обхватывает меня за талию и вскидывает голову, пока мы поднимаемся на лифте на последний этаж.

— Сейчас увидишь!

Накрутив темные волосы на кулак, тяну за них и приоткрываю рот, как будто собираясь поцеловать пухлые губы. Полдня не видел, охренеть как соскучился. Рина приоткрывает губы, но я, приблизившись, останавливаюсь и зависаю над её ртом. Дразню, высовывая язык и ныряя им сквозь нетронутые помадой губы, чтобы увидеть, как в потемневших глазах рождается огонь. Дикарка приподнимается на носочках, чтобы поймать мой рот, но я отстраняюсь, не давая ей дотянуться. Тащусь от наших игр. От того, как встает член на её ответную реакцию. От заметно твердеющих сосков, тут же выпирающих из-под тонкой материи топа и врезающихся в мою грудь.

Желание волной ошкваривает изнутри, как только зараза опускает руку и с силой сжимает мой член через плотную ткань джинсов, пробуждая внутри меня изголодавшегося зверя.

— Поцелуй меня, сейчас же, — угрожающе приказывает, взглядом выедая мои губы.

Вместо ответа я толкаю её к стене и сжимаю тонкое горло пятерней. Блядь, какая она охуенная! Этот несгибаемый стержень внутри дикарки, желание добиться своего вызывают коктейль из восхищения, порочного желания и чего-то еще, чего не вызывала ни одна до нее.

Подношу к приоткрытым губам напротив два пальца и обвожу ими контур. Ладонь сильнее сжимается на моем паху, дразня в ответ, подначивая продолжить, а потом бестия обхватывает мои пальцы губами и дерзко втягивает в себя. Бляяядь. Позаимствуйте мне кто-нибудь выдержку, потому что моя нахрен трещит по швам.

Но я держусь. Держусь из последних сил, так как собираюсь ей рассказать о предстоящих планах на будущее, и совсем не уверен, что все пройдет гладко, зная ее бешеный характер.

— Потерпи немного, — проталкиваю пальцы глубже, растворяясь в темном как магма взгляде, — обещаю, что трахну тебя, Риии! Уже совсем скоро!

Лифт звякает, оповещая о том, что мы на нужном этаже.

Рина щурится, недовольная тем, что угроза не прошла, а потом с силой отталкивает меня и покидает кабину. Шумный выдох, мать его. Член больно налился и упирается в ширинку. Приходится поправить его перед тем, как выйти на этаж.

Нагоняю ее уже в коридоре и рывком обнимаю за шею. Знаю, она тоже хочет. И вся эта обиженность показушная, потому что

стоит остановиться у двери и повернуть ключ, как Ри избавляется от маски “пошел к черту” и с интересом осматривает внушительную гостиную после того, как я включаю свет.

— Это вместо гостиничного номера? Решил сменить обстановку? — заламывает идеальную бровь, пропитывая голос сарказмом, но при этом продолжает рассматривать предметы.

Их здесь немного. Я выбрал квартиру только с самой необходимой мебелью. Не люблю ненужную хрень, собирающую пыль на полках.

— Не совсем.

Обхватив теплые пальцы своими, подвожу к панорамному окну.

Тихое “Вау” покидает легкие Рины, пока она как завороженная наблюдает за мерцающими огнями проезжающих внизу машин. Отсюда открывается охренительный вид на город. Даже я зависаю, глядя на то, как солнце садится за горизонт и окрашивает крыши оранжевым. Ей нравится. Однозначно. Это вселяет надежду на то, что новость Рина воспримет адекватно.

— Ну как?

Становлюсь сзади и упираюсь ладонями в стекло. Картинки того, как мы будем здесь трахаться, начинают атаковывать все еще возбужденный мозг, поэтому я не отказываю себе в том, чтобы потереться членом об упругую задницу.

— Потрясно. Чья это квартира?

— Моя!

Мой нос едва не становится жертвой её затылка, как только Рина резко разворачивается и пристально смотрит мне в глаза.

— Твоя? Ты купил квартиру?

— Пока еще не купил. Только снимаю.

В зеленых глазах удивление, сменяющееся уважением и даже гордостью. Она гордится мной? С чего бы?

— Ты решил съехать от своих? А как же Лана и Кирилл? Что папа сказал?

— Ему похер. А мелкие еще не в курсе. Решил их не радовать раньше времени.

На лице Рины расплывается улыбка.

— Матвей, это очень здорово. Это правильное решение. Давно пора сбросить с себя груз ответственности. Почему ты им еще не сказал? Разве ты тут не живешь еще?

— Если мне не изменяет память, последние полторы недели я жил у тебя.

И это были нереальные полторы недели. Мы расставались только на время, пока я ездил на тренировки, а Рина уходила на работу. Хотя в её рабочее время я тоже был в баре. Мы знаем уже,

что в подсобке сексом заниматься ни хрена не удобно, но зато в кабинете хозяйки высший пилотаж.

Еще я понял, что готовит Ри хреново, мягко говоря, но данный аспект меня волнует меньше всего. Я понимаю, что разъезжаться и ездить туда-сюда меня не вставит. Точнее вставляло, когда телок использовал только как арсенал для секса. Трахнул и свалил, чтоб на мозг не капали. Но с Риной этот номер не канает. Сейчас мне хочется сваливать от всех к ней. Даже отбивая грушу, мысленно в баре. Каждый раз думаю о том, что хочу скорее закончить тренировку и завалиться туда. Кажется, вся наша толпа теперь стала постоянными клиентами этого места и поднимает им не хилые бабки.

— Так ты еще не живешь здесь? — Ри отрывает меня от мыслей, немного озадаченно осматриваясь по сторонам.

— Нет. Я снял ее для нас, Ри. А соответственно и жить здесь буду, когда въедем вместе.

— Для нас?

С лица дикарки мгновенно сходит все благоговение.

— Да. Что тебя смущает?

— Ммм, все. — я знаю эту позу, когда человек складывает руки на груди, ограждая себя от собеседника, и мне это ни хрена не нравится, что сейчас она закрывается от меня.

— Что все? Я и так живу у тебя. Или ты предпочитаешь, чтобы мы ночевали в разных квартирах?

— Матвей, такие решения, во-первых, принимаются вдвоем. А во-вторых, моей зарплаты хватит разве что на то, чтобы оплатить аренду трех метров коридора в этих хоромах.

— Я разве говорил о деньгах?

Прищуриваюсь, чувствуя, что меня начинает уверенно нагребать. Я изначально знал, что разговор простым не будет, но это ее воинственное настроение подбешивает.

— А тебе не нужно ничего говорить. Я не буду жить за твой счет! — задрав подбородок, чеканит стерва.

— То есть лучше жить в том гадюшнике? — рявкаю в ответ.

— Это мой гадюшник. За который я заплатила за три месяца вперед, взяв в долг у Натальи Ашотовны!

— А это, кстати, второй вопрос, который я хотел обсудить. Тебе не кажется, что пора увольняться?

Глава 44

Матвей

— Увольняться? А жить мне тоже прикажешь на твои деньги? Это как? Содержанкой стать?

Если бы можно было разрывать взглядом на ошметки, Рина бы уже это сделала. Но только после меня.

— Не содержанкой, — поясняю простые истины, — ты станешь девушкой, с которой я в отношениях. И которая, блядь, не должна работать в баре, где каждый алкаш мысленно трахнул тебя во всех позах.

— То есть трахать меня должен только ты, и исключительно пока я сижу дома?

Сжимаю кулаки, напоминая себе о том, что одна из причин, из-за чего я подсел на эту стерву — ее металлический характер, который сейчас мне хочется если не сломить, то хотя бы пробить.

— Да, трахать тебя должен исключительно я, но ты вруби давай мозг, Рина! И ответь сама себе. Сколько ты собираешься работать барменшей? Поступать в следующем году не надумала? Или так и будешь без образования из бара в тошниловки метаться?

— Я поступлю! — цедит сквозь зубы, еще выше задирая подбородок.

— Также как поступила в этом году? Или тебе удается совмещать подготовку к экзаменам с работой?

Рине требуется несколько секунд на размышления. Разъяренный взгляд утыкается в пол, а потом упирается мне в глаза. Черный, острый, пронзительный. Она злится, и я знаю почему. Потому что я прав. Ни хрена у нее не получается совмещать.

— Это мое дело, Матвей! И я справлюсь сама. Как всю жизнь справлялась. Без чьей-либо помощи. Не нужно диктовать мне как поступать. Не маленькая. Свои диктаторские замашки оставь для семьи, а мной руководить не нужно!

Стерва разворачивается и громко ступая по ламинату проходит мимо, намереваясь выйти из квартиры. Только нихрена, блядь, не выйдет. Несколькими шагами догоняю ее и пригвождаю к стене.

— Мои диктаторские замашки я буду в первую очередь практиковать на тебе, Рина! Знаешь почему? Потому что если ты не понимаешь с первого раза, придется тебе вталдычивать! Теперь ты нихрена не одна! И карабкаться по жизни больше сама не будешь! Давай вырубай свой гордую неуместную

самостоятельность и пораскинь мозгами. — Ри ведет плечами, в попытке сбросить мои руки, но я крепче сжимаю пальцы. — Почему ты не поступила? Потому что работала. Зачем тебе работа? Снимать жилье! А теперь строим логическую, мать ее, цепочку. Жилье тебе предоставляю я. Все, что тебе нужно — это подготовиться к вступительным. Хотя, я конечно мог бы предложить поступить и в этом по блату, но что-то мне подсказывает, что ты откажешься.

— Я поступлю сама, — шипит фурия, но уже не дергаясь, а как будто обдумывая мои слова.

— Именно об этом я и говорю. Но ты ни черта не поступишь даже через год, если будешь батрачить практически каждый день. И твоя мечта о медицинском так и останется мечтой, а ты не заметишь, как пролетит сначала пять лет, а потом десять, и в бар тебя уже не возьмут. Найдут телку помоложе.

Взгляд Рины режет, грудная клетка поднимается и опускается, видать борется с желанием вонзить в меня когти, но все же здравый разум побеждает. Дикарка не глупая, чтобы и самой понимать жизненный расклад. Без образования сложно добиться чего-то в жизни. А зная ее — горбатиться над столами не ее конечная цель.

— Картина не привлекательная, правда? — прищуриваюсь, сжимая хрупкие плечи.

Сколько проходит времени? Секунды? Минуты? Хер его знает, я не считаю, потому что занят тем, как рассматриваю все мыслительные процессы, проступающие реакцией на задумавшемся лице. Рина постепенно восстанавливает дыхание, но губы по-прежнему крепко сжаты.

— Я не смогу совсем не работать, — произносит уверенно спустя мгновения. — Согласна, что бар — не лучшее место, но вариантов больше нет.

— Варианты есть всегда, — смягчаю напор, потому как уже вижу, что выводы она сделала правильные. — И мы сможем в два раза быстрее найти тебе подходящее место работы, с неполной занятостью, чтобы у тебя оставалось время на обучение.

— Мы? — вопрос тихим эхом разносится по коридору.

— Мы, Рина.

После полуторачасового примирения мы лежим на диване в гостиной, вымотанные, потные и пялимся в телик. До комнаты дойти были не в состоянии. Диван здесь оказался удобный, устойчивый, думаю на месяц наших активных примирений его вполне хватит, а потом купим новый.

Мужик в фильме убегает от каких-то паранормальных уродов, пока я уткнувшись носом в макушку Рины, накручиваю на палец

темный локон. Дикарка развалилась рядом, забросив на меня ногу, а подбородком уперлась в грудь. Зависаю на ней и сам не замечаю как начинаю улыбаться. Кто бы мог подумать, что мне будет в кайф просто так валяться на диване после секса?

А потом вдруг из неоткуда в памяти всплывает профиль Довлатова. Странно. Во второй раз за день я снова вижу невероятное сходство между ними. Исследую острые скулы Рины, курносый нос и огромные глаза, прищурившиеся от напряженной сцены. То, что теперь мы будем жить вместе я выяснил еще на третьем ее оргазме, а сейчас нужно выяснить еще кое-что, не дающее покоя.

— Ри, — волосы скользят сквозь мои пальцы, пока взгляд дикарки прикован к экрану.

— М?

— Как ты оказалась в детдоме?

Взгляд Рины отрывается от телевизора и устремляется на меня.

— Родители отдали, — отвечает тихо, — точнее отец. Когда мне было два месяца.

— Почему только отец?

Тяжелый вздох намекает, что говорить на эту тему ей сложно, но мне необходимо выяснить, чтобы зудящая мысль не грызла сознание.

— Я искала их. Маму нашла. Ее могилу. Дата смерти совпадает со временем, когда меня отдали в детский дом. А отца пыталась искать. Долго. Но он как сквозь землю провалился. Данные о нем терялись и смазывались.

— А хочешь найти?

— Не знаю. Долго думала, что да. Теперь не уверена. А что?

— Думаю, может я попробовал бы его найти. Если тебе конечно это нужно.

Наверное, каждый на месте Рины в глубине души надеется найти своих родителей. Ответа четкого может и не быть для чего конкретно, но сам факт того, что ты видел их и знаешь кто тебя произвел на свет уже много значит. Так и Рина. Она рывком приподнимается на локте, неверяще всматриваясь мне в глаза, и я даже чувствую, как ускоряется ее сердцебиение.

— А ты сможешь?

— Не обещаю. Но попытка не пытка. Принесешь свидетельство о рождении?

Уже через мгновенье по комнате пробегает голая задница, приклеивая к себе мой взгляд, а еще через пару мгновений рядом плюхается сексуальное обнаженное тело с потрепанной бумажкой

в руке.

Разворачиваю лист и нахожу имя отца.

Шведов Игорь Семенович.

Игорь…

Догадка уже сформировалась в голове, но безосновательно бросить в Рину новостью я не могу. Возможно, я ошибаюсь и сделаю только хуже, разбив неоправданную надежду в дребезги и причинив ей этим боль. А я этого не хочу.

Фотографирую свидетельство и на следующий день нахожу хорошего частного детектива, который перезванивает мне примерно через две недели.

Глава 45

Марина

— Уверена, что не хочешь, чтобы я поговорил с ним первый?

Матвей заглушает двигатель прямо напротив примерно такого же роскошного дома, как и у них. Размерами только раза в два меньше.

Сердце подобно отбойному молотку стучит под ребрами. По сути, у меня нет необходимости знакомиться с человеком, оставившим меня на пороге детского дома, но всю жизнь мне банально хотелось узнать — почему. Что послужило причиной тому, чтобы оставить своего ребенка?

— Нет, я хочу увидеть его реакцию. Не подготовленную заранее, а самую первую. Застать врасплох.

Дождавшись от Матвея одобрительного кивка, мы выходим из машины и ступаем по узкой тропинке. Странно, но шаги даются тяжело. Мне всегда казалось, что найди я своего отца, волноваться не буду, ведь он, можно сказать, мне чужой человек.

За что любят родителей? За их любовь и ласку. За готовность поддержать в трудную минуту или наказать за плохое поведение. Родители — люди, которые видели все твои шишки и продолжали быть рядом, чтобы уберечь от последующих.

Я же всю жизнь сама себе была и отцом, и матерью. Но почему-то сейчас, приближаясь к дому абсолютно чужого для меня человека, мандраж атакует каждую клетку моего тела. Еле ощутимая надежда витает в воздухе, забираясь в нос и как вирус распространяясь по телу. Надежда на то, что меня не отвергнут, хотя именно к этому я и готовлю себя.

Пальцы Матвея крепко оплетают мои. Несмотря на то, что последует дальше, я всегда буду бесконечно ему благодарна, ведь именно он помогает мне расставить все точки над і в моей жизни.

Дверь нам открывает немолодая женщина, а следом за ней выходит тучный мужчина с сединой на висках и в дорогом костюме.

Мне начинает резко не хватать воздуха, потому как я уже знаю, что это он.

— Матвей? — раскинув руки в стороны, мужчина приближается к нам.

— День добрый, Олег Васильевич!

— Добрый! Что тебя привело ко мне? Еще и не одного?

Поприветствовав Матвея крепким рукопожатием, цепкий взгляд темных глаз впивается в меня. Не знаю почему, но я ежусь. Скорее всего, виной неискренняя улыбка.

— Может, проведете нас в ваш кабинет? Там и поговорим! — назидательным тоном предлагает Матвей, от чего получает в ответ мимолетное удивление на престарелом лице.

— Конечно, пройдемте!

Довольно темный кабинет встречает нас деловой сдержанностью. Не замечаю, как начинаю сдирать лак на ногтях, стоит усесться в кожаное кресло. Матвей присаживается прямо на подлокотник, не оставляя меня одну даже сейчас.

— Ну что ж, молодежь, рассказывайте! Что вас привело? — мужчина садится напротив и по-деловому сцепляет руки в замок. Даже в мыслях у меня не получается назвать его отцом.

— Дело давних лет, Олег Васильевич. Или вас лучше называть Игорь Степанович?

Матвей не расщедривается на лишние вступления. Бьет прямо в лоб, заставая врасплох и вынуждая хозяина дома замереть и вонзиться в него испытывающим ледяным взглядом.

— О чем ты, сынок?

— Не надо делать вид, что вы не поняли. Мы здесь не для того, чтобы играть с вами в загадки.

— А для чего же?

— Мы пришли за разгадками.

Взгляд карих глаз в очередной раз перемещается на меня. Приходится сглотнуть, так как в горле становится невероятно сухо.

— Вы? И какие же разгадки я могу дать конкретно вам? — последнее слово мужчина выделяет немного резким тоном, давая понять, что вопрос адресован именно мне.

— Девятнадцать лет назад вы оставили на пороге детского дома девочку, — слова приходится выталкивать из себя. Странно, но мне кажется, я никогда еще не чувствовала себя настолько уязвимой. Словно перед расстрелом.

На холеном лице вспыхивает неприкрытое удивление, даже скорее ошарашенность, быстро сменяющаяся пониманием. Вот правда хотя бы намека на ожидаемую радость нет.

— Матвей, — вместо того, чтобы ответить мне, он переводит взгляд поверх моей головы, — ты мог бы нас оставить на время?

— Зачем?

— Матвей, — я вскидываю голову, чтобы встретиться с внимательным взглядом, — все нормально.

— Я попрошу Галину приготовить тебе кофе, — доносится учтиво со стороны.

— Обойдусь.

Когда мы остаемся в кабинете одни, вся учтивость из внешнего вида моего папаши испаряется. Как будто он держал

маску, а теперь решил от нее избавиться. Мужчина вдруг опирается на стол локтями и понижает голос, вероятно опасаясь, что Матвей может его услышать.

— Что тебе нужно?

Наверное, именно в этот момент свалившейся лавиной приходит понимание, что от этого человека мне не нужно абсолютно ничего. По тому, с каким пренебрежением его взгляд пробегается по мне, заставляя чувствовать себя букашкой, по тому, как кривятся потрескавшиеся губы и по его презрительному тону.

— Ничего.

— Да? — хмыкнув, хозяин дома приближает лицо еще ближе, настолько, что я могу рассмотреть глубокие морщины вокруг похожих на мои глаз, — а я так не думаю. Как тебя зовут?

— А вы не помните?

— Нет. Предпочитаю не держать в памяти ненужную информацию.

Первая расстрельная пуля больно вонзается в сердце.

— Тогда зачем эта информация вам сейчас? — я тоже больше не стараюсь звучать вежливо.

— Действительно, незачем. Умница, девочка. А теперь послушай. Я не знаю, как ты вышла на Кешнова и каким образом нашла меня. Но запомни раз и навсегда, если ты явилась за алиментами, то можешь забыть о них сейчас же. Я тебе ни копейки не дам.

Мне на грудь будто с размаху гранитную плиту сбросили. Легкие сдавило под тяжестью услышанных обвинений.

— Мне не нужны ваши деньги.

Издевательская ухмылка окрашивает лицо человека, которого я надеялась найти многие годы.

— Ну да, конечно. Если бы не нужны были, ты бы сюда не явилась.

Понимаю, что находиться больше с ним наедине я не могу. Одно дело, когда чужие люди обвиняют тебя во всех смертных грехах, и совсем другое, когда это делает родной по крови человек.

Рывком встаю с кресла и направляюсь к двери, когда прямо перед выходом останавливаюсь и оборачиваюсь. Я должна узнать. Этот вопрос с детства не давал мне покоя. Ногти до крови вонзаются в ладонь, когда я произношу заветное:

— Почему ты отдал меня в детский дом?

Откинувшись на кожаном кресле, «папаша» равнодушно пожимает плечами.

— Ты мне не нужна была. Твоя мать умерла спустя какое-то

время после твоего рождения. Я предлагал ей сделать аборт, но глупышка не согласилась, уверив, что будет воспитывать ребенка сама. Мне было плевать, как она собирается разбираться с тобой, но когда меня поставили перед фактом, что ты досталась мне, я понял, что мне это не нужно. У меня были проблемы с законом на тот момент, из-за которых пришлось круто менять свою жизнь. И прицеп в виде ребенка только все усложнил бы.

Он говорил это так просто, словно не о живых людях, а о кадрах фильма, просмотренного на днях. Ни сострадания в голосе, ни чувства вины. Совсем ничего. Я с самого рождения была для него никем. Пустым местом, от которого он хотел избавиться еще до рождения.

Плита на груди становится невыносимых размеров, отчего в горле начинает першить и стягивать узлом. Я резко дергаю ручку двери и, едва не врезавшись в Матвея, несусь к выходу.

— Подожди меня в машине, — доносится сзади, но я почти не слышу.

Меня несет вперед, душит, уничтожает.

Я с самого начала подозревала о возможных причинах его поступка, но надежда, оставленная на дне ящика Пандоры, давала стимул дышать и ждать, что возможно когда-нибудь я услышу, что нужна родному отцу. Что под финальные аккорды семейной мелодрамы меня заключат в объятия и скажут, что все было ошибкой, меня искали, и теперь все будет иначе. Но счастливые воссоединения семей бывают только в фильмах.

Мимо мелькают фасады люксовых домов с идеальными газонами, а я бреду вперед по дорожке почти ничего не видя от пелены слез. Они предательски текут по щекам, хотя я очень стараюсь смахивать их ладонями. Носки старых кроссовок расплываются смазанным пятном. Удивительно, какую боль может причинить человек, которого видишь первый раз в жизни….

Глава 46

Марина

Обхватываю себя за плечи в попытке защититься от давящих тяжелых эмоций.

Сзади раздается свист тормозов, хлопок дверью, а потом меня разворачивают и рывком прижимают к себе знакомые руки. Уткнувшись носом в белую футболку, пропитанную любимым запахом, меня прорывает. Впервые за много лет я не могу остановить поток слез и всхлипов. Наверное, именно так умирает надежда.

Матвей молчит, стоически выдерживая то, что само покидает мое тело. Он просто крепко прижимает меня к себе и позволяет избавиться от груза несбывшихся ожиданий. Его пальцы запутываются в волосах, пока он гладит мой затылок. Чувствую, как напряжены все его мышцы, как гулко стучит сердце. Я не хочу быть слабой перед ним. Слабость удел для никчемных и жалких людей. Но почему-то именно сейчас мне не стыдно.

Напряжение от парня хлещет невидимыми волнами. Он злится, знаю, что злится. Я научилась читать язык его тела и жестов. А у меня не осталось сил даже на эту эмоцию. Меня как будто вывернули наизнанку и выкрутили.

Когда спустя долгие мгновения я поднимаю голову, то встречаюсь со взглядом полным… нет, не жалости. Жалость я бы не вынесла. Меня встречает поддержка в его лице и устойчивое желание отомстить.

Большие пальцы Матвея стирают слезы с моих щек, а потом его губы утыкаются в мои. Поцелуй глубокий, настойчивый, требовательный. Кажется, он таким образом пытается сказать, что он тот человек, кому я действительно нужна. Стереть из памяти все слова, которые, я уверена, он слышал. И я ему верю.

— Знаешь, как избавляются от ненужных воспоминаний? — усевшись в машину, Матвей заводит двигатель и, со свистом развернувшись, едет по направлению, откуда я только что сбежала.

— Как?

— Бьют посуду.

— Мы будем бить посуду? — с сомнением прищуриваюсь, пытаясь угадать сумасшедший план этого ненормального.

Он неопределенно качает головой, а потом тормозит прямо перед припаркованным перед домом моего несбывшегося папаши мерседесом.

— Почти, — без намека на улыбку перегибается назад и

достает из-под заднего сидения биту. — Пойдем!

Матвей

— Матвей, что ты собираешься делать?

Рина неуверенно захлопывает дверь машины и подходит ко мне. Единственное, что бы я сейчас сделал с огромным удовольствием — это разъебашил голову мудака. Каждое его гадское слово, сказанное с бездушным равнодушием собственной дочери, буквально въелось в память и подогревает мое маниакальное желание убивать. Вот только сомневаюсь, что это именно то, что Ри оценит. Да и так просто этому ублюдку не спрыгнуть с крючка! Он заплатит за каждый год, проведенный девчонкой в детском доме, это я ему обещаю! Ну а пока…

— Бить стекла, — притягиваю к себе мою дикарку за шею и целую ее в висок. — Держи!

Зеленые глаза шокировано округляются, перемещаясь с меня на биту. Тонкие пальцы обхватывают орудие, с помощью которого я не раз ломал ребра подобным мудакам.

— И что мне с ней делать?

Киваю в сторону мерса, на который подонок потратил столько, сколько Ри в жизни не заработала бы сама.

— Мне кажется, он слишком скучно выглядит. Нужно разукрасить.

— С ума сошел? Я не могу!

— Моооожешь, Ри! — ободряюще ухмыляюсь, но раз ей нужна помощь, чтобы сделать первый шаг, я с удовольствием помогу. Подтягиваю дикарку к тачке и, обхватив ее сзади, беру холодные руки в свои. — Давай устроим твоему папаше фейерверк!

Размахиваюсь и под приглушенный визг хреначу битой по лобовухе. Рина вся подбирается, стоит звуку трескающегося стекла слиться с вопящей сигнализацией, а потом начинает громко смеяться. Вооот, моя девочка! Покажи ему кого он просрал, старый мудак!

— Дальше сама!

С чистейшим наслаждением медленно отступаю назад, позволяя моей Харли Квинн действовать самостоятельно! Стрельнув в меня взглядом и получив в ответ кивок поддержки, Ри замахивается и с грохотом дубасит по зеркалу. Ржу, наблюдая, как еще пять минут назад заплаканное лицо озаряется ликованием. В глазах загорается огонь, набирающий яркость с каждым произведенным ударом.

Движение слева привлекает внимание. Хороший знакомый нашей семьи, еще недавно казавшийся примером для подражания своим же детям, замирает в дверях.

— Не останавливайся, — перекрикивая сигналку,

подсказываю Рине не бояться.

Но даже без моих указаний, она уже кажется вошла во вкус. Смотря прямо в лицо собственному бате, с размаху опускает биту на боковое стекло. Мудило даже не рыпается. Максимум на что способен — это сцепив зубы и сжав кулаки наблюдать за собственной брошенной когда-то дочерью. Он хорошо запомнил наш разговор и трусливо ссыт в штаны, надеясь, что уничтожение дорогущей машины станет единственной карой его поступкам. Двери соседних домов распахиваются, и любопытные рожи высовываются, чтобы узнать, чья тачка вопит о помощи.

Я перегибаюсь через стекло своего спорткара и врубаю на всю рок. Пусть народ разделит с нами этот феерический момент. Колонки выдают низкие биты, создавая фон тому, как мастерски Ри превращает мерс в побитую жестянку. Складываю руки на груди, оперевшись на капот, и встречаюсь с взглядом карих глаз, сверлящих нас на расстоянии десяти метров. Стекла со звоном опускаются на асфальт, пока моя девочка выпускает накопленную за годы обиду.

Постояв еще несколько секунд, Довлатов разворачивается и молча скрывается в доме. Я перевожу взгляд и снова ржу, обнаружив, что Рина залезла на капот с ногами и смотрит на меня с удовлетворенной улыбкой на губах, постукивая битой по ладошке. Глаза сияют словно она выиграла джекпот.

— Есть еще много стекол, — киваю на панорамные окна дома, в котором скрылся трусливый ублюдок.

Оценив масштабы возможного удовольствия, Ри все же отрицательно качает головой.

— Кажется, я уже выпустила своих демонов.

Обхватив стройные ноги, я спускаю ее вниз.

— Но мне понравился такой способ снятия напряжения. Каждый раз, когда мы будем ругаться, нужно иметь под рукой что-то, что можно будет расколотить, — добавляет дикарка и оплетает мою шею свободной рукой.

Звук орущей сигналки начинает раздражать, поэтому я, расхохотавшись, утаскиваю Ри в машину.

— У меня есть еще один охуенный способ снятия напряжения!

Притягиваю ее к себе, чтобы протолкнуть язык в сладкий рот. Ри призывно стонет и, запустив пальцы мне в волосы, стягивает их на затылке, побуждая оторваться от себя.

— Отъедь подальше от этого дома. Жду не дождусь, когда ты покажешь мне второй способ!

Глава 47

Матвей

— Нужно поговорить, Кэш!

Мирон чиркает зажигалкой и подкуривает ментоловую сигарету. Ментоловую, блядь.

— М?

Кидаю на него взгляд исподлобья. То, что хрен решил перетереть перед боем, намекает на очередное требование о сливе. Чуваку не доходит, что в отличии от других бойцов меня не купишь никакими бабками. Остальным проще прогнуться, особенно тем, у кого финансовое положение хромает. У меня такой необходимости нет. Хотя, даже если бы и была, мое имя дороже.

— Кэш, у меня для тебя выгодное предложение!

Мирон заискивающе заглядывает в глаза, даже встав и присев в кресло рядом со мной. Разговор действительно серьезный намечается, раз я удостоился внимания на равных.

— Выгодное для тебя?

— И для меня тоже. Но и для тебя есть плюсы.

— Ну, давай послушаю, если тебе так хочется тратить время на разговоры, — опираюсь локтями на колени и, затянувшись сигаретой, выпускаю дым в его сторону.

Татарин щурится, не отмахиваясь от облака. Выдерживает мою выходку.

— Я хочу предложить тебе сделать сегодняшний бой последним в нашей сделке. Все последующие будешь бороться сам за себя и класть заработок уже в собственный карман.

— Звучит заманчиво, но?

— Никаких но. Завершишь сегодня бой и будешь свободен. Только мне нужно, чтобы сегодня ты проиграл.

Я фыркаю и ржу, выпуская клубами изо рта дым. Никаких но, ну да.

— Дослушай, — требовательно цедит Мирон, — сегодня у меня важный гость, поставивший внушительную сумму. Он привел собственного бойца. Очень хорошего бойца.

— Если он такой хороший, то возможно уложит меня собственными силами, — склоняю на бок голову, рассматривая клетчатую рубашку продажной шкуры.

— Возможно. Не исключаю такой вероятности. Но мне бы хотелось быть уверенным в исходе боя. Сам понимаешь, сколько значат связи для каждого из нас. Мне нужны связи с таким влиятельным человеком. И если мне удастся заполучить его

расположение, я буду настолько счастлив, что отпущу тебя в свободное плаванье. Сколько ты должен еще бороться на меня? Месяца два? Безвыездно сидеть в городе. Не иметь возможности летом увести свою телку на острова. Твои силы рано или поздно источатся. И ты сам начнешь проигрывать и просирать собственное имя.

Вот же ублюдок. Знает на какие точки давить, чтобы добиться своего. Мне ничего не стоит сегодня слиться и свалить. Проще простого прогнуться и больше не видеть его мудилскую рожу. Вот только зная себя, я потом себя сожру, если проявлю слабость.

Марина

— Давай за свои силы я буду отвечать сам, — резко отвечает Матвей.

Я как раз искала его, чтобы пожелать удачи перед боем, когда услышала голоса из кабинета организатора. Благо, здесь нет света, и о моем присутствии никому неизвестно. Думаю, Матвею бы не хотелось, чтобы я стала тому свидетельницей.

— Кэш, это не просьба, — голос Мирона вдруг приобретает стальные нотки, убирая весь липкий сироп, которым пытался умаслить разговор. — Это рекомендация.

— Засунь свои рекомендации себе в жопу, Мирон! — звук скользящего по полу кресла вынуждает меня отступить дальше в темноту. — Я лучше возьму в долг у отца и отдам тебе бабки, чем буду прогибаться под тебя и твоих сраных знакомых.

Дверь кабинета рывком открывается, и мимо меня тяжелым шагом проходит Матвей в спортивных шортах и футболке. Он меня не замечает и скрывается в раздевалке. Снаружи доносится гам ожидающих зрелища зевак, и я уже собираюсь последовать за ним, когда чужой голос внезапно привлекает внимание.

— И что будем делать?

Откуда там взялся еще один человек? Они же вроде бы вдвоем разговаривали.

— Он меня достал! — рявкает Мирон. От его голоса по коже бегут ледяные мурашки. — Значит так, Богдан. Я думал, обойдется без этого, но если сосунок не пошел навстречу, будем действовать иначе. Возьми, когда нужно будет, приложишь им, и победа будет за тобой.

— Кастет?

Волосы на затылке становятся дыбом и я, не удержавшись, покачиваюсь вперед, чтобы удостовериться, что не ослышалась.

В руке незнакомого мне парня блестит металл кастета, рождая внутри волну липкого страха.

— Да. Если почувствуешь, что сдаешь позиции, подключишь его.

— А как же правила? Хочешь, чтобы я потом за решеткой сидел?

— Срать я хотел на правила. Этот говнюк мне уже вот где сидит со своими принципами. Если покалечишь его, я против не буду. У меня есть хорошая крыша, чтобы потом если что и тебя прикрыть, и свою задницу.

Злость вперемешку с диким волнением за Матвея захлестывают волной. Желание вцепиться ногтями в лицо Мирона становится не подавляемым. Вот же тварь! Ради собственной выгоды готов поставить на кон жизнь человека!

Мне нужно срочно предупредить Матвея. Сказать, чтобы не выходил туда или как минимум ждал подвоха. Сердце стучит так сильно, что заглушает звуки происходящего вокруг.

Я делаю шаг вперед, но тут же натыкаюсь на амбала, приближение которого не заметила, полностью провалившись в подслушивание разговора.

— Кто это тут у нас?

Хриплый голос доносится до Мирона и его собеседника. Две головы резко поворачиваются в мою сторону, а крепкие руки амбала обхватывают и заталкивают меня в кабинет.

— Бааа, да это же телка Кэша, — всплеснув руками, Мирон хищно улыбается, кипятя во мне потребность растереть его в порошок.

— Если ты только попробуешь использовать кастет, я тебя уничтожу, — не обращая внимания на организатора, предупреждаю парня со смазливой физиономией, на которой тут же растекается неприятная ухмылка.

— Еще и с острыми зубами. Ты мне нравишься! — подойдя ко мне, темноволосый ублюдок пробегается по моему телу вязким взглядом. — Сначала я разберусь с твоим трахарем, а потом возьмусь за тебя.

Наглая лапа ложится мне на ягодицы и сжимает. Волна ярости бьет в голову, и я с размаху даю придурку пощечину, но тут же пошатываюсь назад, ловя черные пятна перед глазами, потому что его ладонь со звоном впечатывается в мое лицо.

Боль обжигает, вызывая слезы в уголках глаз, но она еще никогда не рождала во мне настолько черную ненависть.

Темные глаза подонка светятся звериной силой. В нем нет абсолютно ничего человеческого. Для такого не существует правил. Если ему ничего не стоит ударить меня, значит, точно также он наплюет на человеческие принципы и воспользуется кастетом во время боя.

Эта мысль набатом бьет в висках, распространяя по венам ужас. Забывая о том, что справиться с тремя под силу кому-

нибудь явно покрепче меня телосложением, я резко разворачиваюсь, отталкивая ублюдка, и собираюсь выскочить из кабинета, чтобы предупредить Матвея.

— Дура, дура, — качает головой Мирон, как только его амбал мгновенно останавливает меня, подхватив за руки и больно заломив их за спиной. — Я бы конечно мог закрыть тебя здесь в кабинете. Но теперь мне хочется, чтобы ты собственными глазами увидела, как твоего «рыцаря» покалечат. На балкон ее, Гриша!

Глава 48

Марина

Чувство беспомощности и безысходности — это именно то, что сейчас окутывает меня липкой паутиной, проникает под кожу и отравляет горьким страхом.

Находясь сверху, на балконе, на который я никогда раньше не обращала внимания, так как он скрыт за ярким светом прожекторов, все, что я могу — это абсолютно беспомощно наблюдать за разворачивающейся внизу картиной. Похоже наблюдение за всеми боями ведется именно отсюда. Не снизу же толстосумам топтаться рядом с простым народом. Они выбрали себе место гораздо удобнее. С этой высоты весь ринг как на ладони.

Вот и сейчас в этой небольшой комнате со мной, Мироном и амбалом находится мужчина, один внешний вид которого говорит о том, что его присутствие здесь уже большое счастье для организаторов. Вот только мне всегда было плевать на статус, если заключение сделок ведется нечестным путем.

Сердце вздрагивает и взвивается к горлу, когда под остервенелый свист зрителей и тяжелую музыку на ринг выходит Матвей. Уверенность твердой печатью лежит во всем его облике. Мой засранец твердым шагом идет вперед, одаривая своих фанатов широкой улыбкой. Походка, как и всегда, вальяжная, игривая. Его любят, им восхищаются. Взгляды сотен присутствующих приклеены к тому, кто полностью принадлежит только мне, а я не могу разделить ни с кем этого восторга, потому что отчаянно борюсь с желанием выбить разделяющее нас стекло голыми руками и покричать ему об опасности. Только здравый разум удерживает от подобной глупости, ведь даже если я буду орать во весь голос, меня никто не услышит.

Матвей усмехается, наблюдая за тем, как с противоположной стороны ринга выходит соперник. Меня стягивает кнутом. Волнение душит. Я машинально обвожу глазами полуголое тело, пытаясь понять, куда ублюдок мог спрятать кастет. Но кроме как в перчатку, наверное, некуда.

Перед началом боя Матвей несколько раз оборачивается вокруг себя. Внутренний голос подсказывает, что он ищет меня. На последних спаррингах я всегда стояла впереди. Была первой, кто поздравлял его с победой. И мое отсутствие сейчас может сбить его с толку. Чертовы твари. Ненавижу!

В первом ряду из знакомых мне Лана, Кирилл и Рыжий. Девчонке сегодня впервые позволили присутствовать на бое.

После объявления начала и удара в гонг, меня буквально впечатывает в стекло. Каждый раз, когда Матвей наносит удар, я мысленно кричу ему, чтобы бил сильнее. Мне ни капли не жаль противника. В висках набатом пульсирует единственное желание, чтобы наглый соперник не успел использовать кастет.

Судя по голосам сзади, Мирон что-то втирает знакомому. Тот выглядит расслабленным, но по выжидающему внешнему виду можно угадать, что на самом деле все не так. Он явно ждет победы своего человека. Практически каждую секунду я оборачиваюсь на дверь в надежде, что хренов амбал отвлечется и мне удастся сбежать, но он словно прирос к месту у выхода.

В одно из таких мгновений, когда я отвернулась от ринга, из зала внезапно волной принесло неодобрительный гул. С замиранием сердца оборачиваюсь и вижу Матвея стоящим на коленях, а у него на лбу алое пятно крови. Ужас лезвием вспарывает внутренние органы. Меня парализует, спазм охватывает горло. Кажется, я что-то кричу, но соображать удается с трудом.

Матвей

В глаза словно стекла насыпали. В висках стучит. Кровь шумным потоком несется по венам.

Исподлобья смотрю на мудилу, оскалившегося мне в ответ. Он разминает шею, довольный тем, что удалось поставить меня на колени ударом в голову. Вот только, блядь, я слишком давно участвую в этом виде спорта, чтобы не понять, что удар был произведен далеко не кулаком.

На то, чтобы встать у меня всего несколько секунд, потому как если начну медлить, ублюдок воспользуется моментом и отправит меня в нокаут. Превозмогая тупую боль в висках, я опираюсь локтем на колено и рывком выпрямляюсь. Не знаю, что там у него под перчаткой, но обязательно выясню, когда завалю его и заставлю харкать кровью.

Народ вопит, посылая поддержку и выкрикивая мое прозвище. Они всегда за своих. Пока я прилагаю адские усилия, чтобы собрать расплывающуюся картинку в единое целое, мимолетно замечаю в ужасе прикрывающую рот Лану и Рыжего, уверенно втирающего ей что-то на ухо. Лучше бы вывел отсюда, говорун, мать его. Знал же, что здесь ей не место, но Рина уговорила и заверила, что будет за ней присматривать. С каких пор я стал слушать баб, блядь? И кстати, где носит эту дикарку?

Обыскать еще раз зал в её поисках мне не удается, так как рефери свистит практически мне в ухо, заставляя собраться. Выдыхаю и подбираюсь.

Хук справа, лоу-кик левой ногой. В башке гудит, но я черпаю

внутренние резервы.

— Даваааай, мудак, нехер сгибаться пополам. Ты же хотел уложить меня, — ору в лицо чернявому, добиваясь его ярости.

В глазах напротив вспыхивает ожидаемая чернота.

Дааа, давай, забудь о технике, руководствуйся эмоциями, долбоёб.

Придурок выкидывает кулак вперед, но я мгновенно бью правый кросс ему в челюсть.

Под визг телок долговязое тело шатается и едва не падает, давая мне несколько секунд преимущества. Не растрачивая энергии, до хруста заламываю его руку за спину и валю на маты. Душу, применяя локтевой захват.

По венам течет адреналин, воспламеняет внутреннего демона и дарит ему долгожданную победу. Почти победу… потому как мудило, извернувшись, со всей дури лупит меня по голове. Боль пронзает череп и я, на мгновение теряя ориентацию, оказываюсь лежащим под противником.

Бляяяядь!

Сука не теряет времени даром и начинает методично бить меня сначала в грудную клетку, потом по роже. Мой блок не помогает. Сквозь пелену распространяющейся адской боли понимаю, что, наверное, это нахрен всё.

Марина

— Нееет! — начинаю колотить в стекло кулаками, а потом, не контролируя себя, набрасываюсь на Мирона с воплем: — Выпусти меня, козел!

Амбал рывком оттаскивает меня от татарина, в чье лицо я успела вцепиться ногтями и оставить несколько глубоких царапин, но мне плевать, что и как он может сейчас сделать. Если потребуется, я убью их всех к чертовой матери.

— Отпусти уже эту психичку, — слышу гневное рявканье организатора, пока меня за шкирку оттаскивают к стене, — все равно она уже ничем не поможет.

В те минуты, что я несусь по лестнице вниз и расталкиваю столпившейся кучей народ, внутри все звенит. Мыслей нет ни одной. Я даже не знаю, что смогу сделать, ведь на ринг меня все равно не выпустят. С недавних пор он обнесен ограждением, и даже если бы я хотела сейчас выцарапать глаза подонку, избивающему Матвея, мне бы это не удалось.

Мне просто нужно быть там. Рядом с ним.

Крикнуть, что у соперника кастет, возможно рефери его остановит. И оказывается, я даже кричу обличительный факт во все горло, но меня не слышно из-за музыки.

А еще из-за шокового состояния я не сразу понимаю, что

Матвею в какой-то момент удается оттолкнуть подонка и даже ударить его по лицу.

Меня подбрасывает извергнувшейся надеждой. Сердце болит при одном взгляде на говнюка. Его ребра в кровоподтеках, на плечах ссадины, а по лбу стекает кровь.

Еще никогда прежде он не уходил таким после боя. Обходился несколькими синяками. Но сейчас… Господи, можно только представить как ему больно. Я отчетливо помню это чувство, когда тебя бьют. Когда болит каждый сантиметр тела. Меня не били кастетом, но зато устраивали темную скалкой, украденной из кухни и замотанной в простыню, чтобы оставить меньше доказательств.

— Рина, мне страшно, — голос Ланы отрывает от пристального наблюдения за рингом.

Девчонка выглядит напуганной, шокированной. Я не раздумывая прижимаю ее к себе, позволяя спрятаться на своем плече. Я потом пойму, что это стало моментом, когда мелкая окончательно меня простила и пришла искать подтверждения того, что с Матвеем будет все в порядке, именно у меня, а не у Сашки. Не замечаю, как прижимая испуганную девчонку к себе, и сама дрожу.

Матвей сильный. Он, мать его, самый сильный и волевой говнюк из всех, кого я знаю.

Я не понимаю, говорю это вслух или повторяю сама для себя как мантру, но когда ему удается повалить соперника на маты и, зажав его руку коленом, стащить с запястья перчатку и вывалить всем на обозрение кастет, я начинаю смеяться. Истерический смех, наполненный облегчением, моментом торжества и всепоглощающей гордости рывками покидает легкие.

С силой впиваюсь пальцами в сетку вокруг ринга, а Лана, высунув лицо из-под ладоней, во все глаза смотрит на брата.

Потеряв оружие, Богдан тут же ожидаемо сдувается. Вся его сила была именно в этой крошечной запрещенной вещице. Матвей, улавливая его растерянность, наносит несколько точных ударов и наконец отправляет ублюдка в нокаут.

Народ кричит, бунтует, поняв, что их едва не надули. Поднимается неодобрительный гам и в сетку летят жестяные банки из-под пива, другие свистят в поддержку Матвея, а я не могу отвести от него глаз, когда приходит осознание, что он совсем без сил. Пока рефери держит его за руку, объявляя победителя, Матвея качает в разные стороны, его взгляд не может сфокусироваться, а потом вдруг он начинает медленно оседать на маты и в один момент вовсе отключается.

Не помня себя от ужаса, дергаю сетку на себя, требуя рефери

впустить меня, и тот подчиняется, скорее Рыжему, чем мне, но сейчас это не важно.

— Матвей!

Вместо жалобной мольбы из горла вырывается яростное рычание. Я падаю на колени рядом с моим избитым психом и сразу же приникаю к его губам, стараясь понять, дышит он или нет. Сзади доносятся всхлипывания Ланы, кто-то требует скорую, а я смотрю на запекшуюся кровь над широкой бровью и лихорадочно глажу побитое лицо ладонями.

Я не знаю, какой силы удары наносил ублюдок. Возможно, у Матвея сотрясение мозга или что-то еще хуже. Соображать не получается совсем. Меня начинает трясти, по спине катится ледяной пот, но вместо ожидаемых слез изнутри зарождается волна ярости. Он не должен так со мной поступить.

— Говнюк, мать твою! — впиваюсь ладонями в мокрые плечи и как могу встряхиваю его. — Ты победил! Слышишь!? Победил! Как и всегда! Доказал в очередной раз, что тебя не сломишь даже кастетом. А теперь вставай давай.

Сердце стучит так сильно, что я почти не слышу своего голоса. Понимая, что мои слова тонут в пропитанном потом и напряжением воздухе, я как будто борясь с кем-то невидимым начинаю рычать еще отчаяннее и трясти его еще сильнее.

— Ты говорил, что теперь есть МЫ. Не смей оставлять меня одну! Я поверила тебе. Поверила, что дальше мы сможем вдвоем. Согласилась поступить в чертов медицинский, ходить на подготовительные, работать администратором в спортивном клубе пять часов в день, — слова льются неконтролируемым потоком, пока меня выворачивает наизнанку, а он даже не шевелится в ответ. Хотя бы крошечное движение, едва различимое, — Я купила сегодня ароматические шарики в гостиную. В первый раз в жизни купила долбанные шарики. Для нас. Я убью тебя, если ты меня бросишь. Возненавижу! Слышишь?!? Я уже ненавижу тебя! Ненавижу! Люблю тебя, говнюк ты чертов!

Капли слез капают Матвею на покрытый ссадинами и потом подбородок, стекают по шее, оставляя влажные дорожки. Я как будто исчезла, провалилась в темную яму, из которой нет выхода и нет возможности дышать. Меня заморозило ожиданием и страхом потерять того, кто стал за короткий период таким важным в моей жизни. Кто смог подарить надежду на то, что дальше можно вдвоем, а не одной. Я не хочу больше одной. Не смогу сама. Не после того, как узнала, что могу быть кому-то нужной.

Всхлипывания рвут грудную клетку, а потом… потом меня

вдруг невидимой силой толкает прямо к его лицу. Щекой проезжаюсь по колючей щетине и слышу:

— Риии, ты такая романтичная! Повторишь еще раз?

Резко вскидываю голову и в расплывающийся от слез фокус ловлю смеющийся взгляд голубых глаз. Сердце останавливается на несколько секунд, а потом с новой силой несется вперед.

— Ах ты сволочь!

Гневный поток обвинений прерывается жестким поцелуем, от которого мне даже не хочется отлипать, чтобы убить его за то, что заставил только что пережить.

Привкус крови на губах, смешанный с солеными слезами и ощущением тотального облегчения захлестывает с головой. Это самый лучший поцелуй в моей жизни.

Наглый язык орудует в моем рту, ладонь на голове давит, не позволяя отстраниться ни на миллиметр, а потом сквозь поцелуи я слышу хриплое:

— Я тоже тебя люблю, ненормальная!

Эпилог

Год спустя

Марина

— Так что, Матвей, я теперь останусь без персональных тренировок?

Отпиваю вино прямо из горла и протягиваю бутылку говнюку. Он игнорирует ее и устремляет на мой рот многозначительный взгляд. Ах, ну да, как я могла забыть.

Обхватываю пальцами ворот черной футболки и притягиваю любимого к себе, чтобы позволить наглым губам уткнуться в мои и перелить вино к себе в рот.

Сегодня мы празднуем скорое открытие его собственного спортивного клуба, где каждый, кто желает, сможет обучиться технике нескольких видов боев. А мой засранец будет обучать боям без правил.

— Ну почему же? Твои ежедневные тренировки никуда не денутся!

Широко ухмыляясь, Матвей ведет языком по моей скуле и ощутимо прикусывает мочку уха. Мужские руки сильно сжимают мою талию, а большие пальцы ныряют под топ майки и дразнят кожу живота.

— Мы сейчас о спортивных тренировках говорим?

— А, ты о них?

Гортанный смех, теплыми волнами льющийся по моему предплечью, вызывает рой мурашек по коже и томительное желание внизу живота. Матвей раздвигает мои ноги и становится между ними. В огромном спортивном зале, с висящими грушами под потолком, кольцами и снарядами для прокачивания мышц пока что мы одни, но уже скоро его заполонят желающие стать физически здоровее и сильнее.

— О них! Потому что если ты думаешь, что теперь из-за того, что я буду учиться, не смогу следить за стервами, вертящими своими задницами перед твоим носом, то очень ошибаешься.

— Дикарка ревнует? — рычит довольный котяра, стягивая на моем затылке хвост в кулаке и заставляя посмотреть в пронзительные голубые глаза.

— Дикарка просто порвет на части.

Констатирую факт и тут же получаю глубокий поцелуй вместо ответа. Конечно, я верю тому, что даже сотня обтянутых спортивными штанами задниц не в состоянии привлечь его внимание, но все же границы обозначить стоит.

За год наших отношений мы прошли многое. Гору битой

посуды, выяснений отношений на почве совершенно разных событий. Мы кричали, наверное, тысячи раз друг на друга, потому что сдерживать эмоции не умеем ни я, ни он. Но мы учимся. И самое главное, что еще ни разу за этот год мы не спали в разных кроватях. Что бы ни случилось, как бы ни обидели друг друга, ни выплеснули накопившееся, я все равно, так или иначе, оказываюсь в объятиях моего психа.

Именно благодаря ему я поступила в медицинский. Пусть не на бюджет, так основательно подготовиться не удалось. Но все же теперь у меня есть деньги на обучение и даже на довольно-таки безбедное существование. Не знаю, каким образом Матвею удалось заставить моего папашу открыть мне счет и положить на него круглую сумму, но я благодарна. Сначала правда отказывалась и даже взбрыкнула, когда мне впервые позвонили из банка, но Матвею в очередной раз своими способами удалось убедить меня в том, что если уж «носитель одного и того же генетического материала» не смог подарить мне родительской любви, то он как минимум задолжал мне жизнь. Нормальную жизнь, которой у меня никогда не было.

Я не трачу эти деньги налево и направо. Пока только собираюсь оплатить первый год обучения, на все остальное зарабатываю сама. А те пусть лежат на счету. Мало ли когда пригодятся.

Матвей углубляет поцелуй и, подхватив меня под ягодицы, упирает собой в стену.

— Думаю, самое время начать нашу тренировку, Рииииии!

Улыбнувшись, я в нетерпении избавляю Матвея от ненужной футболки. Мы столько времени вместе, а я все еще дико хочу его. Как в тот самый первый раз, когда решилась отдать себя этому ненормальному и ни разу об этом не пожалела. Наше желание каждый раз острое, яркое, на грани взрыва. Наверное, мы никогда не сможем жить размеренным существованием, а возможно научимся позже. Это не главное. Главное, что я больше не чувствую себя одинокой, так же, как и Матвей. С недавних пор в нем нет прежней ледяной ярости, цинизма и хладнокровия к окружающим. Нет, мой говнюк так и остался несдержанным психом, и порой некоторым отчаянным идиотам от него нехило достается. Но я люблю его за то, какой он есть. Один такой. Импульсивный. Неидеальный. Мой.

Жадно провожу ладонями по твердым мышцам на руках, предплечьям, исследую пальцами колючие скулы и пробегаюсь подушечками по небольшому шраму на широкой брови, рассекающему ее рваной молнией. Напоминание о его последнем бое. Матвей в этот момент одновременно со мной вдавливает

большим пальцем аналогичную молнию, татуировкой расположившуюся на моих ребрах.

Бросаю взгляд на камеры в углах зала и прикусываю губу в предвкушении. Запись уже ведется. Пересмотрим потом очень занятный фильм.

— Начинайте, господин тренер!

Конец

Бонус

— Мммммм, — улыбаюсь довольным кошарой.

Опускаю руку к паху и, не открывая глаз, пропускаю пятерню сквозь шелковистые волосы Рины, устроившейся над моим утренним стояком. Наша традиция просыпаться по утрам от совместных ласк последнее время терпит брешь из-за моей занятости в клубе и ее учебы, поэтому сейчас, когда дикарка дразняще ведет кончиком языка вдоль ствола, я как никто доволен долгожданным выходным.

— А теперь бери в рот, Риии, — хриплю еще непроснувшимся голосом и тут же с шумом выдыхаю, стоит горячим губам сомкнуться вокруг головки.

— Сегодня командую я, — теплой вибрацией по моей коже, заставляя приоткрыть глаз.

— Попробуй, — хмыкаю и давлю на затылок, чтобы не отвлекалась от пожелания самого доброго утра.

Ри прикусывает чувствительную гладкую кожу зубами, демонстрируя, что слов на ветер не бросает, а я хрипло ржу в ответ. Закидываю руки за голову и позволяю ей руководить. Чего не сделаешь ради любимой засранки и собственного удовольствия.

Спустя несколько минут откровенных и дерзких ласк языком, губами, ловкими пальцами, сжимающими основание члена, как я люблю, меня стягивает мощной пружиной и разрывает волной острого оргазма. Утром всегда так. Долго не получается. Особенно когда она делает мне минет, или я устраиваюсь между ее ног, чтобы сожрать любимое блюдо.

— Доброе утро, любимый, — мелодичный голос на ухо возбуждает нервные окончания.

Задница Рины трется о мой стояк, щедро увлажняя его своим мускусным желанием и заводя меня по второму кругу. Обхватываю упругий зад ладонями и крепко в себя вжимаю, не позволяя двигаться, хотя знаю, что ей очень этого хочется.

— Доброе утро, Ри, — выдыхаю в рот шалунье и приподнимаюсь, чтобы поймать сладкие, пахнущие мной губы.

От сна не осталось и следа. Похер, что вчера приперся позже двенадцати, уставший, как волк после охоты. Никогда не думал, что возня с документами может занимать столько времени. Но, несмотря ни на что, когда моя шалунья хочет секса, я безоговорочно даю ей желаемое. Тем более что сам хочу ее как в самую первую встречу. Необузданно и дико. До покалывания под кожей.

Ловлю острый язык и всасываю его в себя, параллельно раздвигая ее ягодицы ладонями и пробегаясь между ними подушечками пальцев. Мокрая, сладкая… Стонущая в ответ на мое наглое вторжение пальцев внутрь горячей влажности.

— Хочу член! — требовательный выдох мне в губы.

— А так не нравится? — вдавливаю пальцы глубже и делаю ими несколько резких толчков.

По вспыхнувшим огонькам в зрачках вижу, что нравится, но этого недостаточно.

— Хочу больше.

Меня самого уже плавит от тотального возбуждения, поэтому сворачивая игру, обхватываю член влажными от ее смазки пальцами, направляю головку внутрь и хрипло стону, стоит узким стенкам сжать меня в момент, когда Ри уже сама садится сверху.

Выпрямляется, открывая вид на небольшую грудь с напряженными сосками. Чертов шедевр. Сколько раз я обводил языком две крошечные родинки на животе. Прикусывал кожу вокруг пупка и сминал гладкий лобок… Сколько раз еще сделаю это, потому что разве можно оторваться от единственного, что я люблю?

Опускаю глаза туда, где ее плоть насаживается на меня, и приглушенно рычу.

— Двигайся! — приказываю, обхватывая стройные бедра ладонями и помогая ей совершать ритмичные движения, которые нам обоим просто необходимы сейчас.

Мне мало ее. Маниакально мало. А в последнее время еще меньше. Как же охуенно было в прошлом году, когда мы практически двадцать четыре часа проводили вместе. Редко появляться в универе вообще стало не проблемой, особенно зная, что дома меня ждет зараза в коротких шортах, с карандашом в волосах вместо заколки, увлеченно готовящаяся к вступительным. Но, тем не менее, времени у нас друг для друга было в разы больше, даже не смотря на её смены в спортивном клубе, куда Рина устроилась администратором. А перед поступлением и вовсе уволилась по моему настоянию.

Сейчас же эта нехватка дикарки стала катастрофической. Хоть, блядь, открывай еще один филиал прямо в здании ее универа, чтобы на переменах ко мне приходила и получала дозу своего личного тренера, а я моей персональной первокурсницы.

Громкие стоны Рины неумолимо приближают мою разрядку. Движения становятся резче, глубже. Обожаю это ощущение тотального единения. Когда кроме нас с ней не существует ни черта вокруг. Когда от напряжения практически лопаются вены, а по нервным окончаниям мчится ток. Рина опирается ладонями в

мои плечи, я же тараню податливое покрывшееся капельками пота сексуальное тело, пока узкая плоть не начинает хаотично меня сдавливать, вытягивая во второй мозговыносящий оргазм.

После душа мы заваливаемся на кухню, чтобы теперь уже закинуться дозой кофеина и никотина. Суббота, мать ее, можно никуда не спешить. В понедельник найду нового бухгалтера, и пусть разгребает то, что оставило после себя предыдущее тупорылое создание.

— Матвей, помнишь, что сегодня у меня встреча со знакомой?

Ри приостанавливается рядом со мной, приподнявшись на цыпочках, затягивается от моей сигареты, а потом, выпустив дым в потолок, продолжает путь к холодильнику.

— Которая из Америки приехала?

— Да. На самом деле она родом отсюда. Просто почти два года назад уехала в США с семьей.

— Помню, конечно, иди.

Усевшись на барный стул, делаю глоток горячего кофе.

— Пойдешь со мной?

Удивленно вскидываю бровь, внимательно всматриваясь в зеленые глаза. Это первый человек после наркоманши Вики, с которым она хочет меня познакомить. По известным причинам. И отказать ей в подобной мелочи я просто не могу. Даже будь эта знакомая самой тупой шваброй на свете, я бы все равно пошел. Круг моих знакомых известен Ри еще давным-давно. У нее же даже круга нет. Хотя со времени учебы начал появляться. Если бы еще не мудаки обтирающиеся рядом, я был бы просто счастлив.

— Без проблем.

Отвечаю, возвращаясь к заданному вопросу. Искренняя благодарная улыбка в ответ греет орган, находящийся за ребрами.

— К вечеру поедем. Лена предложила встретиться в ресторане на площади. Там хорошая детская комната. Просто она будет с дочкой.

Еще и с дочкой. Веселенький намечается вечер.

Днем мы заезжаем в «Детский мир», чтобы купить штук пять разных кукол, потому что ни я, ни Ри ни хрена не разбираемся в том, что сейчас модно среди семилетних, и просто ведемся на советы консультанта, которая быстро просекла, что с нас можно содрать нехилую сумму, и нагло этим воспользовалась.

С небольшим опозданием приезжаем к ресторану. Небольшая авария на центральной улице на добрых полчаса заморозила все движение, вынуждая дикарку нервничать и едва ли не крыть матом тех, кто умудрился поцеловаться на перекрестке.

— Ненавижу опаздывать.

Ворча, Рина врывается в здание ресторана первой, я же, забрав с заднего сиденья пакет с игрушками, вхожу уже тогда, когда она сжимает в объятиях высокую брюнетку.

Узнавание приходит постепенно, по мере моих шагов к угловому столику. Нет, таких совпадений просто не бывает. Издевательский смешок срывается с губ уже тогда, когда глаза некогда знакомой брюнетки находят меня и практически мгновенно леденеют. Ри с улыбкой отстраняется, не сразу подмечая изменившуюся в лице… черт, имя забыл… как Ри сказала ее зовут? Лена?

Зато замечает Борзый. Наблюдая за сценой их приветствия, от старого знакомого явно не укрылось, как изменилась в лице его пассия. Опускаю глаза на того, по чьей наводке я оказался в больнице в свое время. Челюсть Борзого сжимается, я же улыбаюсь еще шире.

— Лен, это Матвей, я рассказывала тебе о нем.

Моя девочка, кажется, только сейчас просекает, как изменилась атмосфера вокруг. По очереди смотрит на каждого из нас, пытаясь понять, почему мы все втроем зависли.

— Точно, Лена, а я не был уверен, правильно ли помню твое имя, — клацаю языком и снова схлестываюсь взглядами с Андреем. Протягиваю руку. — Ну здорово!

Тот медленно встает, выпрямляясь во весь рост и косясь на мою открытую ладонь. Ну давай, посмотрим, как тебя изменили два года. Сомнительно, чтобы он, как и в прошлые разы, бросился на меня с кулаками. Все-таки уже «семья» за плечами. Хотя судя по сжатым челюстям не сильно — то и поменялся. Но руку жмет.

— Кеша!

— Матвей, — с нажимом поправляю и тут же поворачиваюсь к замеревшей статуе.

В последний раз, когда я ее видел, из одежды на Лене был только тонкий халат. Сейчас же стройную фигуру обтягивает темное элегантное платье до колен, а вот волосы зализаны в хвост, как и раньше.

Черт, меня будто в прошлое швырнуло.

— Лена… — вопросительно изгибаю бровь, предлагая напомнить отчество.

— Юрьевна.

— Точно. Лена Юрьевна.

— Я не поняла, вы знакомы?

Из понятных только нам гляделок нас вырывает Рина. Как всегда пронзительно смотрит на меня в упор, ища ответ и пытаясь нащупать точки соприкосновения.

— Да. Лена преподавала в моем универе. А с Андреем… Скажем так, встречались пару раз.

Хмыкнув, Борзый заваливается обратно на стул и придвигает его ближе к Лене. Меня это улыбает. Неужели думает, что за два года я все еще буду подкатывать к его телке?

— Да, малоприятные встречи, — шипит Борзый, за что получает от преподши недовольный взгляд.

— Это было давно, Марин, — брюнетка, наконец, обретает способность разговаривать, и, кажется, первая готова идти на мировую, — просто как-то не думала, что твой Матвей это и есть Кешнов.

— Слушайте, как… — зажмуриваю глаза и со смешком снова открываю их, — каким вообще образом вы можете быть знакомы?

Блядь, ну ни хрена жизнь не перестает удивлять. Миллиарды людей на планете, миллионы в нашей стране, а этим двоим удалось сконтачиться.

Официант, нарисовавшийся не вовремя, принимает у нас заказ и испаряется.

— В детском доме познакомились.

Ри откидывается на стул, где на спинке лежит моя рука. Две пары глаз безотрывно следят за тем, как мои пальцы полюбовно разрисовывают на ее плече узоры.

— Я тогда как раз собиралась удочерить Камиллу, а Марина приходила к детям в качестве волонтера и приносила им то вещи, то игрушки. Помогала, в общем, — немного расслабившись, поясняет брюнетка. — Как-то мы разговорились, несколько раз даже виделись вне стен детского дома. С тех пор и общаемся.

— А где, кстати, Ками? — интересуется Ри.

— Вот как раз идет.

Светловолосая девчушка в джинсах и свитере с каким-то персонажем из мультика на груди подходит к нашему столику и присаживается на колени брюнетке. Хоть убей, не помню ее фамилию.

— Здравствуй, Ками.

Моя девочка оживает и радостно подается вперед. Это лампы в помещении подкрутили в яркости, или это Ри впервые за всё время нашего знакомства источает настолько яркий свет и какое-то воздушное счастье?

Мелкая, нахмурившись, долго на нее смотрит, а когда Лена напоминает, кого же та так усердно рассматривает, вдруг узнает и расплывается в ответной улыбке.

— Привет, Марина.

— Как твои дела?

— Хорошо все. Приехали к деду в гости.

Опа. Значит отец Борзого для нее «дед». Интересно, а Борзый «папа»? От этой мысли меня снова тянет заржать. Мдааа… как нас меняет время.

— А я тебе кукол принесла. Правда не знаю каких ты любишь, поэтому мы с Матвеем купили несколько.

Одарив пакет с игрушками саркастичным взглядом, Борзый перемещает его на меня. Сто пудов, наши мысли сейчас сходятся.

Пока Ри с девчонкой разбирают пакет, я обращаю внимание на парочку, чьи пальцы переплетены в замке и расслабленно покоятся на столе.

— Как Америка?

— Хорошо, — коротко отвечает Лена, все еще не решаясь надолго встречаться со мной взглядом, но отвечая вежливо и даже без презрения в голосе.

— Как универ? Преподы устраивают?

Тяну уголок губ вверх, обращаясь теперь уже к Борзому. Мой откровенный намек на его слабость перед преподавателями не остается незамеченным. Но надо отдать должное его выдержке. Взгляд тяжелый, а вид как был расслабленным таким и остался.

— Нормальные преподы. Но у нас лучше.

Ну еще бы!

Издаю смешок и добрых десять минут выслушиваю болтовню Ри и Лены, которые делятся событиями последних лет. Оказывается, брюнетка забросила преподавание и теперь занимается переводами. Ри не торопится открывать двери в нашу личную жизнь. Смазано рассказывает историю знакомства, а я то и дело ловлю на себе пристальные взгляды парочки. Как под микроскопом, блядь.

— Пойду, покурю.

Дождавшись, пока Ри вскинет голову, ловлю ее губы и, подмигнув, отправляюсь на улицу. Пусть посекретничает. Хотя зная дикарку, все эти девчачьи фишки не в ее стиле. Она скорее будет слушать других, чем рассказывать о себе и выносить нашу жизнь на обозрение.

Подкурив сигарету, опираюсь локтями на ограждение и выдыхаю дым в морозный воздух. Ноябрь месяц, а дубарь как в феврале.

Деревянная половица скрипит, выдавая присутствие постороннего, а спустя секунду рядом нарисовывается фигура Борзого.

Окатываю его взглядом. Папаша, блин. Младше меня, а уже дочка есть. Хотя, может это она, наконец, выбила из него желание добиться уважение силой. Потому как теперь пацан выглядит в разы собраннее и менее психованным. Или это просто наши

встречи каждый раз проходили не в том формате, чтобы узнать его можно было с другой стороны.

— Слышал, ты свой спортивный клуб открыл.

Крутнув колесико зажигалки, глубоко затягивается и отзеркаливает мою позу.

— Бааа, неужели новости обо мне долетели до самой Америки?

— Сильно не обольщайся. Новости не мирового масштаба. Скорее местные. Пашка говорил.

Хохотнув, делаю еще одну затяжку.

— Ну да, как я мог забыть о Дубе.

Теперь уже усмехается Борзый. Кто бы мог подумать, что мы сможем общаться хотя бы на нормальных тонах и без желания растереть друг друга в мокрое пятно по асфальту?

— И как тебе собственное дело?

— Не кулаками махать, — толкаю правду, за что получаю в ответ громкий понимающий смешок, — но что нас не убивает, как говорится…

— Мдааа. Ну ничего. Ты вообще мне благодарен должен быть. Может, если бы не я, и не было бы никакого дела у тебя.

На долгие секунды наши взгляды пересекаются. Наверное, так и есть. Кто знает, где бы я был, если бы он тогда не настучал моему отцу. Может, конечно, меня спалил бы кто-то другой, но это вряд ли. Поэтому действительно никакого дела могло бы и не быть. Да и я, хер знает, где теперь мог бы оказаться. Если бы оказался вообще.

— Фея крестная? — задираю бровь, сводя все на шутку. Мы оба понимаем, что благодарить вслух его я не стану.

Борзый ржёт, а потом оборачивается, когда сзади раздается покашливание.

— Я подумала, что вы можете убить здесь друг друга, и решила на всякий случай проверить.

Его преподша внимательно наблюдает за нами, но похоже смех и расслабленная обстановка сбивают ее с толку.

— Нет, Лен, все в порядке.

Борзый отбрасывает в урну окурок и притягивает девушку к себе. По-хозяйски обнимает за талию. Скорее просто собственнический жест, чем очерчивание границ.

— Да, Лен, не волнуйся, — ободряюще подмигиваю, — брызгать в рожу баллончиком, думаю, не придется.

На напряженном лице впервые за весь вечер в мой адрес вырисовывается легкая улыбка.

— Хорошо, что ты помнишь.

— Пока вы здесь стоите, мы с Ками съедим все ваше горячее,

учтите.

Справа доносится голос Рины, обращая наши головы в ее сторону. Дикарка стоит, сложив руки на груди, и топает носком кроссовка. Вот кому нужно было стать преподавателем. У нее бы все по стойке смирно ходили. А я бы тоже оказался падок на очки и указку.

— Да, пойдемте.

Обхватив лапищу Борзого, брюнетка утаскивает его внутрь, а я ловлю Ри за шею, когда она разворачивается, чтобы направиться следом, разворачиваю к себе и глубоко целую.

— Не знаю, какое именно горячее заказывали они, а я хочу свое горячее, — хриплю, кусая сладкую нижнюю губу.

— Будет тебе горячее! — тонкие прохладные пальцы забираются под свитшот, вызывая контраст с моей теплой кожей. Острые ногти царапают ее, вынуждая сжать зубы от волны возбуждения, направившейся прямиком в пах. — Потерпи еще часик!

Часик? Хрен там. Двадцать минут, не больше.

Конец